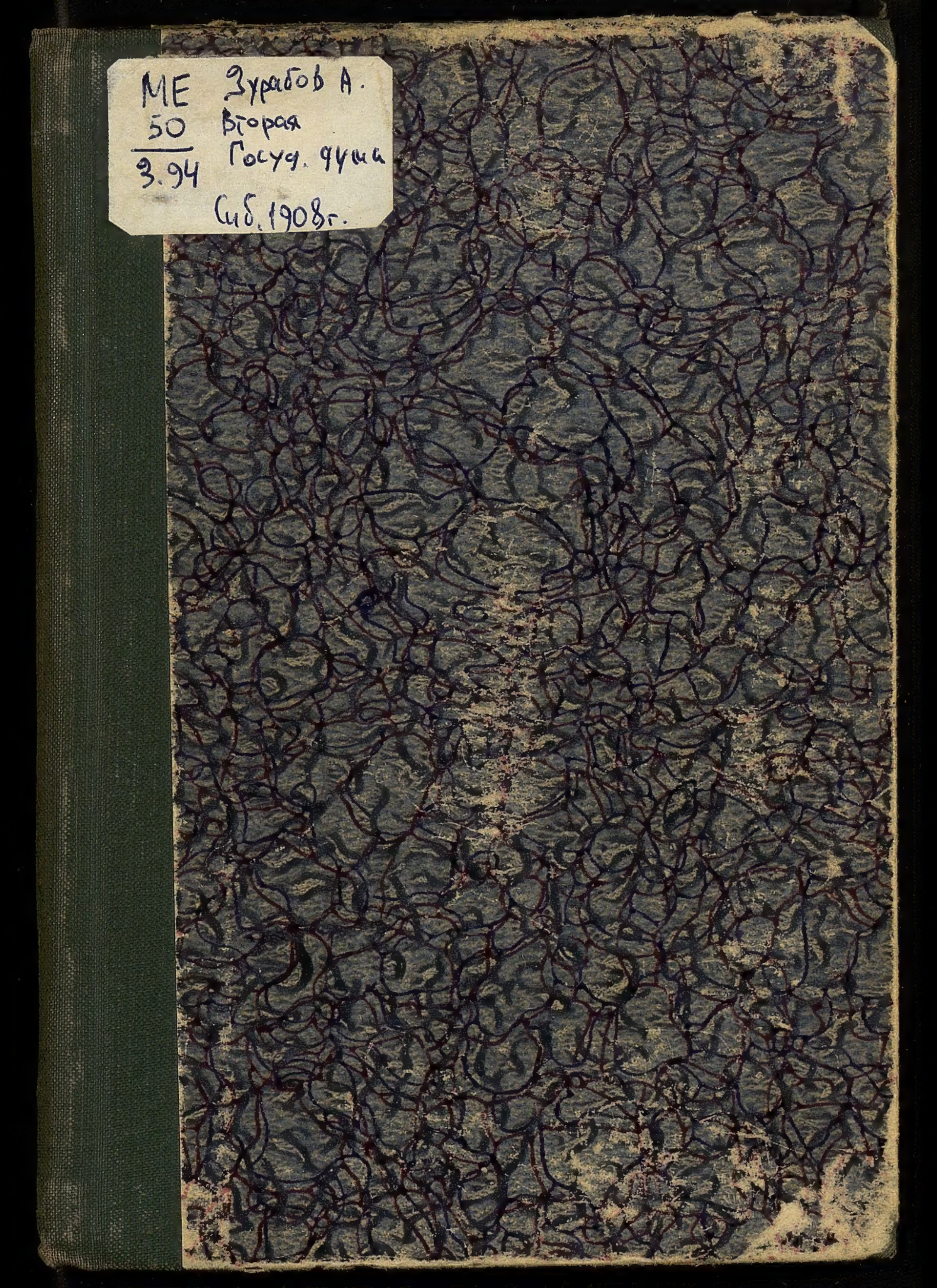

МЕ
50
З.94
Зурабов А.
Вторая
Госуд. думы
Спб. 1908г.

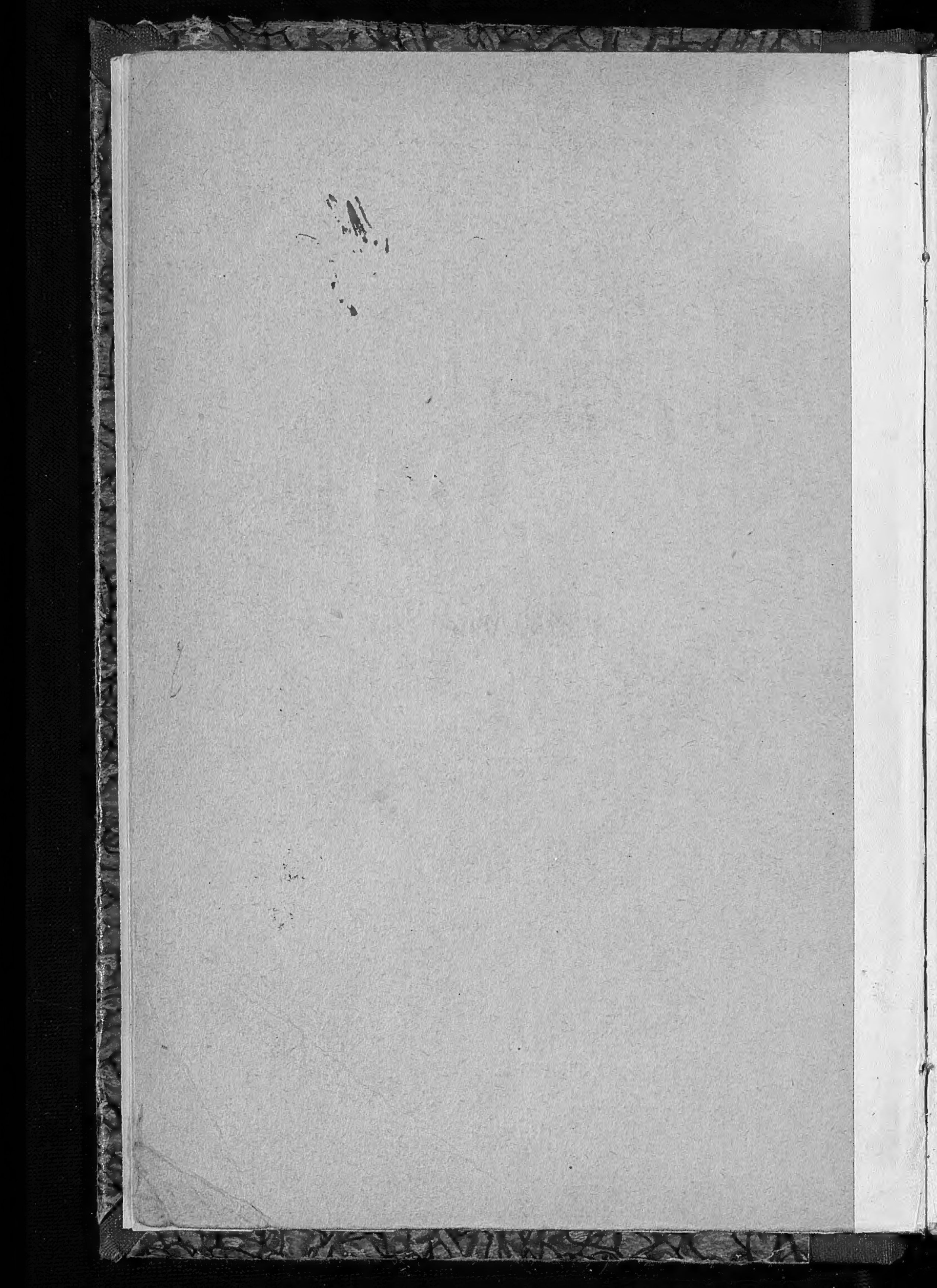
А. Зурабовъ.

ВТОРАЯ ДУМА.

(ВОСПОМИНАНІЯ).

Изданіе автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типо-литографія „Энергія", Загородный 17.
1908.

А. Зурабовъ.

Депутатъ Государственной Думы второго созыва.

ВТОРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

(ВПЕЧАТЛѢНIЯ).

Съ приложенiемъ нѣкоторыхъ рѣчей и резолюцiй с.-д. фракцiи.

„Такъ тяжкiй млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.“
А. С. Пушкинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типо-литографiя „Энергiя“, Загородный 17.
1908.

Дорогимъ товарищамъ кавказскимъ и туркестанскимъ рабочимъ посвящаетъ этотъ свой трудъ

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ роспуска 2 ой Госуд. Думы, измѣненія избирательнаго закона 3 іюня и преданія суду 55 депутатовъ соціалдемократической фракціи многіе изъ товарищей настойчиво предлагали выпустить въ свѣтъ брошюру о 2-ой Госуд. Думѣ. По мнѣнію этихъ товарищей брошюра должна была характеризовать политику правительства и параллельно съ ней тактику различныхъ общественно-политическихъ группъ въ стѣнахъ парламента.

Признавая крайнюю необходимость указанія на объективныя условія дѣйствительности, являющіяся источниками происхожденія и развитія этихъ тактикъ я, тѣмъ не менѣе, вынужденъ только вскользь упомянуть о нихъ, потому что въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы написать не брошюру, а цѣлую книгу... Изъза этихъ техническихъ соображеній и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ мнѣ неудобно здѣсь говорить, я очень мало коснулся внутренней жизни фракціи. Надѣюсь, что этотъ пробѣлъ возмѣщается отчетомъ нашей делегаціи на лондонскомъ съѣздѣ нашей партіи, а также и преніями, имѣвшими мѣсто на этомъ съѣздѣ по дѣятельности нашей думской фракціи.

Я и самъ сознавалъ, еще при существованіи Думы, что послѣ роспуска будетъ ощущаться потребность въ изданіи такой брошюры.

Политика правительства, стремящаяся отмежевать Думу отъ народа и зорко слѣдить за тѣмъ, чтобъ депутаты не общались съ народными массами, говорила намъ, что послѣ разгона Думы депутаты не будутъ имѣть *никакой* возможности дать устные отчеты своимъ избирателямъ.

Поэтому все время существованія Думы я, между прочимъ, посвящалъ собиранію матеріаловъ. Но обыскъ

слѣдователя и послѣдующія событія, сопряженныя съ актомъ 3 іюня, не дали возможности использовать ихъ. Такимъ образомъ, при составленіи брошюры я не пользовался почти никакими матеріалами, а писалъ больше по памяти.

Вотъ при какихъ условіяхъ мнѣ пришлось составить издаваемую брошюру.

Теперь дѣло читателя оцѣнить этотъ трудъ. Если онъ дастъ рядовому рабочему читателю нѣкоторое связное представленіе о борьбѣ между народнымъ представительствомъ и правящей бюрократіей и о той роли какую Дума сыграла въ цѣляхъ проясненія политическаго сознанія широкихъ слоевъ населенія,—то это будетъ лучшей наградой моему труду, написанному, повторяю, при самыхъ невозможныхъ условіяхъ.

А. Зурабовъ.

Государственная Дума второго созыва.

(20 февраля—3 іюня 1907 г.)

I.

Вмѣсто вступленія.

За всѣхъ, моя ненько, за всѣхъ!... Міръ—нашъ! Міръ для рабочихъ! Для насъ нѣтъ націй, нѣтъ племенъ, есть только товарищи, только враги. Всѣ рабочіе—наши товарищи, всѣ богатые, всѣ правительства—наши враги. Когда окинешь добрыми глазами землю, когда увидишь, какъ насъ, рабочихъ, много, сколько силы духа несемъ мы,—такая радость, такое счастье обнимаетъ сердце, такой великій праздникъ поетъ въ груди!
(М. Горькій. „Мать“.)

Умерла не своей смертью и вторая Государственная Дума. Но она въ отличіе отъ первой умерла не внезапно, а постепенно угасала къ великому огорченію всѣхъ ея друзей, наполняя чрезмѣрной радостью черносотенныя души всѣхъ ея враговъ. Угасла Дума! Безконтрольное самодержавное правительство еще разъ съ какимъ-то злорадствомъ вонзило ножъ въ самое сердце истекающей кровью родины. Появившіяся вновь у многомилліонныхъ народныхъ массъ надежды на обновленіе гнетущей и душу и тѣло жизни, на просвѣтленіе окружающаго мрака, на разрѣшеніе всѣхъ проклятыхъ вопросовъ разбились отъ одного взмаха пера! Но этого мало!

Упоенная цѣлымъ рядомъ удачъ, реакція въ лицѣ военно-полевого правительства Столыпина и темныхъ общественныхъ силъ съ циничной откровенностью на-

ложила руку на то самое крупное, конечно относительно, завоеваніе, которое было добыто цѣной долгой, упорной и кровавой борьбы.

Шествуя по пути отмѣны всѣхъ завоеваній, зарегистрированныхъ рукой того-же самодержавія въ манифестѣ 17 октября, правительство Столыпина нашло своевременнымъ грубо и незаконно отнять у трудящейся Россіи даже тѣ крохотныя избирательныя права, которыя заключаются въ законѣ 11 декабря 1905 года. Рѣшившись на этотъ шагъ, правительство приготовилось на случай взрыва народнаго гнѣва. Оно мобилизовало всѣ свои силы и приготовилось затопить въ крови всякое проявленіе недовольства. Съ нескрываемой и злобной радостью оно оповѣстило весь міръ, что государственный переворотъ, совершенный имъ въ темную ночь со 2-го на 3-ье іюня или, по просту говоря, экспропріація народныхъ правъ, встрѣченъ всюду „спокойно"!... И вотъ на развалинахъ ненавистной правящей кликѣ и крѣпостникамъ-дворянамъ 2-ой Госуд. Думы, правительство стремится укрѣпить свое благополучіе.

Населеніе спокойно! Оно даже перестало протестовать противъ хроническаго голода и безработицы, на которые оно обречено самымъ фактомъ существованія самодержавія. Оно, значитъ, довѣряетъ правительству, отказывается бороться съ нимъ. И съ тѣмъ большей энергіей и злобой правительство наноситъ ударъ за ударомъ лежачему, усталому рабу, осмѣлившемуся подняться на своихъ вѣковыхъ угнетателей. Однако эти неисчислимые удары выковываютъ волю, энергію и рѣшимость въ народныхъ массахъ!..

Такъ накоплялась энергія и выковывалась въ борьбѣ воля широкихъ народныхъ слоевъ до 17 октября, такъ будетъ и въ будущемъ!

Напуганное и ошеломленное октябрьскими событіями и тѣмъ положеніемъ вещей, которое создалось для самодержавія въ Европѣ, правительство выступило на путь мирныхъ обѣщаній.

Но оправившись отъ удара оно опрокинулось всей своей тяжестью на населеніе и въ короткій промежутокъ времени залило всю страну гражданской кровью. Однако, мстя народу за его свободолюбіе, и мстя такъ, какъ можетъ только мстить самодержавіе, это наслѣдіе монгольско-татарскаго владычества, правительство

увидѣло, что путь назадъ къ абсолютизму все-таки закрытъ, что назадъ возврата нѣтъ. Созывъ народнаго представительства являлся настойчивой исторической необходимостью. Такъ была созвана дума „народнаго гнѣва“, просуществовавшая 72 дня. Но революціонная волна отхлынула. Разбушевавшееся народное море вошло устало въ свои берега, и правительство, пользуясь этимъ, распустило Думу въ тотъ самый моментъ, когда она приступила къ разрѣшенію одного изъ самыхъ кардинальныхъ вопросовъ—земельнаго.

Борьба между самодержавнымъ правительствомъ и поддерживающими его темными общественными силами и Думой—дѣтищемъ народнаго движенія и выраженіемъ народной воли, завершилась „пораженіемъ“ послѣдней. „Побѣда“ правительства обусловилась самимъ моментомъ отлива революціоннаго движенія. Это движеніе вынесло на своемъ хребтѣ Думу, какъ орудіе борьбы противъ стараго порядка, и съ временнымъ паденіемъ этого движенія Дума отступила передъ наступленіемъ реакціи. Дума питалась изъ единственнаго источника — движенія народныхъ массъ, безъ активной поддержки которыхъ она не могла довести до логическаго конца начатую борьбу. Дума—позиція, а народныя массы защитники этой позиціи. Безъ арміи не воюютъ! Это истина, которую слѣдуетъ запомнить многимъ.

Недовольство роспускомъ первой Думы вызвало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ движеніе, но это были послѣдніе раскаты утихающей временно грозы....

Правительство, можетъ быть, неожиданно для себя оказалось полнымъ господиномъ положенія. Слѣдуя своей политикѣ устрашенія и мести, оно обрушилось на населеніе военно-полевыми судами и быстро покрыло всю Россію сѣтью висѣлицъ. Оно „успокаивало“ страну, послѣ чего долженъ былъ послѣдовать созывъ 2-ой Думы. Подъ угрозой смертной казни и массовыхъ убійствъ, оно силилось предупредить грозное движеніе народныхъ массъ, а роспускомъ Думы „создать“ настроеніе настолько для себя благопріятное, чтобъ имѣть народное представительство послушное волѣ правящей бюрократіи.

Отступленіе назадъ въ дорогую, но столь уже да-

лекую сферу абсолютизма, было отрѣзано. Но зато, думали и продолжаютъ думать наши государственные „мудрецы", послушная, вполнѣ подчиненная волѣ бюрократіи Дума, ни на одинъ волосъ не ограничитъ самодержавія, и такимъ образомъ могутъ быть примирены два совершенно противоположныхъ полюса: самодержавіе и конституція.

Но капиталистически развитая страна не могла и не можетъ существовать въ тискахъ азіатскаго самодержавія. И подобно тому, какъ нельзя создать полуфеодальное, полубуржуазное общество, такъ невозможно совмѣстить двѣ взаимно исключающія формы политической жизни. Конституція или самодержавіе? Вотъ вопросъ, выдвинутый самой жизнью, и никакіе компромиссы недопустимы въ этомъ отношеніи, и рано или поздно, а подъ мощными ударами народныхъ массъ историческая арена должна очиститься отъ послѣднихъ остатковъ средневѣкового абсолютизма.

А пока что эта реакціонная утопія, поддерживаемая штыками и грубымъ полицейскимъ кулакомъ, — есть реальный фактъ.

Народнаго взрыва послѣ роспуска первой Думы не было, конечно, не потому, что кабинетъ Столыпина принялъ всѣ мѣры противъ возникновенія безпорядковъ, а потому, что самая поверхность революціоннаго моря оставалась спокойной.

Если и могъ какой-нибудь вопросъ возникнуть послѣ разгона первой Думы, какъ и въ настоящее время, то только слѣдующій: какая тактика является наиболѣе цѣлесообразной для того, чтобъ сократить длительность реакціи.

Конечно, не выкриками о вооруженномъ возстаніи и не „техническими подготовками" можно „сократить пути родовъ", а углубленіемъ и расширеніемъ народнаго сознанія, пользуясь для этой цѣли наиболѣе полно всѣмъ тѣмъ, что дается самой жизнью.

Итакъ, самодержавное правительство стремилось и стремится примирить конституцію съ самодержавіемъ, пока не наступитъ такой благопріятный моментъ, когда возможно будетъ произвести полную реставрацію.

Однако всѣ общественныя условія явнымъ образомъ шли противъ этой утопіи и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что такой простой и обаятельный для са-

модержавія планъ, какъ фальсификація представительнаго учрежденія путемъ устрашенія, оказался мертворожденнымъ.

Военно-полевые суды и всѣ мѣры заушенія и запугиванія не оказали на народныя массы того дѣйствія, какое ожидала отъ нихъ самодержавная бюрократія.

Наоборотъ, жестокія преслѣдованія и разгромы всѣхъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя борются съ самодержавіемъ, вызвали въ народныхъ массахъ озлобленіе и ненависть. Эта политика углубила народное сознаніе и убѣдила народъ, что съ господствомъ бюрократіи мириться нельзя, что нельзя съ ней входить ни въ какія соглашенія, что, наконецъ, въ разговорахъ съ ней можетъ и долженъ быть одинъ только языкъ, преподанный еще Ф. Лассалемъ: „рукой за горло и колѣномъ на грудь".

Правительство во время поняло, что вся междудумская политика потерпѣла полный крахъ. И вотъ сознаніе, что вторая Дума можетъ быть повтореніемъ первой, заставляетъ правительство кидаться изъ стороны въ сторону въ поискахъ за новыми спасительными мѣропріятіями.

Выборгское дѣло оттягивается подъ разными предлогами изъ опасенія, чтобы народныя массы не послали тѣхъ же депутатовъ и во 2-ую Думу. Первый департаментъ правительствующаго Сената, существующій для того, чтобы въ трудныя минуты самодержавія изыскивать юридическія лазейки для него, вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

Правительство вступило на путь „разъяснительной политики", которой оно держалось вплоть до государственнаго переворота 3 іюня. Мотивы тѣхъ или другихъ „разъясненій" были совершенно призрачны.

Правительству ненавистенъ рабочій классъ, какъ авангардъ революціи и послѣдовательный борецъ за народовластіе. Слѣдовательно его представители, преимущественно соціалдемократы, должны быть изъяты изъ Думы. Сказано — сдѣлано. Сенатъ „разъясняетъ" избирательныя права рабочихъ и зачисляетъ ихъ въ особую рабочую курію.

Пусть они тамъ выбираютъ своихъ представителей соціалдемократовъ-выборщиковъ. Но за то во-1-хъ ихъ будетъ численно меньше, и во-2-хъ въ общей куріи рабочіе

кандидаты будутъ лишены поддержки рабочихъ голосовъ. А кому неизвѣстно, что буржуазія не пойдетъ подавать свои голоса за представителей рабочихъ—соціалдемократовъ.

Такъ просто былъ рѣшенъ вопросъ о недопущеніи рабочихъ представителей—соціалдемократовъ въ Госуд. Думу. Но и на этотъ разъ, какъ всегда, правящая бюрократія, неспособная понимать весь смыслъ общественныхъ отношеній, ошиблась въ своихъ расчетахъ. Къ ея ужасу въ Думѣ очутилось 65 рабочихъ соціалдем. депутатовъ вмѣсто 13-ти въ первой Думѣ.

Почему же это такъ произошло?

Дѣло въ томъ, что мы живемъ въ дни революціи, дни, когда идетъ ожесточенная борьба за демократическую Россію противъ самодержавія. Поэтому тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и когда отсутствуетъ на аренѣ дѣйствительная, а не мнимая буржуазно-демократическая партія, вся мелкая буржуазія подаетъ свои голоса за соціалдемократію, какъ за наиболѣе послѣдовательную и прямолинейную изъ всѣхъ демократическихъ партій. На Кавказѣ соціалдемократія почти повсемѣстно, кромѣ культурно отсталыхъ губерній, оказалась побѣдительницей, и не только въ рабочихъ, но и общихъ куріяхъ, и во 2-й Думѣ получила 8 мѣстъ вмѣсто 5-ти въ 1-й. Такой колоссальный успѣхъ соціалдемократіи на Кавказѣ объясняется отсутствіемъ сплоченной и послѣдовательной буржуазно-демократической партіи. [1])

Тактика соціалдемократовъ-меньшевиковъ не отталкивала демократическіе слои общества отъ соціалдемократіи, а наоборотъ, концентрировала вокругъ нея, доказала свою полную жизненность.

Въ техническомъ отношеніи насажденіе чисто демократическихъ самоуправляющихся организацій въ видѣ „мелкобуржуазнаго бюро“ въ городахъ и крестьянскихъ организацій въ деревняхъ, оказало громадныя услуги соціалдемократіи при выборахъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что интернаціональный характеръ соціалдемократической организаціи, программы и тактики, не от-

---

[1]) Тифлисъ и Тифл. губ. во 2-ую Думу дали всѣхъ 4-хъ депутатовъ соціалдемократовъ, также и гор. Батумъ, тогда какъ въ 1-ой Думѣ и отъ Батума, и 2 депутата изъ Тифл. губ. были частью кадеты, частью грузинскіе федералисты.

влеченный, а конкретный имѣлъ и имѣетъ громадное моральное вліяніе на Кавказѣ, гдѣ разноплеменное населеніе и взаимная племенная вражда, провоцируемая правящей бюрократіей, даетъ о себѣ знать на каждомъ шагу. Трудящіяся массы, освобождаясь отъ кроваваго кошмара рѣзни и научаясь сознавать единство интересовъ всѣхъ трудящихся, понятно становились подъ знамя международной соціалдемократіи. [1])

Туркестанъ также далъ сплошь лѣвыхъ, при чемъ такіе крупные культурные центры, какъ Ташкентъ, Самаркандъ и Асхабадъ дали соціалдемократическихъ депутатовъ.

Я жилъ и работалъ въ Туркестанѣ и зналъ этотъ чудный край. О некультурности и политической незрѣлости этого края могутъ говорить или крупные невѣжды, или же черносотенцы, стоящіе на высшихъ ступеняхъ общественно-политической лѣстницы. Къ сожалѣнію, размѣры этой брошюры не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на этомъ весьма любопытномъ и райскомъ уголкѣ обширной Россіи. Скажу только, что наблюдателю бросаются въ глаза двѣ крайне интересныя особенности въ общественно-политическихъ отношеніяхъ въ этомъ краѣ. Туркестанъ—окраина, заселенная сартами, киргизами, туркменами и другими народностями монгольскаго происхожденія. Русскаго элемента тамъ сравнительно немного. И вотъ въ то время, какъ на всѣхъ окрайнахъ, на Кавказѣ, въ Польшѣ, Прибал. краѣ и т. д. туземный элементъ является ядромъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ, въ Туркестанѣ какъ разъ наоборотъ. Весь русскій элементъ, за исключеніемъ, конечно, бюрократическихъ слоевъ и офицерства, сплошь настроенъ крайне оппозиціонно или революціонно.

Ядромъ рабочихъ организацій служатъ рабочіе средне-азіатской и оренбурго-ташкентской желѣзныхъ дорогъ. Освободительное движеніе быстро захватило почти весь Туркестанъ и соціалдем. организація, можно сказать, стала руководительницей этого движе-

---

[1]) Послѣ цѣлаго ряда армяно-татарскихъ погромовъ, съ особенной интенсивностью стали распространяться среди татарскаго населенія края соціалдем. идеи. Въ настоящее время имѣется на татарскомъ языкѣ даже литература и пресса.

нія. Русскія поселенія въ Туркестанѣ заселены переселенцами изъ Россіи, элементомъ болѣе или менѣе сознательнымъ и во всякомъ случаѣ враждебнымъ старому режиму, заставившему ихъ бросить родныя поля и деревни и перекочевать въ невѣдомый и чужой для нихъ край.—Это одна особенность. Другая же заключается въ настроеніи арміи.

Самодержавное правительство въ своихъ постоянныхъ и неусыпныхъ заботахъ о томъ, чтобъ армію отвлечь отъ народныхъ интересовъ и сдѣлать ее орудіемъ своей внутренней политики, перевозило въ Туркестанъ новобранцевъ со всѣхъ другихъ окраинъ, а также и изъ наиболѣе „безпокойныхъ" губерній. У самодержавія все время было убѣжденіе, что Туркестанъ „свой край, а слѣдовательно и единственное мѣсто, куда можно сплавлять „вредный" и „безпокойный" элементъ. [1]) Такимъ путемъ вся туркестанская армія больше чѣмъ на половину состояла изъ инородцевъ (армянъ, грузинъ, поляковъ, и евреевъ) и „крамольниковъ" изъ Россіи [2]).

При такихъ условіяхъ становится понятно, почему въ г. Асхабадѣ въ октябрьскіе дни ядромъ манифестацій были солдаты мѣстнаго желѣзнодорожнаго батальона и другихъ частей, дефилировавшіе по городу полнымъ строемъ съ музыкой и красными знаменами.

Мало этого. Волненія и захватъ крѣпости въ гор. Ташкентѣ 15 ноября 1905 г., солдатскіе „безпорядки" въ Асхабадѣ и Н. Маргеланѣ лѣтомъ 1906 г., полная невозможность для ген. Ульянина [3]) опереться на желѣзнодорожный батальонъ при закрытіи желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ гор. Ташкентѣ въ іюнѣ 1906 г. [4])

---

[1]) Въ этомъ случаѣ самодержавіе паки и паки доказало, что армія въ его глазахъ есть орудіе для порабощенія народныхъ массъ. Въ противномъ случаѣ страннымъ и непонятнымъ становится поручать защиту границы съ Афганистаномъ „вредному и безпокойному" элементу.

[2]) Такъ въ наборѣ 1906 г. находились даже лица, раненыя на баррикадахъ въ Харьковѣ, Екатеринославѣ и др. городахъ. Въ настоящее время, правительство съ ужасомъ для себя увидѣло, что оно и этого единственнаго мѣста лишилось и выдвинуло на первую очередь вопросъ о реформѣ состава арміи. См. законопр. о недопущеніи полицейско-поднадзорныхъ въ армію.

[3]) Начальникъ сред. аз. жел. дор., нынѣ убитый.

[4]) Ген. Ульянинъ закрылъ мастерскія потому, что однимъ изъ рабочихъ былъ надѣтъ мѣшокъ на голову инженера Шкалов-

затрудняли и тормозили дѣло реставраціи стараго режима.

Таково настроеніе въ Туркестанѣ. Самодержавное правительство, отдавъ его на растерзаніе своимъ сатрапамъ, не имѣло никакого представленія о немъ. Зная только, что это окрайна, слѣдовательно необходимо ее обрусить и бороться противъ „сепаратности" ея, самодержавіе держалось по отношенію къ Туркестану той же политики, какую оно вело такъ для себя плачевно на всѣхъ другихъ окрайнахъ. Исходя именно изъ этой политики, самодержавное правительство удовлетворило желаніе мѣстнаго чиновничества имѣть русскому населенію отдѣльныхъ представителей въ Госуд. Думѣ [1]). Мѣстное русское населеніе не замедлило воспользоваться этими льготами и... послало въ Г. Думу крайнихъ лѣвыхъ. Совсѣмъ иные результаты получились бы, если бы выборы производились въ общей куріи. Мѣстные туземцы, сарты, киргизы, хотя и стонутъ подъ самодержавнымъ режимомъ, но въ силу своей некультурности, въ душѣ своей хранятъ еще большую дозу азіатской покорности.

Въ настоящее время по закону 3-го іюня Туркестанъ лишенъ представительства. Однимъ взмахомъ пера громадный край объявленъ некультурнымъ и политически незрѣлымъ. Такой шагъ самъ собой понятенъ. На всѣхъ окраинахъ и въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ выдѣлены особо русскія куріи, чтобъ дать возможность пройти въ Думу „истинно-русскому" элементу. А Туркестанъ? Въ немъ уже испробовано это средство и оно дало намъ уже обратные результаты.

Итакъ, военно-полевое правительство должно было горько разочароваться въ томъ своемъ предположеніи, что за соціалдемократовъ будутъ подавать голоса только городскіе рабочіе. Соціалдемократія съумѣла

скаго. Спустя мѣсяцъ ген. Ульянинъ стянулъ изъ Самарканда, Мерва и Асхабада желѣзн. батальонъ въ Ташкентъ, чтобъ замѣстить имъ рабочихъ. Но солдаты стали явно выражать свое сочувствіе рабочимъ и неудовольствіе начальству. Такъ, когда подходилъ воинскій поѣздъ, еще за Самаркандомъ рабочіе встрѣчали солдатъ криками „ура" и пѣніемъ марсельезы. Солдаты братались съ рабочими и изъявляли свое сочувствіе.

[1]) Этотъ проектъ принадлежалъ черносотенцу Граменницкому, директору народн. училищъ въ г. Ташкентѣ.

стянуть вокругъ себя мелкобуржуазные слои въ городахъ и вошла во вторую Думу въ 5 разъ большемъ количествѣ, чѣмъ въ первую.

Самодержавное правительство „разъяснило" какъ извѣстно и крестьянъ. Но кромѣ чисто объективныхъ условій, въ видѣ напримѣръ, земельнаго голода и ожесточенія противъ правительства за роспускъ Первой Думы какъ разъ наканунѣ разрѣшенія аграрнаго вопроса, трудовая группа 1-ой Думы, ея боевыя выступленія, были слишкомъ обаятельны для крестьянъ, чтобъ они могли легко отказаться отъ нея. Другая же народническая партія с-р-ы, бойкотировавшіе Первую Думу, съумѣли также пройти въ Думу черезъ свои главнымъ образомъ крестьянскія организаціи.

Результаты выборовъ оказались такимъ образомъ весьма плачевными для правительства [1]). Политика „успокоенія" и „разъясненія", политика военно-полевыхъ судовъ, висѣлицъ, штыковъ и нагайки потерпѣла полное пораженіе.

Народныя массы, сплотившись тѣсно подъ ожесточенными ударами разыгравшейся реакціи, избрали лѣвыхъ и крайнихъ лѣвыхъ и сказали имъ: „Идите въ Думу и стойко защищайте народные интересы. Высоко держите знамя борьбы съ самодержавной властью. Боритесь съ ней, не уступая ей ни одной пяди изъ нашихъ интересовъ. Пусть погибнете вы въ этой борьбѣ, но за вашими спинами стоимъ мы, народныя массы, и если мы въ моментъ нанесенія вамъ, нашимъ передовымъ борцамъ, послѣдняго удара, не будемъ въ силахъ защитить васъ и однимъ мощнымъ ударомъ раздавить старый режимъ, то это значитъ, что мы еще недостаточно окрѣпли и сорганизовались.

---

[1]) Слѣдуетъ разумѣется сожалѣть, что выборы въ первую Думу бойкотировались. Социалдемократы и трудовики возросли количественно, а с-ры и н-с. были какъ новыя фракціи во 2-ой Думѣ. Число кадетовъ убавилось. Не будь бойкота, можно было бы точно учесть, за чей счетъ возросли крайніе лѣвые, хотя и теперь можно почти съ увѣренностью сказать, что тактика кадетовъ, принятая ими послѣ роспуска первой Думы: отказъ отъ выборгскаго воззванія, „красная тряпка" Милюкова, борьба съ крайними лѣвыми подчасъ въ умилительномъ хотя и молчаливомъ единеніи и соглашеніи съ правительствомъ и обществ. слоями его поддерживающими, все это при полѣвѣніи страны должно было оттолкнуть избирателей отъ г.г. кадетовъ.

Но въ борьбѣ мы будемъ черпать себѣ силы, борьба и только борьба закаляетъ нашу волю и кристализуетъ наши организаціи. Въ процессѣ борьбы мы сорганизуемся можетъ быть и медленно, но твердо для окончательнаго штурма самодержавія. Такъ боритесь же стойко и храбро до конца"!....

II.

Правительство потерпѣло еще разъ пораженіе. Всѣ его расчеты имѣть послушную Думу, чтобъ съ ея помощью ввести въ докъ для ремонта сильно накренившійся корабль самодержавія разбились о твердую волю народныхъ массъ.

Казалось бы, что военно-полевому кабинету Столыпина, послѣ того какъ его политика съ разгономъ первой Думы и междудумскимъ періодомъ потерпѣла крахъ, оставалось только уйти на покой. Но это только казалось.

Самодержавіе отличается всегда съ одной стороны своей заносчивостью и самонадѣянностью, а съ другой грубымъ невѣжествомъ и абсолютнымъ непониманіемъ силъ, знаній и намѣреній своихъ противниковъ, на которыхъ оно „побѣдоносно" наступаетъ, и той обстановки, точнѣе говоря, объективныхъ условій, въ которыхъ ему приходиться бороться.

Вспомните русско-японскую войну. Вспомните ту заносчивость, съ какой самодержавіе шло на японцевъ, то пренебреженіе, какое оно оказывало своему „врагу". А результаты? „Презрѣнные и невѣжественные макаки" побѣдили „просвѣщеннаго" „колосса".

Самодержавіе невѣжественно, самодержавіе заносчиво и самонадѣянно! И вотъ военно-полевой кабинетъ, подобранный какъ нарочно изъ всѣхъ имѣющихся на лицо бездарностей, остался у власти.

Стремленіе получить послушную Думу потерпѣло неудачу. Что-жъ! Можно попытаться и изъ этой лѣвой Думы состряпать нѣкоторое подобіе послушнаго представительства. А если это не удастся, если Дума будетъ угрожать самодержавію тѣмъ, что проведетъ въ жизнь принудительное отчужденіе земли безъ выкупа, „обидитъ" 130,000 культурныхъ зубровъ, эту един-

ственную опору умирающаго режима, то можно ее разогнать. А дальше? Дальше видно будетъ! Вотъ квинтъэссенція той политики, которой рѣшили придерживаться русскіе государственные мудрецы. Теперь вопросъ заключался въ томъ, какими средствами изъ красной Думы слѣпить Думу покорную.

Въ Думѣ есть большая группа лицъ (кадеты), которые, если вѣрить ихъ заявленіямъ, желаютъ „законодательствовать". И вотъ необходимо „повліять" на нихъ, хотя вся ихъ программа и расходится кореннымъ образомъ съ желаніями и стремленіями самодержавнаго правительства, но вѣдь существуетъ „верхняя палата", состоящая почти сплошь изъ бюрократовъ. Она не дастъ осуществиться программѣ кадетской партіи. Хотя можно точно также поступить со всякими рѣшеніями даже красной, непокорной Думы, но разница все же большая. Лѣвыя партіи во всѣхъ своихъ требованіяхъ слишкомъ ужъ рѣзко расходятся съ даже „либеральными" теченіями въ сферахъ. Но это не такъ важно, важно то, что они являются партіями широкихъ массъ, ихъ непосредственными руководителями. Въ то время, какъ за кадетской партіей стоитъ городская средняя буржуазія, либеральные земцы и интеллигенція, лѣвыя партіи руководили и руководятъ грознымъ движеніемъ широкихъ массъ. Какъ бы даже подчасъ крайни ни были кадетскія стремленія, какъ бы они ни расходились съ настроеніемъ въ „сферахъ", все же самодержавное правительство хорошо сознаетъ, что только на гребнѣ народной волны эти желанія и стремленія могутъ представлять грозную, реальную опасность для дальнѣйшаго существованія стараго режима. Только массовое движеніе способно реализовать кадетскія акціи, а безъ него ихъ цѣна также неустойчива, какъ и цѣна 4%-ной ренты самодержавной Россіи. Вотъ почему лѣвыя группы, а изъ нихъ главнымъ образомъ соціалдемократія, такъ глубоко ненавистны прислужникамъ стараго режима, вотъ почему они вполнѣ естественно видятъ въ нихъ своихъ грозныхъ враговъ. Лѣвыя группы въ Думѣ дѣйствуютъ какъ ферментъ для организаціи массъ внѣ Думы въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы съ самодержавіемъ, чтобъ довести революцію до ея логическаго конца, до полнаго уничтоженія азіатскихъ порядковъ, до полнаго народовластія. А пока революціон-

ная волна отхлынула, пока народныя массы укрѣпляютъ свои позиціи и въ процессѣ повседневной борьбы организуются и закаляютъ свою волю, программы такихъ партій, какъ кадетская не могутъ ни въ какомъ случаѣ реализоваться. Этого мало. Сама эта „партія", лишена своей единственной базы—движенія широкихъ общественныхъ слоевъ.

Изъ „общественнаго мнѣнія", которое „создаютъ" кадеты въ средне-буржуазныхъ слояхъ, шубы не сошьешь. Вся исторія нашего освободительнаго движенія есть лучшее доказательство, что всякая оппозиція является совершенно безсильной въ смыслѣ творческой положительной работы, разъ нѣтъ той народной массы, которая, борясь, какъ реальная сила съ самодержавіемъ, очищаетъ почву и открываетъ пути для такой работы.

Поэтому громадную политическую ошибку совершаютъ политическія партіи, въ родѣ нашихъ кадетовъ, объявляя войну тѣмъ самымъ силамъ, которыя дали имъ не отвлеченную, а конкретную возможность занять позицію—Думу. Не слѣдуетъ никогда забывать одну истину изъ военной тактики, что важно не только взять у непріятеля позицію, но и укрѣпить ее; а для укрѣпленія ея нужна армія, борющаяся реальная сила, которая можетъ во всякій моментъ защитить позицію отъ новыхъ посягательствъ непріятеля. А разъ нѣтъ почему либо этой силы на позиціи, нужно ее стягивать, а не отворачиваться отъ нея и обрекать себя на полное безсиліе и въ лучшемъ случаѣ на безплодное топтаніе на одномъ мѣстѣ.

Правительство знаетъ это хорошо. Оно знало, что кадеты думаютъ обновить Россію посредствомъ Думы, отвернувшись отъ тѣхъ, которые шли въ авангардѣ при взятіи этой позиціи. Правительство видѣло ясно, что кадеты цѣпляются за Думу, видя въ ней единственное средство спасенія Россіи отъ анархіи. Зная и видя все это, также и то, что армія способная защитить эту позицію въ данный моментъ отхлынула, правительство въ лицѣ Столыпина рѣшило держать кадетовъ подъ постояннымъ страхомъ роспуска, желая тѣмъ самымъ если не взять ихъ цѣликомъ на буксиръ, то по крайней мѣрѣ перебросить между собою и ими временный мостикъ.

Но всякое такое соглашеніе могло бы имѣть еще смыслъ въ томъ случаѣ, если бы большинство Думы было съ этой партіей (въ данномъ случаѣ съ кадетами). Это могло имѣть мѣсто, если бы часть лѣвыхъ, хотя бы трудовики, шли на сторону кадетовъ. Тогда, выражаясь офиціальнымъ языкомъ, въ Думѣ былъ бы прочный центръ, съ которымъ бы имѣло дѣла и правительство.

Но этого къ великому огорченію правительства не случилось. Лѣвыя группы отмежевались отъ кадетовъ.

Правительство обратило тогда вниманіе на одну группу на лѣвой сторонѣ- именно соціалдемократію, которая своей собственной послѣдовательно демократической тактикой концентрировала всѣ лѣвыя группы. Нужно было бороться противъ этой группы во что бы то ни стало, ослабить ея вліяніе на другія парламентскія группы и кстати и на тѣ общественныя силы, которыя находятся за стѣнами Думы.

Нужно было искусственнымъ образомъ обезсилить и качественно и количественно лѣвое крыло Думы. Если бы такая цѣль была достигнута, то безусловно сорганизовался бы „работоспособный“ и прочный центръ.

Какія же средства для достиженія этой цѣли имѣло въ своемъ распоряженіи правительство? Такія средства у него были, какъ въ архивѣ отжившаго самодержавія, такъ и въ арсеналѣ новой „конституціи“.

Въ архивѣ у правительства есть пресловутая 126 и 129 ст., по которымъ можно было въ любой моментъ отдать подъ судъ $^2/_3$ Думы т. е. до кадетовъ включительно, такъ какъ лѣвѣе правыхъ сидѣли депутаты, принадлежащіе къ партіямъ нелегализованнымъ или, выражаясь „юридическимъ“ языкомъ нашего правительства, къ тайнымъ сообществамъ. 129 же статья могла быть примѣнена ежечасно ко всѣмъ, такъ какъ всѣ думскія фракціи сочиняли и распространяли свои тактическіе и програмные взгляды и устно и печатно.

Но правительству пока нужны были лѣвые, и въ особенности соціалдемократы, и то, что не было достигнуто сенатскими „разъясненіями“, необходимо было сдѣлать посредствомъ чудодѣйственной 129 ст. И вотъ какъ по мановенію волшебнаго жезла изъ самыхъ различныхъ мѣстъ въ провинціи посыпались какъ горохъ

изъ дыряваго мѣшка постановленія мѣстныхъ судебныхъ властей о привлеченіи лѣвыхъ депутатовъ, главнымъ образомъ соціалдемократовъ, по 129 ст. ул. о наказ. А въ положеніи о Госуд. Думѣ сказано, что членъ Думы, привлекаемый къ отвѣтственности въ уголовномъ порядкѣ, устраняется отъ работъ Думы впредь до судебнаго разбора.

Хотя такая статья существуетъ и въ конституціяхъ другихъ государствъ, но въ этихъ государствахъ не существуетъ категоріи государственныхъ преступленій. Тамъ всѣ политическія партіи вплоть до соціалистическихъ, включая сюда и соціалдемократическую, какъ извѣстно, существуютъ и работаютъ совершенно легально, и никто не имѣетъ права преслѣдовать ихъ за политическія убѣжденія. У насъ же не такъ. Въ архивѣ самодержавія „госуд. преступленія" еще существуютъ, и вотъ это оружіе и было пущено военно-полевымъ Столыпинымъ противъ лѣвыхъ. Цѣль правительства была очевидна: очистить Думу отъ исключительныхъ элементовъ, въ особенности соціалдемократовъ, ослабить лѣвое крыло Думы, подтасовать и фальсифицировать составъ народнаго представительства. И какъ ни тужился министръ Щегловитовъ, этотъ наемный юрисъ-консультъ по конкурснымъ дѣламъ несостоятельнаго самодержавія, доказать всю правильность юридической обосновки этихъ обвиненій, вышеупомянутая цѣль такъ и сквозила черезъ всѣ поры „ораторскаго" искусства „героевъ" стараго режима.

И такъ политика правительства оказалась, какъ и всегда, довольно прозрачной и изрядно не умной. Она сводилась 1) къ стремленію образовать путемъ постоянныхъ угрозъ роспускомъ Думы прочный работоспособный центръ для осуществленія плановъ самодержавія и 2) для образованія „центра" ослабить и „разъяснить" лѣвую часть Думы посредствомъ привлеченія ея членовъ къ уголовной отвѣтственности за принадлежность къ той партіи, отъ имени которой они были выбраны. Разсмотримъ же какъ примѣнялись и развивались эти обѣ стороны правительственной политики, и къ какимъ результатамъ онѣ привели.

III.

21 февраля, тотчасъ же послѣ выбора предсѣдателя, Столыпинъ спросилъ у послѣдняго, когда можно будетъ ему прочитать правительственную декларацію. День прочтенія этой деклараціи, какъ извѣстно, совпалъ съ днемъ обвала потолка въ Таврическомъ дворцѣ, почему оно и было отложено. 6 марта, наконецъ, вся Россія удостоилась услышать декларацію правительства изъ устъ премьера.

День 6 марта знаменателенъ. Въ этотъ день правительство сдѣлало свой первый шагъ въ борьбѣ съ народнымъ представительствомъ. Оно въ этотъ день объявило, что „искренно" думаетъ работать вмѣстѣ съ народнымъ представительствомъ и ищетъ для этого „общаго" съ нимъ языка. Вся эта декларація была собственно составлена для Европы, вѣрнѣе для заграничныхъ маклеровъ, чтобъ показать, что правительство будто бы преисполнено твердой рѣшимости итти по пути конституціонализма.

Говорю для Европы, такъ какъ всякій грамотный россіянинъ, начитавшись на своемъ вѣку правительственныхъ актовъ, знаетъ цѣну всему этому съ позволенія сказать творчеству нашихъ государственныхъ мудрецовъ. На этотъ разъ даже не были сдѣланы обѣщанія. Сказано было только, что Дума созвана для совмѣстной работы съ правительствомъ и это послѣднее ищетъ общаго языка, на которомъ можно было бы изъясняться съ народными представителями.

Въ этомъ категорическомъ заявленіи вы напрасно будете искать даже намека на то, что правительство ищетъ довѣрія у страны, какъ это было напримѣръ въ извѣстную „эпоху довѣрія". Правительство, наоборотъ, установивъ твердо свою линію, предложило народному представительству признать ея полезность, въ противномъ случаѣ исчезалъ и тотъ „общій" языкъ, на которомъ могли бы народные представители и самодержавное правительство взаимно другъ друга понимать. Будь послушной и преданной мнѣ, иначе я и разговаривать съ тобой не буду—вотъ истинный смыслъ той деклараціи, которая съ такой помпой была оглашена передъ всѣмъ міромъ.

Въ самомъ дѣлѣ, о какомъ „общемъ“ языкѣ могло говорить правительство? Политика разгона Думы, военно-полевыхъ судовъ и исключительныхъ положеній потерпѣла полное крушеніе, и страна безповоротно осудила ее, пославъ въ Думу не черносотенцевъ, а лѣвыхъ. Несмотря на это та же политика продолжала свирѣпствовать во всей странѣ и послѣ 20 февраля. Языкъ репрессій, „языкъ ненависти“, скажу словами Столыпина, вовсе не языкъ народный, а языкъ безотвѣтственнаго правительства. Языкъ народный другой. Онъ уже 3-й годъ формулируетъ свои требованія въ двухъ словахъ: „воли и земли“. Что можетъ быть общаго между этими двумя языками? Что можетъ быть общаго между жертвой и палачомъ, угнетеннымъ и угнетателемъ, рабомъ и господиномъ? А вѣдь это положеніе не менѣе было извѣстно правительству, чѣмъ намъ, народнымъ представителемъ. И вся декларація носила характеръ чисто ультимативный, какой носятъ слова палача, который послѣ самихъ жестокихъ расправъ спрашиваетъ у своей жертвы: „сдаешься или нѣтъ“? И если бы жертва согласилась сдаться, сложить оружіе борьбы и подчиниться волѣ своего палача, тогда по мнѣнію правительства нашелся бы злосчастный „общій“ языкъ. Слѣдовательно этотъ „общій“ языкъ былъ и есть языкъ самодержавнаго правительства, языкъ нагайки, разстрѣловъ, висѣлицы, языкъ полнаго произвола и полнаго народнаго рабства.

Я думалъ и продолжаю думать, что народные представители, какъ одинъ человѣкъ должны были на это отвѣтить: не можетъ быть у насъ съ вами „общаго“ языка; мы не пожмемъ вашихъ рукъ, обагренныхъ въ народной крови! Мы не подчинимся вамъ, а станемъ продолжать свою борьбу, пока самодержавіе не будетъ повергнуто въ прахъ“!

Вотъ тотъ отвѣтъ, который долженъ былъ получить Столыпинъ на свою декларацію. Но къ сожалѣнію этого не было. Всѣ парламентскія группы, кромѣ социал-демократической, рѣшили отвѣтить молчаніемъ на декларацію. Насколько были основательны мотивы этого молчанія, объ этомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ, а пока замѣтимъ, что рѣчь тов. Церетели и декларація нашей фракціи не могли не произвести громаднаго

впечатлѣнія на страну. Правительству, разумѣется, не по сердцу пришлась эта декларація: она ясно говорила, что рабъ рѣшилъ продолжать свою борьбу, что жертва не хочетъ сдаваться... Такимъ образомъ со стороны правительства декларація 6 марта была началомъ укрѣпленія позиціи, съ которой оно думало направлять всѣ свои стрѣлы на порабощеніе Думы путемъ ли застращиванія, или путемъ фальсификаціи голосовъ и состава Думы, или же и тѣмъ и другимъ средствами вмѣстѣ. Борьба такимъ образомъ была начата. Правительство бросило перчатку, объявивъ готовность защищать остатки стараго режима. Дума естестественно втянулась въ борьбу и ей нужно было въ свою очередь защищать народныя позиціи. Какъ она исполнила эту свою задачу, мы увидимъ ниже.

Въ первый разъ слухъ о разгонѣ Думы былъ пущенъ 26—27 февраля. Правительство Столыпина рѣшило испробовать это средство наканунѣ чтенія правительственной деклараціи. Необходимо было кабинету нащупать настроеніе широкихъ общественныхъ слоевъ, и учесть тѣ результаты, которые получатся отъ этого слуха. Правительству нужно было узнать, какой тактики будетъ держаться народное представительство при чтеніи деклараціи? Повторится ли знаменитый историческій день 13 мая 1906 г., когда чтеніе деклараціи премьеромъ Горемыкинымъ вызвало взрывъ негодованія въ первой Думѣ? Это опасеніе со стороны правительства ясно говорило, что такое выраженіе недовѣрія было совершенно несвоевременно для правительства. Оно еще не успѣло заручиться настроеніемъ европейской биржи, которая, какъ извѣстно, привыкла къ выраженію недовѣрія къ правительствамъ Западной Европы и къ даже частымъ смѣнамъ кабинетовъ. Однако, если эти смѣны кабинетовъ въ Европѣ весьма слабо вліяютъ на европейскую биржу, то таковое же явленіе въ Россіи, да еще сопряженное съ разгономъ Думы, не расположило бы биржу въ пользу императорскаго правительства. Россія переживаетъ революціонную эпоху, и господствующіе классы въ Европѣ ужасно обезпокоены длительнымъ и затяжнымъ характеромъ ея. Порядокъ, а не анархія; конституція, хотя бы даже куцая, а не неограниченная монархія, вотъ тѣ требованія, которыя ставятся европейской биржей нашему

правительству. А частая смѣна кабинетовъ и разгонъ Думы послѣ прочтенія деклараціи въ корнѣ подрывали бы довѣріе къ правительству на биржѣ. Правительство оказывается неспособнымъ возстановить порядокъ въ странѣ и всѣ его мѣропріятія разжигаютъ, а не уничтожаютъ ту анархію, которая такъ безпокоитъ европейскихъ толстосумовъ и денно и нощно.

Моментъ, повторяемъ, былъ самый неподходящій для правительства. Если бы недовѣріе было высказано вполнѣ ясно всей Думой, а не только соціалдемократической фракціей, то кабинетъ Столыпина не могъ бы остаться дольше у власти. Его кредитъ былъ бы подорванъ окончательно. Мало этого. Сферамъ было бы трудно, даже почти невозможно поручить составленіе кабинета кому-нибудь изъ извѣстныхъ реакціонеровъ, такъ какъ кредиторы правительства не отнеслись бы одобрительно къ этому шагу. И поэтому рѣзкая критика политики правительства могла бы принести народному представительству одну, можетъ быть и небольшую побѣду надъ самодержавной кликой. Въ настоящее время, когда разгонъ второй Думы есть уже свершившійся фактъ, рельефно и рѣзко выдѣляется этотъ промахъ народнаго представительства.

Намъ укажутъ, что дѣло не въ настроеніи Думы, а въ томъ соотношеніи общественныхъ силъ, которое существуетъ за стѣнами Думы. Совершенно вѣрно, и не намъ соціалдемократамъ указывать на это, мы должны это знать лучше, чѣмъ кто бы то ни было другой. Революціонная волна спала, моментъ таковъ, что силы правительства превосходятъ силы народа. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что не нужно пользоваться моментомъ для нанесенія мѣткаго удара противнику? Ничуть, и даже наоборотъ. Необходимо было учесть, какая тактика наиболѣе глубоко бы подѣйствовала на настроеніе и сознаніе широкихъ народныхъ массъ? Въ настоящее время всѣмъ хорошо извѣстно, что тактика соціалдемократической фракціи высоко подняла ея значеніе и вліяніе въ массахъ, и наоборотъ тактика молчанія (куропаткинскаго терпѣнія) охладила интересъ къ Думѣ.

Намъ думается, что, кромѣ многихъ другихъ причинъ, немалое значеніе имѣло непониманіе всей важности этого момента для идеи народнаго представительства. Народныя массы ждали съ нетерпѣніемъ той

минуты, когда Дума отвѣтитъ на декларацію, а она уклонилась отъ прямого отвѣта.

Правительство выиграло свое генеральное сраженіе. Оно поднялось въ глазахъ всего міра, упрочило свои позиціи. Еще нѣсколько такихъ позицій, думало оно, и почва будетъ вполнѣ подготовлена для конституціоннаго самодержавія. Дѣйствительно, хотя и всѣ парламентскія группы заявили, что своимъ молчаніемъ онѣ не высказываютъ довѣрія, тѣмъ не менѣе, выяснилось, что во 1-хъ правительство пользуется еще нѣкоторымъ довѣріемъ, что оно по крайней мѣрѣ еще терпимо у власти, что во 2-хъ слѣдовательно, междудумскій періодъ былъ не настолько неплодотворнымъ, какъ объ этомъ писалось и говорилось, что въ 3-хъ народное представительство думаетъ еще на практикѣ убѣдиться въ „искренности“ правительственнаго заявленія о намѣреніи работать совмѣстно съ Думой.

И вотъ все то, что правительство сдѣлало въ междудумскій періодъ для дискредитированія самого себя въ значительной степени умалилось и сгладилось благодаря молчаливому согласію Думы работать съ правительствомъ, устраивающимъ организованныя убійства въ странѣ.

А какое впечатлѣніе произвелъ этотъ актъ на страну? Народныя массы видѣли во-очію, какъ ими завоеванная и столь дорогая ихъ сердцу Дума ничего не сказала правительству гнета и насилія, правительству военно-полевыхъ судовъ и висѣлицъ, правительству разгромовъ профессіональныхъ союзовъ и локаутовъ, правительству, затопляющему въ крови крестьянскія и военныя волненія...

Дума промолчала. Кабинетъ Столыпина остался у власти...

Намъ соціалдемократамъ тогда твердили, что осужденіе политики правительства будетъ никому ненужной демонстраціей своего собственнаго безсилія.

Если безсиліемъ считать то, что послѣ нашего осужденія правительство предположимъ осталось бы у власти, то во всякомъ случаѣ, народъ бы увидѣлъ, что его избранники оказались на высотѣ положенія, а не уклонились отъ прямого отвѣта; въ этомъ онъ черпалъ бы свои силы для дальнѣйшей борьбы. А молчаніе было, дѣйствительно, не только демонстраціей своего

безсилія, но и укрѣпленіемъ позицій правительства нашими же руками.

Правительство побѣдило, и эту побѣду оно съ помпой и большимъ торжествомъ отпраздновало. Его акціи поднялись.

Послѣ этого генеральнаго боя, правительству нетрудно было шагъ за шагомъ отвоевывать и другія позиціи.

Оно стало на твердую почву и съ откровенной прямолинейностью повело свою политику, которая и увѣнчалась государственнымъ переворотомъ 3 іюня.

Оно черезъ рептильную печать и путемъ устной агитаціи поставило вопросъ о работоспособности Думы. Существованіе Думы связывалось съ ея работоспособностью, такъ что можно было подумать, что правящая бюрократія и на самомъ дѣлѣ преисполнена искреннимъ желаніемъ реформировать Россію и ввести настоящую, а не иллюзорную конституцію.

Однако, если присмотрѣться ближе къ предъявленному правительствомъ требованію работоспособности со стороны народнаго представительства, то легко можно убѣдиться, что это требованіе было однимъ изъ средствъ подчинить себѣ Думу, поработить волѣ правящей бюрократіи народную волю. Дума могла доказать свою „работоспособность“ только молчаливымъ рабскимъ исполненіемъ и санкціей всѣхъ предначертаній самодержавной бюрократіи. Въ противномъ случаѣ, если бы народное представительство, вопреки желаніямъ правительства, исполняло требованія народа, осуществляло бы всѣ его чаянія и надежды въ желательной для народа, а не для правительства формѣ, конструировало бы весь нашъ внутренній распорядокъ,—о, тогда Дума не являлась бы „работоспособной“.

Мало того. Новый терминъ „работоспособность“ имѣлъ для правительства еще другое значеніе: неработоспособность Думы показывала несовершенство избирательной системы и, слѣдовательно, этимъ путемъ подготовлялась почва для государственнаго переворота.

Итакъ, самодержавное правительство поставило народному представительству вопросъ ребромъ: или со мной противъ народа, или съ народомъ противъ меня. И этотъ вопросъ, собственно говоря, выдвигался самой жизнью. Пропасть, образовавшаяся между самодержа-

віемъ и народомъ въ настоящее время такъ широка и глубока, что черезъ нее ни перешагнуть, ни перескочить нѣтъ положительно никакой возможности. Какъ бы ни старалось правительство подавлять всякое внѣшнее проявленіе недовольства, какъ бы оно ни ухитрялось въ изобрѣтеніи самыхъ что ни на есть жестокихъ средствъ для борьбы противъ своихъ враговъ,—объективныя условія историческаго развитія страны не поддаются дѣйствію штыковъ и распоряженіямъ полицейскаго департамента. Нельзя да и безсмысленно говорить солнцу: „стой"!, а вѣтру „не дуй"! Хозяйственныя условія страны, какъ я и доказывалъ въ своей рѣчи 27 марта, привели къ смутѣ,—и эти условія, какъ извѣстно, не только не измѣнились, а стали гораздо острѣе и сложнѣе. Земельный голодъ крестьянъ становится острѣе со дня на день, торгово-промышленный кризисъ развиваетъ резервную армію рабочихъ, средства государственнаго казначейства таютъ, какъ воскъ, и Россія бьется въ судорогахъ, сжатая со всѣхъ сторонъ тисками средневѣковаго абсолютизма.

Что же народное представительство должно было дѣлать при такой постановкѣ вопроса?

Оно безусловно должно было непоколебимо стоять на стражѣ народныхъ интересовъ. Оно должно было съ совершенною ясностью и опредѣленностью показать всю пропасть между собой, какъ воплощенной народной волей, и правительствомъ, являющимся защитникомъ умирающаго режима.

Оно должно было отмежеваться открыто и мужественно отъ старой власти и безжалостно вскрыть всю неискренность конституціонныхъ намѣреній правительства. Если къ этому прибавить конституціонную законодательную работу,—то мы не ошибемся, если скажемъ, что этими рамками опредѣлялись задачи народнаго представительства.

На другой же день декларации, а именно 7 марта, кабинету Столыпина представился блестящій случай доказать „искренность" намѣреній правительства работать совмѣстно съ Думой. Въ этотъ второй несчастный для народнаго представительства день, какъ извѣстно, обсуждался такой острый и важный вопросъ, какъ продовольственный. Соціалдемократическая фракція и вмѣстѣ съ ней лѣвые требовали посылки на мѣста

людей для опредѣленія размѣровъ нужды, а также и разслѣдованія всѣхъ правительственныхъ дѣйствій по этому вопросу. Требованіе это было вызвано тѣмъ, что правящая бюрократія или вовсе не освѣдомлена, или же весьма часто скрываетъ нужду и объявляетъ несуществующимъ голодъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, не желая сказать всю правду. [1]) Кромѣ того, всѣмъ хорошо извѣстно, что оказывать матеріальную помощь пострадавшимъ отъ неурожая правительство органически неспособно, что въ дѣлѣ оказанія продовольственной помощи населенію со стороны правительства всегда царили и не могли не царить величайшія хищенія и злоупотребленія.

Поэтому: 1) опредѣленіе размѣровъ голода и изслѣдованіе причинъ голода, 2) разслѣдованіе правительственной дѣятельности и 3) организація дѣйствительной помощи населенію, вотъ тѣ рамки, которыя точно опредѣлили задачи продовольственной комиссіи.

Я не буду разсматривать здѣсь преимущество этой формулировки передъ другими, а также не коснусь характера преній и тѣхъ объективныхъ причинъ, которыя его вызвали. Все это будетъ мною сдѣлано въ надлежащемъ мѣстѣ. Скажу только, что кадетская партія оспаривала эту формулу, требовала со своей стороны разслѣдованія дѣятельности правительства по документамъ, получаемымъ отъ самого правительства, а организація продовольственнаго дѣла, по ихъ мнѣнію, не входила въ компетенцію законодательнаго органа, но подлежала вѣдѣнію исполнительной власти. [2])

Правительство въ лицѣ Столыпина вслѣдъ за г. Пуришкевичемъ поспѣшило присоединиться къ кадетской формулѣ, т. какъ она совершенно развязывала руки правительству, освобождала его отъ тѣхъ разоблаченій, которыя могли имѣть мѣсто, набрасывала на все покровъ тьмы и таинственности, [3]) и, что самое главное, не заключала въ себѣ сомнѣнія въ способности прави-

---

[1]) Такъ напр. кавказскій намѣстникъ отрицалъ голодъ на Кавказѣ.

[2]) Необходимо замѣтить, что нѣкоторые кадеты, въ этомъ числѣ г. Перелешинъ (Воронежскій) предлагали командировку членовъ Думы на мѣста.

[3]) Почти всѣ депутаты изъ голодныхъ губерній твердили, что въ каждомъ мѣстечкѣ есть свои собственные Гурко и Лидвали.

тельства организовать помощь и, такимъ образомъ, авансомъ, хотя и косвенно, выражала ему довѣріе.

Опять, слѣдовательно, повторилась картина 6 марта, опять получилось впечатлѣніе, что съ этимъ правительствомъ можно совмѣстно работать, съ той лишь разницей, что молчаніе 6 марта теперь смѣнилось уже явнымъ стремленіемъ слиться съ представителями старой власти.

Дальнѣйшія дѣйствія правительства и условія, въ которыхъ очутилась продовольственная комиссія, показали, насколько правы были мы, соціалдемократы, въ своемъ утвержденіи, что контроль надъ дѣйствіями правительства возможенъ только на мѣстахъ, что нельзя довѣрять тѣмъ матеріаламъ, которые будутъ представлены имъ комиссіи.

Несмотря на тѣ сладкія пѣсни, которыя пѣлъ г. Столыпинъ при обсужденіи продовольственнаго вопроса, пѣсни о томъ, что правительство пойдетъ на встрѣчу работамъ этой комиссіи, что оно глубоко заинтересовано въ томъ, чтобы былъ пролитъ свѣтъ на продовольственную кампанію, вышло то, что говорилось нами: правительство постаралось всячески затмить эту скандальную кампанію.[1])

Г. Столыпинъ въ первую голову запретилъ участіе въ комиссіяхъ, въ томъ числѣ и въ продовольственной, свѣдущимъ лицамъ, людямъ близко стоящимъ къ этому дѣлу и поэтому изучившимъ его детально. Та громадная польза, какую могли принести свѣдущіе люди, находится внѣ всякаго сомнѣнія, и поэтому всякій, къ какой бы партіи или группѣ онъ ни принадлежалъ,

[1]) Нѣкоторыя кадетствующія газеты такъ были очарованы тактикой кадетовъ и выступленіемъ правительства, и раздражены формулами лѣвыхъ, въ особенности с.-демократовъ, что, какъ напр. „Биржев. Вѣдом.“, писали: „Впечатлѣніе отъ рѣчи Столыпина—было громадно“... „Правительство, несомнѣнно, идетъ навстрѣчу Госуд. Думѣ“. (№ 60)—„Говорятъ, что скорпіоны въ минуту опасности откусываютъ себѣ хвостъ—крайніе лѣвые предпочитаютъ, чтобы погибла Дума, даже граждане. но только никто не посмѣлъ бы упрекнуть ихъ въ соглашеніи съ властью, хотя бы и направленномъ исключительно (!) на пользу (?!) тѣхъ же гражданъ. Если въ 11 ч. утра Столыпинъ скажетъ: „теперь день“, с.-д. хоромъ ему отвѣтятъ: „какая ночь! Зги не видать!“ Результаты работъ продов. ком. показали, о какой пользѣ для гражданъ думалъ г. Столыпинъ. Скажите, чѣмъ положеніе этихъ газетъ оказалось лучше положенія крыловской глупой вороны?! „Спой, свѣтикъ, не стыдись!..“

заинтересованный въ плодотворности, глубинѣ и быстротѣ работъ комиссіи, долженъ былъ всѣми силами стараться использовать эти нужныя силы. Но... кабинетъ Столыпина думалъ иначе. Ему не правда нужна была, напротивъ, въ его интересахъ было скрыть эту самую правду. И вотъ Столыпинъ, укрывшись за ширмой формальностей, запретилъ участіе свѣдущихъ людей въ комиссіи. Далѣе. Правительство или вовсе не давало матеріаловъ, или же эти матеріалы были совсѣмъ недостаточны. Запретило мѣстнымъ и даже административнымъ органамъ сноситься непосредственно съ думской комиссіей.

Столыпинъ, очевидно, опасался, какъ бы административныя учрежденія не повѣрили, что правительство и на самомъ дѣлѣ преисполнено искренняго желанія пролить свѣтъ на это дѣло, и не выболтали всѣхъ секретовъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Продовольственная комиссія, поставленная въ такія условія, влачила самое жалкое существованіе и ничего не сдѣлавши умерла естественной смертью.

Наконецъ, вся эта продовольственная эпопея со своими героями гг. Родичевымъ и Столыпинымъ завершилась выдачей милліоновъ на уплату подрядчикамъ и поставщикамъ, а послѣ этого тотчасъ же категорическимъ и циничнымъ заявленіемъ представителя минист. внутр. дѣлъ Павлова, что отчетъ по продовольственной кампаніи не можетъ быть представленъ раньше 1 марта 1908 года. А вѣдь самъ „хозяинъ", г. Столыпинъ сказалъ въ своей рѣчи, что отчетъ будетъ готовъ н а - д н я х ъ.

При обсужденіи вопроса о помощи безработнымъ повторилось точь въ точь то же, что и при обсужденіи продовольственнаго вопроса.

Однако и на этотъ разъ правительство прибавило еще нѣсколько яркихъ штриховъ къ своей характеристикѣ.

Здѣсь мы имѣли „удовольствіе" выслушать г. министра торговли и промышленности г. Философова и, разумѣется, еще разъ г. Столыпина.

Этотъ послѣдній съ явнымъ неудовольствіемъ замѣтилъ по нашему адресу, что обсужденіе предыдущаго продовольственнаго вопроса насъ ничему не научило. Мы, а вмѣстѣ съ нами и вся лѣвая, продолжали

настаивать на посылкѣ членовъ Думы на мѣста и при этомъ дѣйствительно били по самымъ больнымъ струнамъ военно-полевого кабинета. Помилуйте, кабинетъ можно сказать изъ кожи лѣзетъ, чтобъ воздвигнуть китайскую стѣну между нами и народными массами и подчинить Думу себѣ, а соціалдемократы и другіе „крамольные" депутаты продолжаютъ упорствовать, разоблачаютъ намѣренія правительства и стараются поддерживать тѣсныя связи съ населеніемъ. Есть, дѣйствительно, отъ чего волноваться.

Г. Философовъ въ своей рѣчи выказалъ всю свою государственную мудрость, за что по всей вѣроятности онъ и остался на министерскомъ посту. Этотъ глубокій министръ сказалъ ни больше ни меньше, какъ то, что среди безработныхъ есть очень много такихъ, которые голодаютъ, такъ какъ... хотятъ голодать!

Какъ хотите, а вѣдь это цѣлое откровеніе!

Рабочіе голодаютъ, потому что хотятъ голодать. Философовъ не хочетъ голодать, и потому онъ занимаетъ постъ министра.

Видите, какъ просто рѣшается сложный соціально-политическій вопросъ о безработицѣ, о резервной арміи рабочихъ и тому подобныхъ бредняхъ. Человѣчество-то бьется, бьется надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, а ларчикъ просто открывается! Стоитъ только рабочимъ громко заявить, что они не желаютъ голодать, и за это они получать, если не постъ министра, то хоть маленькую какую-нибудь должность.

Однако, рабочіе всегда заявляли, что они не только не желаютъ голодать, но и тунеядствовать, поэтому на ихъ знамени четко и ясно начертано: „Работы, но не благотворительности!" Казалось бы, что за такія благія стремленія, по теоріи г. Философова, они должны были перестать голодать?! А выходитъ наоборотъ. Безработица свирѣпствуетъ, многіе доведенные до отчаянія или умираютъ на мостовыхъ, или же кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Очевидно, здѣсь что-нибудь неладно. Дѣло въ томъ, что желаніе не голодать на министерскомъ языкѣ не такъ понимается, какъ того требуетъ здравый человѣческій разсудокъ. Желаніе не голодать на языкѣ самодержавной бюрократіи, значитъ не прекословить г.г. капиталистамъ, устраивающимъ при благосклонномъ участіи г.г. Философовыхъ локауты, и

что самое главное, прекратить всякую борьбу противъ самодержавія. Не борись за свои интересы, дай разгуляться вдоволь аппетитамъ предпринимателей, влачи свое жалкое существованіе, ложась и просыпаясь благодари Господа Бога, своихъ благодѣтелей—хозяевъ и свору самодержавныхъ чиновниковъ, жандармовъ и шпіоновъ, будь послушнымъ и вѣрнымъ рабомъ хозяевъ и правительства. И тогда, хотя ты и будешь заваленъ непосильной работой, хоть и сойдешь раньше времени въ могилу или машина изувѣчитъ тебя, а благодѣтель-хозяинъ выгонитъ на улицу, хоть ты и будешь голодать, получая нищенскую плату, хотя твоя жена и будетъ работать при самыхъ несносныхъ условіяхъ, часто рожать у самой машины, хотя твои маленькія дѣти и будутъ безъ присмотра гибнуть, а подростки вмѣсто обученія грамотѣ и пользованія свѣтомъ и воздухомъ, губить свои дѣтскіе организмы надъ непосильной работой въ душныхъ и пыльныхъ стѣнахъ фабрикъ и заводовъ:—но за то твои благодѣтели хозяева будутъ ѣсть и пить съ полнаго стола, одѣваться въ шелкъ и бархатъ, торговать своей честью и совѣстью, кататься на рысакахъ и все время думать и думать безъ конца, какъ прійти на помощь „меньшему брату“, не поступаясь, однако, удобствами своей жизни. А г.г. министры и всякіе „охранители“ и „блюстители“ „порядка“ и „законности“ будутъ безконечно радоваться, видя, какъ торговля и промышленность цвѣтутъ и развиваются и станутъ продолжать субсидировать капиталистовъ изъ тѣхъ милліоновъ, которые выколачиваются изъ крестьянина и рабочаго.

Но развѣ не пріятно будетъ глядѣть рабочему на работу своихъ рукъ, на то, какъ его трудами цвѣтетъ отечество и усиливается власть на страхъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ? Вѣдь это такъ „патріотично“ будетъ съ его стороны: онъ тогда по справедливости заслужитъ имя „братца“ и даже само правительство позаботится, чтобъ онъ занялъ почетное мѣсто въ рядахъ „союза русскаго народа“.

Вотъ при наличности этихъ условій правительство повѣритъ, что рабочіе не хотятъ голодать. Если же они на это не согласны, то, очевидно, не желаютъ быть сытыми, и поэтому никакихъ разговоровъ о нихъ быть не можетъ. Въ самодержавно-бюрократической Россіи

сытыми могутъ быть капиталисты, помѣщики, бюрократы, жандармы, шпіоны и вообще всѣ насильники и погромщики, остальные 90 % должны голодать, потому что „хотятъ голодать“ и, если они не умрутъ отъ голода, то ихъ слѣдуетъ уничтожить огнемъ и мечемъ по рецепту правительственнаго агента и извѣстнаго погромщика Крушевана...

Однако, къ несчастью г.г. Философовыхъ и Столыпиныхъ, обогатившихъ науку цѣлой серіей новыхъ открытій, освѣщаемыхъ съ точки зрѣнія „высшихъ государственныхъ соображеній“, большинство Думы не „оцѣнило“ этихъ открытій и не присоединилось къ правительству и приспособляющимся къ нему политическимъ партіямъ.

Хвостъ кадетской формулы, гласящій: „рабочихъ, пострадавшихъ отъ торгово-промышленнаго кризиса“, былъ съѣденъ большинствомъ Думы и такимъ образомъ передъ Думой сталъ вопросъ о помощи безработнымъ, не раздѣляя „эллиновъ отъ іудеевъ“.

Итакъ, въ вопросѣ о безработныхъ правительство выступило болѣе откровенно и потребовало отъ Думы утвержденія и признанія той гнусной политики, по которой, какъ рабочіе, такъ и крестьяне получаютъ помощь сообразно со своими политическими убѣжденіями. Эта политика къ счастью встрѣтила сильный отпоръ у всей Думы, кромѣ правыхъ и кадетовъ.

Но правительство все же одержало нѣкоторую побѣду. Комиссію безработныхъ, какъ извѣстно, постигла та же участь, что и комиссію продовольственную. Оторванная отъ живыхъ силъ страны и замкнутая въ тѣсномъ кольцѣ бюрократическихъ пріемовъ, комиссія вскорѣ зачахла и, ничего не сдѣлавши, умерла своей естественной смертью.

12 марта начались пренія по вопросу объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. Правительство Столыпина сразу стало на дыбы. Слѣдуетъ замѣтить, что еще наканунѣ пошли по обыкновенію слухи о роспускѣ Думы.

Но на этотъ разъ г. Столыпину и ему подобнымъ „друзьямъ“ представительнаго образа правленія не удалось достигнуть цѣли.

Ни одна изъ прогрессивныхъ группъ не пошла на встрѣчу правительству, и попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Но вся острота вопроса не въ этомъ заключа-

лась. Г. Столыпинъ и всѣ вообще „конституціоналисты" стали на точку зрѣнія дѣйствительныхъ борцовъ за старый режимъ и провозгласили месть, какъ идею борьбы. Обсужденіе этого вопроса тѣмъ и знаменательно, что оно вскрыло природу самодержавнаго правительства и если не сорвало, то приподняло на его лицѣ маску лицемѣрія. „Пусть прекратится терроръ,— и тогда военно-полевые суды будутъ отмѣнены и ихъ необходимость падетъ сама собой". Вотъ какъ формулировало свой отвѣтъ правительство. Что означаютъ эти слова? Въ нихъ правительство выставило требованіе о прекращеніи борьбы противъ существующаго, но уже отжившаго режима. Всѣ правительственныя рѣчи отражали одно и тоже: стремленіе подчинить народную волю волѣ правящей бюрократіи. Я, само собою понятно, не хочу этимъ сказать, что терроръ есть именно борьба противъ самодержавія. Нѣтъ! Нашъ взглядъ на терроръ достаточно извѣстенъ широкимъ общественнымъ слоямъ, чтобы нужно было здѣсь еще повторять его. Но правительство подъ терроромъ понимало политическую борьбу противъ самодержавія.

Такъ или иначе, а правительство поставило вопросъ о „прекращеніи" революціоннаго движенія въ странѣ. Г. Столыпинъ въ своей рѣчи указалъ, что „успокоеніе страны находится въ рукахъ Госуд. Думы".

Не говоря уже о полной безсмысленности и абсурдности такой постановки вопроса, при которой какой-либо правительственный актъ будто бы въ состояніи прекратить революцію, какъ историческій процессъ, я хочу напомнить читателю, что было время послѣ разгона первой Думы, когда тотъ же г. Столыпинъ бралъ на себя смѣлость „успокоенія" страны до созыва 2-ой Думы, и однимъ изъ самыхъ чудодѣйственныхъ средствъ считалъ военно-полевые суды. И что же получилось? Срокъ „успокоеній" миновалъ, и г. Столыпинъ предъ Думой расписался въ полученіи свидѣтельства о бѣдности. Онъ, надо ему отдать справедливость, съ полной откровенностью сознался въ банкротствѣ своей собственной тактики, въ полномъ безсиліи правительства бороться противъ натиска стихійныхъ силъ страны. Но признаваясь въ этомъ откровенно, г. Столыпинъ, тѣмъ не менѣе, заявилъ „твердо", что военно-полевые суды не

будутъ отмѣнены до 20 апрѣля, когда „законный“, такъ сказать, срокъ этого закона кончится. [1])

Какой же политическій смыслъ имѣло такое заявленіе? Многіе склонны думать, что неограниченное стремленіе самодержавія не бороться, а мстить своимъ врагамъ самыми жестокими средствами, — есть единственный мотивъ этого заявленія. Это такъ и не такъ.

У правительства, кромѣ военно-полевыхъ судовъ была и оставалась масса средствъ лишать людей жизни. Вспомните, что послѣ 20 апрѣля военно-полевые суды быстро замѣнились военно-окружными судами. Послѣдніе, правда, дѣйствуютъ не такъ быстро, такъ какъ они называются судами и, слѣдовательно, связаны цѣлымъ рядомъ формальностей, а это отнимаетъ нѣкоторое время. Кромѣ этого военно-полевые суды можно быстро устраивать во всѣхъ мѣстечкахъ и деревняхъ, а военно-окружныхъ судовъ нѣтъ въ такомъ изобиліи. Для организаціи военно-полевыхъ судовъ нужны только палачи. Гдѣ есть палачъ, тамъ въ 24 часа можно имѣть военно-полевой судъ; и въ наше время ихъ вездѣ можно найти, а гдѣ правительство не найдетъ, тамъ союзъ русскаго народа поможетъ.

Но въ настоящее время, какъ извѣстно, правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы ускорить процессуальную сторону дѣла въ военно-окружныхъ судахъ, сокративъ и устранивъ нѣкоторыя формальности.

Слѣдовательно, этотъ мотивъ не игралъ важной роли.

Правительство своимъ заявленіемъ стремилось лишь къ сохраненію „основъ“ „твердой“ власти.

Съ точки зрѣнія „конституціоналиста“ Столыпина нельзя было ни на минуту допустить, чтобы конституціонное законодательное учрежденіе дерзнуло наложить свою руку на дѣйствія власти. Это умалило бы „престижъ“ правительства, конечно, не въ глазахъ народа, у котораго оно уже давно не пользуется никакимъ довѣріемъ, а въ глазахъ заграничныхъ „истинно-русскихъ“ Мендельсоновъ. Уничтоженіе военно-полевыхъ судовъ законодательнымъ учрежденіемъ значило, по мнѣнію правительства, подчиненіе правящей бюрокра-

---

[1]) По основнымъ законамъ, всѣ законы, введенные на основаніи 87-ой ст., безъ одобренія Гос. Думы уничтожаются, если не вносятся на разсмотрѣніе Думы въ теченіе 2 мѣсяцевъ со дня ея функціонированія.

тіи народной волѣ, что шло въ разрѣзъ съ тактикой правительства. „Конституціонный“ Столыпинъ считалъ обязанностью продемонстрировать еще разъ свою „твердость“ передъ европейскими кредиторами: вотъ дескать, глядите, я не только вѣшалъ, а буду еще вѣшать и не боюсь объ этомъ говорить громко, а народъ ни слова даже не скажетъ, вотъ какая „твердая“ власть у самодержавія.

Пусть Госуд. Дума рѣзко осуждаетъ военно-полевую „юстицію“, пусть она въ одинъ голосъ называетъ ее организованнымъ убійствомъ, а ея вдохновителей убійцами, вѣдь г. Столыпинъ и не отрицаетъ этого; даже больше, онъ согласенъ съ Думой. Но „высшія государственныя“ соображенія требуютъ отъ него становиться на другую точку зрѣнія. „Когда домъ горитъ, то не приходится жалѣть стеколъ“, и будущій историкъ отмѣтитъ, что хотя у г. Столыпина руки и въ крови, но его руки больше походятъ на руки хирурга, чѣмъ палача.

Неправда ли какое интересное самоутѣшеніе? г. Столыпинъ уже второй разъ сослался на судъ исторіи и заранѣе даже предсказалъ, что онъ скажетъ. Столыпинскій „судъ“ исторіи что-то очень смахиваетъ на современный русскій судъ, который выноситъ резолюціи угодныя для правящей клики. Г. Столыпину разумѣется было безразлично, что говоритъ Дума, какъ выразительница воли многомилліоннаго населенія, осудившаго морально его. Ему нуженъ судъ Мендельсоновъ. И пока они одобряютъ это, до тѣхъ поръ г. Столыпинъ въ нихъ черпаетъ свои надежды на оправданіе его судомъ исторіи.

Я здѣсь не касаюсь такъ сказать правовой стороны вопроса и того, насколько военно-полевые суды являются судами вообще. Не дѣлаю я это потому, что мнѣ лишь хочется прослѣдить вмѣстѣ съ читателемъ тактику правительства въ этомъ вопросѣ и затѣмъ, признаться, мнѣ безразлично знать какъ убиваетъ правительство людей, судомъ или безъ суда. Не потому, конечно, что эта сторона вопроса не интересна, напротивъ, а потому, что, строго говоря, у насъ судовъ нѣтъ. Осталась одна форма, а сущность уже давно распродана оптомъ и въ розницу. При такихъ условіяхъ, конечно, смѣшно говорить взрослымъ людямъ серьезно о нашихъ судахъ.

Итакъ правительству нужно было, чтобы Гос. Дума подняла свой властный голосъ за прекращеніе борьбы противъ самодержавія, взяла на себя роль „успокоителя", ударила отбой по всей линіи. Чтобъ убѣдить Думу въ необходимости такого шага, г. Столыпинъ прочиталъ даже „избирательную платформу россійской соціальной (?) партіи и резолюціи с.-ровъ на тамерфорской конференціи. Не будемъ говорить о томъ, что г. Столыпинъ смѣшалъ двѣ партіи въ одну, а спросимъ себя, какую цѣль преслѣдовало правительство, когда требовало, чтобы Дума „осудила" политическія убійства?

Если бы Дума сдѣлала желательный для „хирурговъ" шагъ, спрашивается, развѣ отъ этого прекратились бы политическія убійства? Если не брезгать здравымъ смысломъ, то онъ намъ скажетъ, что политическія убійства есть одна изъ формъ выраженія общественнаго настроенія, а поэтому разсчитывать на то, что Госуд. Дума или какое-нибудь другое учрежденіе въ силахъ воспретить такую форму проявленія этого настроенія, когда ожесточенно преслѣдуются всякія легальныя формы его, могутъ только пустые фантазеры. Такимъ образомъ самый вопросъ объ „осужденіи" террора есть нелѣпость, можно указывать на цѣлесообразность или нецѣлесообразность того или иного тактическаго пріема, можно бороться противъ нецѣлесообразности террора, но думать, что путемъ голаго „осужденія" можно пріостановить или въ корнѣ уничтожить это явленіе, пусть ужъ такимъ полезнымъ дѣломъ занимаются „сферы".

Однако, вѣдь и г. Столыпинъ не разсчитывалъ на чудодѣйственность такого „осужденія". Онъ хорошо зналъ и знаетъ, что это средство не приведетъ къ прекращенію политическихъ убійствъ.

Г.г. хирурги въ этомъ случаѣ преслѣдовали совершенно иную цѣль.

Предположимъ, что Гос. Дума большинствомъ голосовъ осудила бы политическія убійства. Говорить нечего, что террористическіе акты не прекратились бы отъ этого, такъ какъ объективныя соціально-полити-

---

[1]) Такъ прочиталъ г. Столыпинъ (см. стен. отч.) Наши доморощенные „хирурги" даже не даютъ себѣ труда усвоить не только программы, но и наименованія партіи!

ческія условія и политика правительства, вызывавшія терроръ, не измѣнились бы. Но правительству представился бы подходящій случай дискредитировать Гос. Думу, показать, что она никакого вліянія на страну не имѣетъ. Кромѣ того, правительство, пользуясь этимъ „осужденіемъ", съ большей жестокостью преслѣдовало бы политическія партіи, признающія терроръ. Репрессіи возрасли бы, такъ какъ правительство получило бы нѣкоторое „оправданіе" этимъ репрессіямъ. Ближайшимъ непосредственнымъ результатомъ всего этого было бы ожесточеніе массъ противъ молодого представительнаго учрежденія, такъ какъ съ „осужденіемъ", отвѣтственность за репрессіи падала бы на Госуд. Думу.

Такимъ образомъ весь вопросъ сводился не къ тому, кто раньше сложитъ оружіе—правительство или революціонныя партіи. Самый процессъ развитія революціи и его исходъ рѣшитъ этотъ вопросъ. Никто не сомнѣвается, что въ правовомъ государствѣ ни одна изъ политическихъ партій не будетъ совершать политическихъ убійствъ, а также и правительству народъ не позволитъ заниматься безнаказанно хирургическимъ „ремесломъ". Правительство просто еще разъ ставило Думѣ требованіе подчиниться его волѣ и съ этой цѣлью заявило, что существованію военно-полевыхъ судовъ будетъ положенъ конецъ 20 апрѣля.

Кстати будетъ здѣсь отмѣтить, что этотъ планъ очевидно былъ разсмотрѣнъ и одобренъ правительственными „хирургами" раньше, и въ это рѣшеніе были посвящены „депутаты" изъ союза русскаго народа. Такъ еще 6 марта послѣ прочтенія нашей деклараціи, а также и 12 марта до рѣчи Столыпина всѣ истинно-русскіе „депутаты" одинъ за другимъ ставили вопросъ объ осужденіи террора, а впослѣдствіи къ мѣсту или не къ мѣсту выскакивали съ этимъ „осужденіемъ" гр. Бобринскій и его присные, пока вопросъ этотъ по предложенію кадетовъ не былъ вовсе снятъ.

19 марта начались пренія по аграрному вопросу. Одинъ за другимъ выступали ораторы различныхъ политическихъ партій и во всѣхъ рѣчахъ звучалъ одинъ и тотъ же мотивъ: земли для крестьянъ.

Такимъ образомъ вновь всплылъ вопросъ, который

считался и считается однимъ изъ самыхъ кардинальныхъ соціальныхъ вопросовъ.

Онъ есть тотъ самый подводный камень, наткнувшись на который самодержавный корабль сильно накренился. Съ тѣхъ поръ правящая бюрократія рѣшила взяться за разрѣшеніе его, но въ такихъ рамкахъ, чтобъ не нанести удара самому принципу самодержавія.

Важность аграрнаго вопроса усугубилась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ разъ на этомъ вопросѣ прервалась нить существованія перваго русскаго парламента.

Но отъ разгона Думы и тѣхъ, выражаясь словами самого Столыпина, аграрныхъ пластырей, которыя налагались правительствомъ на эту зіяющую рану, остроты вопроса ни на іоту ни убавилось. Напротивъ, земельный голодъ, сопровождаемый хроническими, прямо таки позорными голодовками, становится со дня на день все острѣе и острѣе!

Прибавьте къ этому, что составъ Думы вполнѣ гарантировалъ принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель. Другой вопросъ, въ какую форму вылилось бы это принудительное отчужденіе, въ форму ли кадетскаго „справедливаго“ выкупа или безъ выкупа, какъ того требовали и требуютъ всѣ лѣвыя группы. Но для правительства послѣднее обстоятельство даже не имѣло и не имѣетъ важнаго значенія. Другое дѣло самый голый принципъ принудительнаго отчужденія. Вотъ онъ дѣйствительно страшилъ и страшитъ правительство. Переходъ всей помѣщичьей земли или, какъ выражается г. Столыпинъ, культурныхъ хозяйствъ въ руки крестьянъ, можетъ быть купленъ только цѣной „разоренія“ 130000 культурныхъ зубровъ. А вѣдь эти самые зубры и есть та единственная можно сказать опора, на которой еще держится ветхое самодержавіе, та самая „государственность“, отъ имени которой такъ рьяно дѣйствуютъ и горячо говорятъ большіе и малые „хирурги“.

Что и говорить, правящая бюрократія не можетъ согласиться добровольно на такую уступку, на разрушеніе существующей „государственности“, сирѣчь, собственнаго благополучія.

Изъ устъ г. Столыпина въ засѣданіи 10 мая мы слышали, что правительство, пожалуй, согласно съ

рисуемой лѣвыми группами картиной оскудѣнія земледѣльческой Россіи. Какой злой ироніей звучатъ эти слова! Послѣ цѣлаго ряда аграрныхъ волненій, разлившихся почти по всей Россіи громадными пожарами, послѣ жестокихъ усмиреній голодныхъ „бунтовщиковъ“, правительство, наконецъ, признало, что существуетъ земельный голодъ, котораго ни повѣсить нельзя военно-полевымъ судомъ, ни истязать въ тюремныхъ застѣнкахъ. Есть слѣдовательно объективная причина, стоящая выше генералъ губернаторскихъ правъ и полномочій.

И то самое правительство, которое съ первыхъ дней закрѣпощенія крестьянъ и до послѣдняго времени имѣло только одинъ языкъ для сношеній съ крестьянами, языкъ розогъ, насилія, висѣлицъ и экзекуцій, признаетъ оскудѣніе земледѣльческой Россіи за фактъ.

Однако такое умилительное согласіе гг. „хирурговъ“ съ лѣвыми въ признаніи наличности земельной нужды вовсе не обязываетъ правительство соглашаться съ ними и въ средствахъ удовлетворенія этой нужды. Напротивъ, судя по словамъ г. Столыпина, всѣ аграрныя программы лѣвыхъ ведутъ къ полному уничтоженію „культуры“ и „государственности“.

Чтобъ ему повѣрили, онъ даже привелъ цитату изъ рѣчи одного изъ лѣвыхъ ораторовъ, въ которой было сказано, что на развалинахъ самодержавія должно быть выстроено зданіе новой государственности. „Конституціонный“ министръ при этомъ очень искренно назвалъ правовое государство „невѣдомымъ для себя отечествомъ“.

Г. Столыпинъ „критиковалъ“ аграрныя программы лѣвыхъ и кадетовъ довольно таки развязно съ полнымъ незнаніемъ дѣла. Я здѣсь не буду излагать аграрныя программы лѣвыхъ группъ, а укажу только на способы „критики“ великаго „хирурга“. Впрочемъ съ этого дня „хирургъ“ превратился въ „государственнаго соціалиста“, какъ онъ по крайней мѣрѣ называлъ себя.

Новоявленный „государственный соціалистъ“ передъ тѣмъ, какъ взойти на думскую трибуну, не далъ себѣ даже труда ознакомиться съ аграрными программами лѣвыхъ и кадетовъ, хотя бы по тѣмъ грошовымъ брошюрамъ, которыя въ такомъ изобиліи конфисковываются по распоряженію его же министерства.

„Критикуя“ съ трибуны эти программы, онъ не зналъ, что у лѣвыхъ группъ совершенно разныя аграрныя программы и если ихъ и связываетъ что либо, то это — принудительное отчужденіе безъ выкупа. А г. Столыпинъ приписалъ огульно всѣмъ требованіе націонализаціи земли и „раскритиковавъ“ ее, принялся за „разгромъ“ кадетской программы.

Укажу еще на нѣкоторые перлы „критики“ „государственнаго соціалиста“. Говоря о „націонализаціи земли“ т. е. объ аграрной программѣ соціалистовъ-революціонеровъ, съ которой, какъ извѣстно несогласна соціалдемократія, г. „хирургъ“ ядовито замѣтилъ: „я полагаю, что земля, которая распредѣлилась бы между гражданами, отчуждалась бы у однихъ и предоставлялась бы другимъ мѣстнымъ соціалдемократическимъ присутствіемъ (sic!)“ (курс. нашъ).

Тутъ ужъ подлинно: „въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька“.

Затѣмъ „государственному соціалисту“ понадобилось еще продемонстрировать свои знанія о соціальной революціи. И вотъ онъ „твердо“ заявляетъ. „Этотъ путь (націонализація) подчиняетъ интересамъ одного, хотя и многочисленнаго класса, интересы всѣхъ другихъ слоевъ населенія. Онъ ведетъ, господа, къ соціальной революціи“. Вотъ какъ, оказывается, слѣдуетъ понимать соціальную революцію?! А мы несчастные, до сихъ поръ думали, что соціальная революція не только никого не порабощаетъ и не подчиняетъ, а напротивъ, уничтожаетъ всѣ классовыя перегородки, разрушаетъ всѣ тѣ проклятыя условія, при которыхъ возможно порабощеніе человѣка человѣкомъ.

Если отбросить въ сторону всѣ эти „перераспредѣленія“, „соціальныя революціи“ словомъ все то, что, выражаясь словами г. Столыпина, носитъ характеръ „агитаціоннаго напора“, что же такъ безпокоитъ и пугаетъ наше правительство? Націонализація, раздѣлъ земли, муниципализація? Едва ли! Правительство хорошо сознавало, что ни одинъ изъ лѣвыхъ законопроектовъ не пройдетъ. Кадеты голосовали бы противъ всѣхъ этихъ программъ. Соціалдемократы заранѣе рѣшили вотировать противъ всякихъ формулъ, носящихъ въ себѣ народническія иллюзіи.

Въ такомъ случаѣ, какая бы программа прошла? можетъ быть кадетская? И это подлежало сомнѣнію, такъ какъ противъ выкупа голосовали бы всѣ лѣвыя группы и, такимъ образомъ, кадеты были бы одиноки. Что и говорить, Госуд. Дума нашла бы какую-нибудь общую формулу, такъ какъ нельзя было оставить пустое мѣсто вмѣсто разрѣшенія аграрнаго вопроса.

Но, если въ точности нельзя было указать, какая формула получила бы большинство, то всѣ знали прекрасно, что голосованіе принципа принудительнаго отчужденія получило бы громадное большинство противъ правыхъ и польскаго кола.

Объ этомъ не приходилось долго думать, тѣмъ болѣе, что какъ разъ за нѣсколько дней до аграрной деклараціи правительства аграрная комиссія единогласно противъ правыхъ и поляковъ признала необходимость принудительнаго отчужденія. Такимъ образомъ принципіальная сторона вопроса, надо полагать, безъ преній была бы поставлена на голосованіе на пленарномъ засѣданіи Госуд. Думы.

Вотъ что тревожило правительство, вотъ противъ чего оно рѣшило выступить 10-го мая со своей жалкой аграрной деклараціей.

Что это такъ, доказывается самой деклараціей, въ началѣ которой г. Столыпинъ прямо указалъ, „что въ аграрной комиссіи, въ которую не принимаются члены правительства и не выслушиваются даже тѣ данныя и матеріалы, которыми правительство располагаетъ, принимаются принципіальныя рѣшенія" (курс. мой).

Далѣе. Въ своей „критикѣ" принудительнаго отчужденія безъ выкупа г. Столыпинъ, хотя и довольно неудачно, указывалъ на то, что такое раззореніе 130000 культурныхъ помѣщиковъ ничего кромѣ минуса дать не можетъ, и что если взять всю землю (даже изъ подъ городовъ), то послѣ раздѣла окажется полная недостача ея.

Изъ этихъ двухъ посылокъ слѣдовало бы сдѣлать тотъ выводъ, что отчужденіе должно быть съ выкупомъ, но все же принудительнымъ, ибо если земли недостаточно, то безъ принудительнаго отчужденія, ея тѣмъ болѣе не хватитъ. Словомъ посылки эти съ логической необходимостью приводили къ кадетской программѣ.

Повторяю, я здѣсь не вхожу въ оцѣнку этихъ посылокъ, а желаю только указать на ту эквилибристику ума, какую продѣлалъ 10 мая истинно-русскій государственный соціалистъ.

Однако, г. Столыпинъ пришелъ къ другому выводу. А именно къ продажѣ помѣщичьей и удѣльной земли черезъ крестьянскій банкъ крестьянству и переселенію на новыя земли въ Сибирь и въ Туркестанъ. Словомъ къ той аграрной программѣ, которой держалось правительство почти все время и въ особенности въ междудумскій періодъ.

Съ поразительной ясностью правительство въ этой деклараціи стало на сторону 130000 „культурныхъ" зубровъ и съ достаточной энергіей показало, что весь аграрный вопросъ въ его глазахъ сводится къ скорѣйшему спасанію помѣщичьей и удѣльной земли отъ принудительнаго отчужденія.

Продажа земель черезъ крестьянскій банкъ, какъ не разъ указывалось и въ литературѣ, и съ думской трибуны, идетъ дѣйствительно на руку гг. помѣщикамъ, такъ какъ цѣны на эти земли вздуваются неимовѣрно. Давая возможность наиболѣе слабымъ землевладѣльцамъ, задолжавшимъ кругомъ и ведущимъ свое „культурное" хозяйство къ полному краху, сбывать земли по выгодной (но несправедливой) цѣнѣ крестьянамъ, правительство выбрасываетъ эти земли на рынокъ и дѣлая ихъ предметомъ купли и продажи на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, тѣмъ самымъ способствуетъ быстрому поднятію цѣнъ на земли, что и должно заставить оставшихся крупныхъ землевладѣльцевъ съ еще большей прибылью сбыть ихъ крестьянскому банку. [1])

Совершенно другая картина получается при принудительномъ отчужденіи даже и по „справедливой" оцѣнкѣ. При этомъ условіи однимъ взмахомъ пера отчуждаются всѣ земли и цѣны, такъ или иначе опредѣленныя на нихъ, подниматься не могутъ. Земля не становится предметомъ спекуляцій. Я уже не говорю о томъ, что громадные расходы, сопровождающіе опе-

---

[1]) Вотъ почему, кстати сказать, г. Столыпинъ и считаетъ, что аграрный вопросъ нельзя рѣшить, а нужно рѣшать... до тѣхъ поръ, скажемъ мы, пока ненасытные аппетиты зубровъ не получатъ удовлетворенія.

раціи землеустроительныхъ комиссій и проценты на затрачиваемые капиталы, платятся въ концѣ-концовъ изъ того же народнаго кармана, т. к. весь нашъ бюджетъ тяжелымъ бременемъ ложится на плечи трудящихся классовъ общества.

Однако насъ могутъ спросить, какое грозное значеніе могло имѣтъ то или другое рѣшеніе Госуд. Думы, а тѣмъ болѣе комиссіи для правительства? Вѣдь оно имѣло полную возможность любое рѣшеніе этого вопроса обкарнать въ Госуд. Совѣтѣ. Совершенно вѣрно. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе о принудительномъ отчужденіи земли даже въ комиссіи должно было растревожить правительство, такъ какъ этимъ былъ бы нанесенъ могучій ударъ правительственной аграрной политикѣ. И Госуд. Совѣтъ и верховная власть могли бы сильно измѣнить аграрный законопроектъ, но вѣсть о волѣ народнаго представительства отчудить землю принудительно уже разошлась бы по телеграфу по всѣмъ городамъ и весямъ и крестьянство жадное до всякихъ слуховъ о землѣ и питающее громадное довѣріе къ Думѣ, должно было бы эту волю признать за свою.

Не надо забывать, что эта воля не являлась навязанной сверху Госуд. Думѣ, а восходила изъ самой гущи крестьянской среды, гдѣ она выросла и укрѣпилась. Какіе же успѣхи могло бы имѣть правительство въ своей аграрной политикѣ.

Итакъ, маленькій клочекъ почвы, который у него былъ, долженъ былъ бы исчезнуть.

Вотъ почему такъ растревожилось правительство и вотъ почему оно поспѣшило 10 мая противупоставить рѣшенію аграрной комиссіи свои „виды“ и „планы“ и устами превратившагося изъ „хирурга“ въ „государственнаго соціалиста“ г. Столыпина громко и „твердо“ объявило, что не только практику, но и самую идею принудительнаго отчужденія будетъ считать покушеніемъ на „священную“ частную собственность „культурныхъ“ зубровъ.

Не колеблясь можно сказать, что правительство свой декларацией опять-таки хотѣло еще повліять на болѣе слабыя въ своей устойчивости политическія группы и склонить ихъ для „совмѣстной дѣятельности“. Рѣчь идетъ о кадетахъ. Но на этотъ разъ предпріятіе

снова не имѣло успѣха. И понятно почему. Кадетская фракція отказомъ отъ принятаго принудительнаго отчужденія совершила бы политическое самоубійство, такъ какъ милліоны крестьянъ отвернулись бы отъ нея и приняли бы не мягче, чѣмъ правящую бюрократію. Повторяю, что это воля правительства, воля окаменѣвшая и нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть это. И кадетская партія устами деп. Кизеветтера объявила съ трибуны, что она будетъ стоять за принудительное отчужденіе земли. Такое точное, твердое заявленіе кадетской партіи показывало, что расчеты правительства оправдаться не могутъ.

День 20 марта было однимъ изъ самыхъ серьезныхъ и такъ сказать основныхъ моментовъ борьбы народнаго представительства съ самодержавной бюрократіей.

Въ этотъ день началось обсужденіе бюджета.

Впервые русское народное представительство приступало къ разсмотрѣнію росписи доходовъ и расходовъ, и въ этомъ заключалась вся важность момента. Бюджетный вопросъ, какъ извѣстно, есть то самое оружіе, которымъ можетъ бороться народъ черезъ своихъ представителей съ правительственной властью. Есть у народнаго представительства бюджетныя права, и правительство становится въ зависимость отъ народной воли, въ противномъ случаѣ это могучее оружіе борьбы переходитъ на сторону противника.

Бюджетныя права нашего парламента весьма ничтожны. Я не буду останавливаться здѣсь на этомъ. Объ этомъ, а также и о нашемъ принципіальномъ взглядѣ на бюджетный вопросъ читатель узнаетъ изъ прилагаемыхъ рѣчей моей и тов. Алексинскаго. Скажу только, что $^2/_3$ бюджета изъяты изъ вѣдѣнія и разсмотрѣнія Госуд. Думы, да кромѣ того на основаніи 116 ст. правительство, въ случаѣ неутвержденія бюджета, можетъ производить расходы и собирать доходы по смѣтѣ предыдущаго года.

Какъ видите, за Госуд. Думой остается какъ будто очень и очень мало правъ. Министръ финансовъ не согласенъ съ этимъ и въ своей рѣчи сказалъ, что бюджетныя права Думы довольно обширны и она можетъ черпать изъ этихъ правъ свою силу. Мы тоже думаемъ, что это такъ, но по инымъ соображеніямъ.

Мы переживаемъ революціонную эпоху, когда передъ

нами находится не правительство изъ господствующихъ классовъ, съ которымъ мы можемъ бороться на почвѣ разсмотрѣнія и утвержденія отдѣльныхъ статей бюджета, а правительство старой Россіи, правительство борющееся со всѣми общественными классами за сохраненіе старыхъ „самобытныхъ" устоевъ. Результатомъ этой борьбы и должно быть созданіе демократическаго государства, въ правительствѣ котораго не можетъ быть мѣста представителямъ старой Россіи.

А если это такъ, то бюджетныя права, какъ бы они малы ни были, пріобрѣтаютъ громадное значеніе. Если въ конституціонныхъ государствахъ въ рукахъ народнаго представительства бюджетное право является могучимъ оружіемъ для того, чтобъ заставить правительство дѣйствовать въ рамкахъ своей воли, то въ рукахъ нашей Думы это оружіе получаетъ еще болѣе важное значеніе для побѣды народа надъ его врагомъ.

Поэтому передъ Думой самой жизнью ставился въ острой формѣ вопросъ: согласна ли она отъ имени народа санкціонировать ту финансовую политику, которой держится до сихъ поръ правительство, которая ведетъ къ полному обнищанію всего населенія, къ полному экономическому разоренію всей страны. Согласна ли она утверждать тотъ бюджетъ, доходъ котораго зиждется на опъяненіи народа и вымогательствѣ, а большая часть расходовъ идетъ на поддержаніе тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые являются врагами обновленія Россіи и глашатаями рабства, идетъ на сохраненіе устоевъ самодержавія.

Согласна-ли, наконецъ, Дума своими собственными руками отпустить гроши раззореннаго истекающаго кровью и стонущаго подъ ярмомъ азіатскаго деспотизма народа правительству, ожесточенно и съ звѣрской жестокостью борющемуся противъ народа?..

Вотъ какъ стоялъ вопросъ передъ Думой. И Дума должна была отвѣтить: народнымъ палачамъ-хирургамъ и насильникамъ ни копѣйки изъ народнаго кармана...

Однако, къ сожалѣнію, въ Думѣ такую постановку вопроса признали только соціалдемократы, а съ ними вмѣстѣ и лѣвые. Зловѣщій слухъ о разгонѣ Думы и другія обстоятельства заставили прочія партіи стать на иную точку зрѣнія. Кадеты и другія фракціи, кромѣ

лѣвыхъ, отбросили принципіальную точку зрѣнія и стали разсматривать этотъ вопросъ такъ, какъ бы это можно было дѣлать въ любомъ европейскомъ классовомъ государствѣ.

Плоды такой политики, конечно, тотчасъ же сказались. Хотя передача бюджета въ комиссію и не означала его утвержденія, но самый фактъ передачи говорилъ за то, что народное представитольство питаетъ нѣкоторое довѣріе къ правительству, разъ оно принципіально не отклоняетъ бюджета, а соглашается опуститься,—по картинному выраженію г. Струве,—на его „дно“.

Такимъ образомъ, къ прежнему выраженію довѣрія прибавлялось новое, да еще по такому кардинальному вопросу, какъ бюджетный, и позиція правительства еще больше укрѣплялась въ глазахъ всесильной европейской биржи.

Полную аналогію съ бюджетнымъ вопросомъ представлялъ также вопросъ о контингентѣ новобранцевъ, который разсматривался въ пресловутыхъ закрытыхъ засѣданіяхъ 16 и 17 апрѣля. Передъ Думой вновь сталъ вопросъ о томъ, довѣряетъ ли она правительству настолько, чтобы отпустить ему требуемый имъ контингентъ новобранцевъ. Находитъ ли Дума, что армія въ современной Россіи предназначается для внѣшней обороны или же для гражданской войны? Согласна ли она не только отдать 4000000 молодыхъ и здоровыхъ жизней самодержавію, но и позволить, чтобы ихъ обучали стрѣлять въ своихъ братьевъ и отцевъ?

Дума должна и обязана была поставить себѣ эти вопросы, прежде чѣмъ давать свое согласіе на контингентъ, такъ какъ мы съ правительствомъ воюющія стороны и отдавать противнику деньги (бюджетъ) и людей для арміи—значитъ отказаться фактически отъ борьбы съ пимъ, признать его стороной не враждебной.

Армія въ современномъ европейскомъ государствѣ, какъ извѣстно, служитъ господствующимъ классамъ и охраняетъ ихъ интересы при столкновеніяхъ ихъ съ господствующими классами другихъ государствъ, а также внутри отъ натиска рабочаго движенія, отъ наступающей неминуемо соціальной революціи. У насъ же правительство силится приспособить ее къ своимъ интересамъ и исключительно въ гражданской войнѣ

съ народомъ. Всѣ недочеты постановки военнаго дѣла, какъ извѣстно, вскрылись съ поразительной ясностью во время послѣдней войны. Истинно-русскіе полководцы вродѣ гг. Стесселей, Орловыхъ, Ренненкампфовъ, Меллеръ-Закомельскихъ, Каульбарсовъ оказались болѣе способными воевать съ собственнымъ безоружнымъ народомъ, чѣмъ съ дисциплинированнымъ и вооруженнымъ внѣшнимъ врагомъ. Самодержавному правительству въ особенности въ настоящее время не до внѣшней обороны, оно приспособляетъ армію для своихъ узкихъ цѣлей...

Моя рѣчь, расшитая по этой канвѣ, какъ извѣстно вызвала цѣлую бурю и нареканія, что я „оскорбилъ армію". Однако ходатайство президіума Думы огласить стенограмму моей рѣчи было отклонено военнымъ министромъ, который счелъ очевидно для себя за лучшее укрыться за инсинуаціями „Нов. Вр." и союза русскаго народа, вмѣсто того чтобы выступить открыто съ стенограммой моей рѣчи въ рукахъ. Этого мало. Онъ прошелъ молчаніемъ мое письмо въ редакцію „Товарища" [1]), въ которомъ я прямо обвиняю его въ завѣдомомъ искаженіи фактовъ... Но не прошло и мѣсяца, какъ правительство, уже забывъ объ этомъ инцидентѣ, съ пѣной у рта защищало свой законопроектъ объ изъятіи изъ общаго числа гражданъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, лицъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ. Правительство этимъ самымъ расписалось въ правильности высказанныхъ мною взглядовъ, что армію оно стремится подчинять не интересамъ государства, а своимъ собственнымъ. Правительство не привело ни одного довода въ пользу того, что интересы внѣшней обороны страны требуютъ этого. Напротивъ, тов. мин. вн. дѣлъ Лыкошинъ съ пафосомъ говорилъ о томъ, что это требуется по политическимъ соображеніямъ. Изъ за чего же правительство такъ кипятилось на закрытомъ засѣданіи. Должно быть я попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. „Оленя ранили стрѣлой" сказалъ Гамлетъ; то же самое можно было сказать правительству, когда во время моего „инцидента" оно поспѣшно покидало залъ засѣданія...

Но поставила ли Дума вышеназванные вопросы?

[1]) Это письмо читатель найдетъ въ приложеніи.

Это сдѣлали одни только лѣвые. На этотъ разъ дѣло обстояло еще хуже, чѣмъ при обсужденіи другихъ вопросовъ. Думскій центръ вовсе не коснулся политики правительства и, что еще болѣе важно, въ „доблестной" рѣчи „доблестнаго" Головина о доблестной арміи призналъ эту политику.

Дума большинствомъ противъ всей лѣвой утвердила контингентъ, но зато думскій центръ долженъ былъ считать съ этого дня окончательно потерянной надежду, когда нибудь имѣть трудовиковъ съ собой. Мой „инцидентъ" безповоротно отрѣзалъ ихъ отъ думскаго центра.

IV.

Изъ бѣглаго обзора правительственной политики читатель ясно видитъ къ чему стремилось правительство при созывѣ 2-ой Госуд. Думы. Стремленіемъ подчинить себѣ народное представительство, превратить его въ обыкновенныхъ прислужниковъ самодержавной бюрократіи, сдѣлать изъ него простой придатокъ къ самодержавной машинѣ, вотъ чѣмъ характеризуется политика правительства. Надъ всѣмъ, а въ томъ числѣ и надъ законодательнымъ учрежденіемъ должна возвышаться грубая полицейская сила и все, что исходитъ не отъ нея или противорѣчитъ ей, тѣмъ или инымъ путемъ должно быть уничтожено, раздавлено. Въ самомъ дѣлѣ. Ни по одному запросу представители правительства не признали незакономѣрность дѣйствій мѣстныхъ властей. Возмутительныя истязанія въ полицейскихъ застѣнкахъ, раскрытыя и освѣщенныя Думой по иниціативѣ соціалдемократической фракціи, ничего кромѣ улыбокъ [1]) и потугъ оправдать дѣйствія властей не вызывали у представителей правительства. Не менѣе возмутительное превышеніе власти со стороны моск. генер.-губ. Гершельмана, слѣдствіемъ чего была смертная казнь правительство, несмотря на полную очевидность факта, самымъ циничнымъ образомъ старалось обѣлить. А истязанія въ Акатуевской и Алгачинской тюрьмахъ,

[1]) Во время рѣчи деп. Родичева юрисконсультъ самодержавія г. Щегловитовъ улыбался, на что г. Родичевъ и замѣтилъ, что въ 60-хъ гг. не было министровъ, которые бы улыбались, когда рѣчь шла объ истязаемыхъ.

дѣйствія карательнаго отряда въ Ланчхутахъ на Кавказѣ и мн. др.? Не было ни одного преступленія мѣстныхъ властей, которое бы правительство не оправдывало съ думской трибуны. И преступники не только не предаются суду, но и продолжаютъ оставаться на своихъ постахъ. Правительство оправданіемъ преступныхъ дѣяній своихъ агентовъ поощряло ихъ на дальнѣйшіе подвиги изъ „высшихъ государственныхъ соображеній".

Всѣ эти подвиги исходятъ отъ властей, а поэтому всѣ законны; и если Думѣ предоставляется право запросовъ, то не для разоблаченія названныхъ дѣйствій правительства (такъ какъ дѣйствія правительства не могутъ быть незаконными), а для того, чтобы выслушать лекцію объ этихъ беззаконіяхъ, для того, чтобы быть въ курсѣ этихъ „дѣлъ"... и только. Разъ сила превысила право, то всѣ „подвиги" вызываются „высшими государственными соображеніями"; о какихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ правительства можетъ итти послѣ этого рѣчь!?.

По убѣжденію правительства Дума должна была не только не дискредитировать правительство (!) въ глазахъ народа, но наоборотъ поднять его значеніе и силу. Это убѣжденіе не разъ открыто высказывалось съ думской трибуны министрами, при чемъ всегда ронялась слеза о томъ, что положеніе властей и безъ запросовъ очень затруднительное. Правительство и само имѣетъ въ Думѣ прислужника и хочетъ вмѣстѣ съ ней порабощать населеніе во славу „незыблемыхъ основъ" самодержавія.

А если Дума не хочетъ, не можетъ этого сдѣлать, то она безусловно является „неработоспособной", такъ какъ работоспособность въ глазахъ правительства есть пресмыканіе передъ самодержавной властью, забѣганіе впередъ, рабское послушаніе. Другой работоспобности для правительства нѣтъ.

Какъ я уже говорилъ выше правительство, несмотря на оппозиціонный характеръ Думы, все же надѣялось усмирить ее и старалось достигнуть этой цѣли путемъ запугиванія, слухами о разгонѣ Думы и попытками перетянуть на свою сторону думскій центръ. Дѣйствительно, правительству это нерѣдко удавалось, въ остальныхъ же случаяхъ центръ молчалъ и своимъ молча-

ніемъ предоставлялъ правительству свободу дѣйствій. Но все это носило чисто случайный характеръ; слухи о разгонѣ Думы уже перестали дѣйствовать, а кадетская фракція не соглашалась отказаться отъ своей оппозиціи. Вотъ тогда возникъ вопросъ о необходимости созданія прочнаго „работоспоспобнаго“ центра. Сверху объ этомъ мечтали конституціонные „хирурги“, а въ самой Думѣ г.г. Маклаковы и Струве, уже замѣтно терявшіе свой кадетскій цвѣтъ. Въ случаѣ образованія такого центра, г. Столыпину было бы удобнѣе, да и проще дѣйствовать на него, какъ на руководящую организацію, и такимъ образомъ продолжать свою политику подчиненія Думы правящей кликѣ и самодержавію. Удалось ли бы это Столыпину или нѣтъ, это ужъ входитъ въ область гаданій, куда я не намѣренъ вдаваться. Одно только вѣрно, что такія намѣренія были, слухи о нихъ проникали даже въ печать, и кабинетъ поэтому держался выжидательной политики.

Но время шло, а часть лѣвыхъ, какъ напр., трудовики не только не приближались къ думскому центру, но и вовсе оторвались отъ него. Послѣ Пасхи сильно бросалась въ глаза полная сплоченность всѣхъ лѣвыхъ до трудовиковъ включительно, и полная дезорганизація центра. Кто внимательно слѣдилъ за голосованіемъ въ Думѣ, тотъ безусловно замѣтилъ, что въ послѣднее время все больше и больше, кромѣ польскаго кола, Дума раскалывалась на двѣ почти равныя половины, на одной сторонѣ правые, кадеты, и безпартійные, а на другой всѣ лѣвые. Такимъ образомъ вопросы рѣшались въ пользу той половины, на сторону которой переходило польское коло. Кадеты остались въ своей политикѣ одинокими. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше выяснялась полная невозможность созданія какого-либо вліятельнаго центра, идущаго на всякіе компромиссы съ властью и состоящаго на буксирѣ у нея.

Съ большей ясностью и довольно рельефно это обнаружилось, когда обсуждался вопросъ о такъ называемомъ заговорѣ на Верховную власть. Въ это время, какъ извѣстно, всѣ лѣвые, въ томъ числѣ и трудовики отсутствовали изъ зала и господа любители компромиссовъ и „прочныхъ центровъ“ были весьма сконфужены этимъ обстоятельствомъ.

Въ сферахъ стали не въ шутку безпокоиться, и какъ

разсказывали въ кулуарахъ, въ Петергофѣ при послѣдней поѣздкѣ Головина ему дали понять, что обѣщаннаго думскаго центра не видать.

Необходимо было поэтому съ точки зрѣнія правительства разбить лѣвое крыло Думы, такъ невыгодно для него сплотившееся и мѣшавшее организаціи „работоспособнаго“ центра. Появилась нужда въ новой фальсификаціи народнаго представительства.

Какъ я писалъ въ первой главѣ, „разъяснительный“ насосъ не переставая дѣйствовалъ съ перваго дня Думы. Послѣ Пасхи привлеченныхъ по 129 ст. оказалось изрядное количество. Но Дума медлила. Она сдала всѣ эти „дѣла“ въ комиссію и не спѣшила съ ними. Г. Столыпинъ, видя близость банкротства „разъяснительной“ политики, какъ говорятъ, даже обратился съ письмомъ къ Головину съ предложеніемъ поторопиться съ этими „дѣлами“, такъ какъ дескать участіе въ голосованіяхъ депутатовъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, составляетъ незаконное большинство. Такимъ заявленіемъ г. Столыпинъ головой выдалъ свою политику. Этимъ онъ раскрылъ свои карты и ясно показалъ, какую цѣль имѣютъ „привлеченія“ — фальсификацію въ голосованіяхъ.

Ненавистнѣе всѣхъ для г.г. „хирурговъ“ была соціалдемократія. Послѣдняя своей тактикой быстро завоевала центральное мѣсто на лѣвыхъ скамьяхъ, вокругъ нея стали сплачиваться всѣ лѣвыя группы и все это направлялось не только противъ правительства, но и вскрывало всю половинчатость и дряблость политики кадетовъ и представляло серьезную помѣху въ дѣлѣ организаціи „работоспособнаго“ центра. Такимъ образомъ вся политика г. Столыпина разбивалась о твердость лѣвыхъ группъ. Нужно было покончить разъ навсегда съ лѣвымъ ядромъ. Необходимо было его разбить. И вотъ правительство берется за эту послѣднюю попытку приспособить Думу къ своимъ цѣлямъ. 6 апрѣля производится внезапный обыскъ на квартирѣ у деп. Озола. О подробностяхъ этого обыска и разгрома нашей фракціи поговорю въ спеціальной главѣ, а здѣсь скажу, что это было началомъ радикальнаго наступленія правительства на Думу.

Время шло, надъ правительствомъ стали надви-

гаться темныя тучи. Бюджетная комиссія, несмотря на всѣ препятствія, чинимыя правительствомъ, закончила работы и уже былъ представленъ докладъ, который и былъ поставленъ на повѣсткѣ 1 іюня. Дѣло въ томъ, что въ бюджетной комиссіи при обсужденіи вопроса о томъ, въ какомъ порядкѣ его разсматривать, взяло вверхъ хотя и однимъ голосомъ мнѣніе, требующее сперва разсмотрѣнія бюджета въ его общемъ видѣ, а потомъ уже постатейное. Другая сторона требовала обратнаго порядка, что по меньшей мѣрѣ означало принятіе бюджета. Отъ комиссіи долженъ былъ выступить докладчикомъ деп. Жуковскій, и это показывало, что польское коло цѣликомъ на сторонѣ большинства комиссіи. Кромѣ того правительству было хорошо извѣстно, что польское коло склонно тотчасъ же послѣ перваго чтенія голосовать противъ принятія бюджета. Мнѣніе же лѣвыхъ группъ было извѣстно еще раньше. Такимъ образомъ большинство Думы голосовало бы тотчасъ же послѣ перваго чтенія противъ бюджета и провалило бы его. Для правительства готовился ужасный скандалъ: провалъ бюджета. И хотя Дума была бы тотчасъ распущена, все же этотъ ударъ правительству равнялся бы финансовому краху. Надо было во что бы то ни стало спѣшить и не допустить дѣла до скандала. И вотъ судебн. слѣд. Зайцевъ спѣшно готовитъ свое постановленіе о привлеченіи 55 депутатовъ по 102 ст. Постановленіе помѣчено датой 31 мая, а 1 іюня правительство назначаетъ закрытое засѣданіе, читаетъ постановленіе и требуетъ безотлагательнаго отвѣта. Еще бы! Послѣ провала бюджета это постановленіе потеряло бы всякій смыслъ.

Цѣль была такимъ образомъ ясна. Если Дума согласится подъ угрозой роспуска изъять 55 депутатовъ, т. е., цѣлую соціальдем. фракцію, то лучшаго и желать нельзя. Лѣвое крыло разбивается; повышаются шансы на образованіе прочнаго „работоспособнаго" центра, бюджетъ проходитъ большинствомъ голосовъ, по всѣмъ вопросамъ, если даже польское коло будетъ голосовать съ лѣвыми, перевѣсъ будетъ на другой сторонѣ, т. е. кадетовъ съ правыми. Ну чѣмъ не хороша эта комбинація?! А если не согласится Дума, то ее слѣдуетъ распустить немедля, пока не произошло еще бюджетнаго

скандала, но уже конечно съ измѣненіемъ избирательнаго закона, такъ какъ опытъ съ приведеніемъ къ послушанію Думы и фальсификаціей голосованій потерпѣлъ полную неудачу...

Но Дума предпочла роспускъ позору выдачи депутатовъ тюремщикамъ. Я здѣсь не касаюсь постановленія г. Зайцева, которое составлено съ рѣдкой недобросовѣстностью, и блещетъ не то поразительнымъ невѣжествомъ, не то самой беззастѣнчивой ложью.

Такимъ то образомъ рѣшилась участь Думы. Такъ произвело правительство государственный переворотъ 3 іюня. Такой радикальный шагъ правительства казалось бы долженъ былъ встрѣтить не менѣе радикальный отпоръ у народныхъ массъ. Но народъ встрѣтилъ актъ 3 іюня молчаніемъ. Такова исторія. Хотя и въ ней не теряетъ своей силы законъ механики, гласящій, что всякое дѣйствіе вызываетъ равное себѣ противодѣйствіе, но въ исторіи между этими двумя актами проходитъ нерѣдко большій или меньшій промежутокъ времени. Жатва посѣва 3 іюня еще впереди. Когда она наступитъ, мы предсказать не можемъ, но что она будетъ принадлежать народу и будетъ горька правительству, это мы знаемъ хорошо. Избирательный законъ 3 іюня, стремящійся собрать помѣщичью Думу, какъ факторъ отрицательный вызоветъ въ народномъ сознаніи пониманіе необходимости полноправнаго народнаго представительства, истинно-демократическаго государства. Поживемъ увидимъ.

V.

Такова была политика правительства, увѣнчавшаяся государственнымъ переворотомъ 3 іюня. Но какова была тактика Думы и отдѣльныхъ ея фракцій?

Для всѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за дѣятельностью Думы, ясно, что въ ней боролись, главнымъ образомъ, двѣ (противоположныя) тактики: кадетская и соціалдемократическая, которая въ концѣ концовъ стала руководящей на всѣхъ лѣвыхъ скамьяхъ.

Я постараюсь охарактеризовать тактику кадетской фракціи и тѣ результаты, къ которымъ она привела. Для этого я буду пользоваться отчетомъ кадетской

фракціи и тѣми впечатлѣніями, которыя я лично вынесъ.

Прежде всего долженъ замѣтить, что меня лично крайне поразилъ этотъ отчетъ. Въ немъ вы встрѣтите цѣлый рядъ „обвиненій“ по адресу лѣвыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, а также мѣстами полное искаженіе дѣйствительности. Но что всего важнѣе, — составители отчета не дали себѣ труда объяснить своимъ избирателямъ тѣ объективныя причины, которыя и создали какъ обстановку, въ которой пришлось работать Думѣ, такъ и условія роспуска Думы и измѣненіе избирательнаго закона.

Впрочемъ въ отчетѣ есть такія мѣста, гдѣ авторы, очевидно, забыли все то, что раньше написали о лѣвыхъ и приближаются къ этимъ объективнымъ причинамъ, но и только.

Отчетъ кончается классическимъ заключеніемъ, что „актъ 3 іюня является лишь завершеніемъ той кампаніи, которая велась въ теченіе почти двухъ лѣтъ (курс. нашъ) полусекретной (!) дворянской организаціей, дѣятельность которой была своевременно обнаружена печатью. Такимъ образомъ, относительно юридическаго и политическаго смысла совершившейся перемѣны не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній“ (курс. нашъ).

Далѣе. Указавъ на ту работу, которую Госуд. Дума совершила и думала совершить, а также на то, что работы аграрной комиссіи подходили къ концу, отчетъ продолжаетъ: „Словомъ, медлить даже для закулисныхъ (!!) враговъ Думы становилось опаснымъ: строго-законная дѣятельность Думы была для нихъ наиболѣе нестерпимой и достигнутая степень „работоспособности“ особенно угрожающей“...

Сопоставьте съ этой выдержкой другую изъ „обвинительной“ части, направленной противъ крайнихъ лѣвыхъ: „.... Естественно, что правительство оказалось сильнѣе, а конституціонализмъ слабѣе, чѣмъ они (крайніе лѣвые) ожидали (?!) и, парализуя дѣятельность конституціоннаго центра (нѣсколько дальше отчетъ признаетъ, что этотъ центръ не существовалъ), они только помогли сильнѣйшему своему врагу, противъ слабѣйшаго“. И еще. „Жало борьбы было отвращено въ другую сторону, и вмѣсто борьбы

оппозиціи за власть (?) получилась въ результатѣ борьба представительства за существованіе“. Мы думаемъ, что съ самаго перваго момента велась, да и должна была вестись борьба „за существованіе,“ а не за власть (!), но это не важно. Сравните, читатель, всѣ эти выдержки и укажите въ нихъ какое-либо логическое единство. Изъ первой цитаты явствуетъ, что чѣмъ „работоспособнѣе“ становилась Дума, тѣмъ больше сгущались тучи надъ ней, и когда Дума дошла до аграрнаго вопроса и бюджетнаго, прибавимъ мы отъ себя, то достигнутая степень „работоспособности“ стала особенно угрожающей. Со второй цитаты авторы отчета „убѣждаютъ“ читателей, что крайняя лѣвая, „парализуя“ дѣятельность кадетской фракціи, помогла правительству. А эта дѣятельность, какъ видно изъ отчета, должна была „проводить въ Государств. Думѣ программу политическаго и соціальнаго преобразованія Россіи строго-конституціоннымъ путемъ“. Попробуйте разобраться въ нихъ! Выходитъ, что строго-конституціонная дѣятельность партіи народной свободы вела къ разгону Думы, а антиконституціонная (этимъ терминомъ особенно злоупотребляютъ авторы отчета) крайнихъ лѣвыхъ, „парализуя“ эту „дѣятельность“, помогала правительству. Какая неразбериха!

Вся эта неразбериха станетъ понятной, если принять во вниманіе, что авторы отчета стали обсуждать свою собственную дѣятельность не въ той плоскости, въ какой слѣдовало.

Несмотря на то, что авторы въ началѣ отчета гордо заявляютъ, что ихъ тактика была основана на точной оцѣнкѣ наличныхъ общественныхъ силъ, въ отчетѣ нѣтъ и тѣни намека на анализъ общественныхъ отношеній и условій, вызвавшихъ событія 3 іюня.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать таковымъ голое заявленіе, что города дали кадетскихъ депутатовъ, крупные землевладѣльцы—правыхъ, а крестьяне—лѣвыхъ, которые „явились въ Думу предубѣжденные (к. н.) противъ партіи (кадетской) своими идейными руководителями“. Это по истинѣ прекрасно. Съ какихъ это поръ кадеты стали оцѣнивать настроенія и общественныя силы дѣйствіями тѣхъ или другихъ „идейныхъ руководителей?!“ До сихъ поръ такой „оцѣнкой“ занималось правительство, твердя на всѣ лады,

что революція есть „предубѣжденіе противъ... самодержавія, вызываемое злыми кознями агитаторовъ"... Этотъ фактъ неумѣнія не только оцѣнить общественныя отношенія, но даже поставить правильно вопросъ объ этой оцѣнкѣ, очень характеренъ для кадетской фракціи.

Дѣйствительно, замкнувшись въ узкую сферу „строгой конституціонности", считая все, что внѣ этой сферы, навожденіемъ дьявола, кадеты до-нельзя упростили свою задачу и, поэтому, какъ только жизнь однимъ дуновеніемъ смела ихъ карточную постройку, они стали передъ ней въ полномъ недоумѣніи и рѣшили, что во всемъ виновата злая воля крайнихъ лѣвыхъ, крайнихъ правыхъ и правительства. Характерно, что въ отчетѣ часто встрѣчается слово заговоръ по адресу правыхъ, и по неволѣ получается впечатлѣніе, что актъ 3 іюня есть дѣйствительно дѣло рукъ кучки заговорщиковъ, а не цѣлыхъ общественныхъ группъ. Разъ политикъ мотивируетъ свои неудачи злой волей другихъ, то это уже не политикъ, а самый что ни на есть обыкновенный обыватель.

Полное непониманіе дѣйствительности и растерянность фракціи передъ событіемъ 3 іюня такъ и сквозитъ черезъ всѣ поры „отчета". Такъ, напр., про крайнихъ лѣвыхъ огульно говорится, что они тормозили работу комиссій, и что кадетской фракціи удалось, наконецъ, сломить ихъ сопротивленіе, что мы будто бы питали „отрицательное отношеніе къ тактическимъ пріемамъ парламентской борьбы", „отказывались стоять на почвѣ существующихъ законовъ"... „взывали съ думской кафедры къ непосредственному вмѣшательству народа... для осуществленія народовластія" и т. д., и т. д. Для того, чтобы не наговорить такую кучу небылицъ, не нужно было вовсе быть знакомымъ съ литературой крайнихъ лѣвыхъ, а достаточно было слушать рѣчи ихъ ораторовъ, вмѣсто того, чтобы гулять по кулуарамъ. Когда и гдѣ мы призывали къ непосредственному вмѣшательству народа? Въ нашей декларацiи отъ 6 марта ясно говорится, что наша тактика не можетъ разсчитывать на это, такъ какъ мы слишкомъ хорошо знакомы съ положеніемъ вещей и съ настроеніемъ массъ. Когда и гдѣ мы отрицали тактику парламентской борьбы? Подумали ли хоть на минуту авторы отчета, что отрицатели не въ нашемъ лагерѣ

и имъ не зачѣмъ идти въ Думу. Если партія не признаетъ достаточной исключительно парламентскую борьбу, то развѣ изъ этого слѣдуетъ, что она вовсе отрицаетъ ее?

Какъ это можно отказываться стоять на почвѣ существующихъ законовъ? И здѣсь можетъ быть авторы забыли прибавить слово исключительно?! Можетъ быть они согласятся со мной, что мы, не считая возможнымъ сходить съ почвы существующихъ законовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стоимъ на почвѣ существующихъ общественныхъ отношеній, куда мы ихъ звали и тщетно звали?!..

Наконецъ, развѣ авторы никогда не слыхали, что между с-р-ами и с-д-ами въ ихъ тактическихъ пріемахъ есть существенная разница? Какъ же можно смѣшивать всѣхъ насъ въ одну кучу?!

Дѣйствительность слѣдуетъ оцѣнивать, а не писать противъ нея обвинительные акты въ духѣ судебныхъ слѣдователей самодержавной Россіи!!...

Итакъ, конституціонная дѣятельность Гос. Думы чѣмъ дальше развивалась, тѣмъ больше ожесточала правительство, тѣмъ больше приближала роковой день [1]).

Мы тоже такъ думаемъ и сознавали это еще въ тотъ моментъ, когда вступали впервые въ зданіе таврическаго дворца. Авторы отчета, однако, какъ будто не вполнѣ увѣрены въ этомъ и съ сожалѣніемъ констатируютъ, что отношеніе министерства къ Думѣ было пропитано оскорбительнымъ недовѣріемъ. Г. Струве, какъ извѣстно, очень любилъ твердить вездѣ и всюду, что кадетская партія ведетъ правильную осаду старой власти. И вдругъ послѣ этого требованіе полнаго довѣрія и установленія modus'а vivendi между осаждающими и осаждаемыми!..

Однако изъ вышеупомянутаго положенія объ отно-

---

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться. Несмотря „на систематическое противодѣйствіе Думѣ... при первомъ же приступѣ думскихъ комиссій къ работѣ“, несмотря на то, что „совмѣстная работа министерства ограничилась внесеніемъ проектовъ и разъясненіями ихъ по ихъ содержанію“, авторы отчета все же находятъ оправданіе для кабинета въ томъ, что „онъ принужденъ былъ считаться съ закулисными вліяніями этого рода, министерство, естественно, уже не могло особенно (!)настойчиво (?) стараться объ установленіи какого-либо modus vivendi съ Думой“. Ну чѣмъ это не перлъ? Если союзника спросить, кто виноватъ, онъ всегда вамъ отвѣтитъ, жидъ, а по кадетской логикѣ во всемъ виноваты „закулисныя вліянія“.

шеніи правительства къ работоспособности Думы слѣдуетъ ли, что нужно было вовсе не заниматься законодательной работой? Разумѣется, нѣтъ. Нужно только помнить всегда и вездѣ, что самое существованіе Думы есть результатъ общественнаго далеко еще не завершившагося движенія. Что революція, какъ процессъ, еще не завершилась и поэтому Дума не можетъ быть исключительно законодательнымъ учрежденіемъ, а можетъ служить еще сильнымъ оружіемъ борьбы со старой властью, могучимъ средствомъ организаціи массъ для дальнѣйшаго развитія революціи. Не нужно никогда забывать свое происхожденіе, не слѣдуетъ быть непомнящимъ родства.

Дума вынесена на плечахъ народныхъ массъ. Старая власть еще не очистила всѣхъ позицій. Борьба по всей линіи еще продолжается. Правительство мирится скрѣпя сердце съ Думой, какъ роковой необходимостью, помышляя, однако, все время о томъ, чтобъ повернуть вспять колесо исторіи, реставрировать самодержавіе. И эта идея подсказывается ему самой его внутренней сущностью и исходитъ отъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя устраиваютъ закулисныя интриги. Но не въ интригахъ дѣло, а въ томъ, что процессъ мобилизаціи народныхъ силъ еще продолжается, что сознаніе этихъ массъ еще не настолько глубоко, чтобъ вылившись въ соотвѣствующія организаціи двинуться на штурмъ самодержавія. Революціонная волна отхлынула, и на пустомъ мѣстѣ появились контрреволюціонныя общественныя группы, диктующія теперь условія. Только одна реакція сверху плюсъ закулисныя вліянія были бы ничто, если бы она сама не была продуктомъ реакціи снизу.

При такихъ условіяхъ, когда реакція свирѣпствуетъ, а народная армія мобилизуется, Дума, какъ продуктъ революціи, только должна была принять на себя всѣ удары реакціи.

И мы знали это, знали, что положеніе 2-ой Думы будетъ тяжелѣе, чѣмъ положеніе первой, поскольку условія ея существованія будутъ неблагопріятнѣе. Какой же послѣ этого смыслъ имѣютъ слова авторовъ отчета, что „лѣвымъ группамъ, плохо освѣдомленнымъ (к. н.) объ истинномъ положеніи дѣла, положеніе Думы казалось болѣе прочнымъ, чѣмъ было въ

дѣйствительности"... Какъ будто „истинное положеніе дѣлъ" узнается въ министерскихъ переднихъ, а не анализомъ дѣйствительности.

Повторяю, все это было хорошо извѣстно, такъ же какъ и то, что для такъ называемыхъ „активныхъ выступленій" нѣтъ никакихъ объективныхъ данныхъ, что поэтому Дума ни въ коемъ случаѣ послѣ роспуска не будетъ поддержана народными массами.

Если вѣрить авторамъ отчета, то и они объ этомъ хорошо знали, и... поэтому рѣшили „агитаціонныя цѣли подчинить законодательнымъ цѣлямъ и совершенно (к. н.) отказаться отъ содѣйствія тактикѣ, разсчитанной на непосредственную (к. н.) „поддержку" Думы народомъ или на „организацію Думой населенія на мѣстахъ съ цѣлью ближайшихъ (к. н.) „активныхъ выступленій"...

„О непосредственной поддержкѣ" и „ближайшихъ выступленіяхъ" никто изъ соціалдемократовъ не говорилъ и ихъ тактика не была разсчитана на это, а поэтому кадетской фракціи и не было нужды „оказывать содѣйствіе" несуществующей тактикѣ. Это просто плодъ боязни „активныхъ выступленій".

Однако, что значитъ подчинить агитаціонныя цѣли законодательнымъ цѣлямъ, авторы отчета не выясняютъ. Намъ кажется, что это выраженіе лишено всякаго смысла, и такая безсмыслица могла быть подсказана кадетской фракціи опять таки непониманіемъ дѣйствительности.

Мы думаемъ и даже убѣждены, что агитаціонныя и законодательныя цѣли въ рамкахъ думской работы являются положительно нераздѣльными, едиными. Развѣ законодательная работа, въ особенности при нашихъ условіяхъ, при борьбѣ со старой властью, не есть вмѣстѣ съ тѣмъ работа агитаціонная? Кто возьметъ на себя смѣлость отрицать это положеніе?!...

Возьмемъ примѣръ. Комиссія о неприкосновенности личности разсматриваетъ свой законопроектъ. Онъ устанавливаетъ строго личныя права и обязанности гражданъ и властей. Но развѣ этотъ законопроектъ, если бы даже онъ прошелъ цѣликомъ черезъ всѣ инстанціи, могъ бы претворится тотчасъ же въ жизнь? Нѣтъ! Почему?

Да потому, что вся Россія покрыта сѣтью исключи-

тельныхъ положеній, не допускающихъ даже мысли о примѣненіи принциповъ неприкосновенности личности, а законопроектъ не можетъ вторгаться въ эту область.

Нужно въ такомъ случаѣ уничтожить исключительныя положенія! Вѣрно. Но правительство на это согласиться не можетъ, такъ какъ это одно изъ сильныхъ оружій въ борьбѣ съ народомъ. Опять, слѣдовательно, мы натыкаемся на борьбу со старой властью. Можетъ быть вовсе не стоитъ писать и обсуждать этотъ законопроектъ? Нѣтъ! Кромѣ того, что законопроектъ, какъ воля народа, въ будущемъ все же претворится въ жизнь, самый процессъ обсужденія и принятія законопроекта имѣетъ чисто агитаціонное значеніе. Народныя массы, во-первыхъ, имѣютъ реальную возможность видѣть творчество своихъ представителей, затѣмъ ближе и лучше ознакомиться съ демократическими принципами свободы личности, сравнить ихъ съ настоящими условіями существованія, прослѣдить самый путь развитія законопроекта, а именно: отношеніе различныхъ группъ, партій, а также и правительства къ этому законопроекту и т. д. Словомъ, идея народнаго управленія конкретно сознается массами. Что это, спрашивается, какъ не агитаціонная цѣль?

Другой примѣръ у меня указанъ въ предыдущей главѣ. Это аграрный вопросъ. Правительство лучше понимало это и во время выступило съ своей аграрной декларацiей, чтобъ парализовать агитаціонное вліяніе рѣшеній аграрной комиссіи о принудительномъ отчужденіи земли...

Мнѣ думается, что авторы отчета просто обмолвились: они не только отказываются отъ „ближайшихъ“ „активныхъ выступленій“ и „непосредственной поддержки“, но и вовсе махнули на это рукой. Революція завершилась, остается только „строго-конституціонно“ работать, красный флагъ превращенъ въ „красную тряпку“ и валяется въ пыли въ чуланѣ квартиры г. Милюкова. Взоры обращены только на „сферы“ и ту „закулисную“ интригу, какую ведутъ правые заговорщики....

Соотношеніе общественныхъ силъ таково, что объ „активныхъ выступленіяхъ“ думать не приходится. Но кто убѣжденъ, что вся сила и мощь Думы коренится

въ народныхъ массахъ, тотъ непремѣнно придетъ къ заключенію, что вся тактика должна быть разсчитана такимъ образомъ, чтобъ идти навстрѣчу организующемуся народу, а не тормозить мобилизацію силъ и развитіе самосознанія. Организацію массъ вокругъ Думы никто и не понимаетъ въ техническомъ смыслѣ, что г.г. члены Думы каждый въ одиночку дѣйствуютъ, какъ организаторы; вся дѣятельность Г. Думы должна съ желѣзной необходимостью вести движеніе массъ въ сторону самоорганизаціи,

Поэтому лозунгъ „беречь Думу", принятый и нами, вовсе не понимался и, добавлю, не понимается въ смыслѣ сохраненіи 1-ой, 2-ой или 3-ей Думы, а Думы, какъ народнаго представительства вообще. Всегда и всюду, у насъ въ процессѣ борьбы со старой властью, въ особенности, только вліяніе народныхъ массъ можетъ гарантировать правильное функціонированіе народнаго представительства. Въ Берлинѣ можетъ быть не меньше, чѣмъ у насъ, существуютъ „закулисныя вліянія" всякихъ проходимцевъ и идеологовъ отжившаго феодализма, но тамъ послѣ роспуска рейхстага не рѣшаются на измѣненіе избирательнаго закона. Почему? А потому, что идея всеобщаго избирательнаго права глубоко вкоренилась въ сознаніе народныхъ массъ и такое покушеніе на народныя права неминуемо вызвало бы политическую катастрофу, весьма невыгодную для правящихъ сферъ.

Поэтому нечего искать причину роспуска Думы и государственнаго переворота въ „анти-конституціонныхъ" шагахъ крайнихъ лѣвыхъ, въ провокаціи правыхъ и „закулисныхъ интригахъ" въ „сферахъ".

Дума была распущена и избирательный законъ измѣненъ, потому что идея народнаго представительства еще не на столько окрѣпла въ народномъ сознаніи, чтобы массы подерживали парламентъ во всякой борьбѣ съ правительствомъ, потому, что общественныя группы, заинтересованныя въ реставраціи самодержавія, въ настоящій моментъ политическаго затишья, находятся на исторической авансценѣ...

Но разъ идея народнаго представительства находится еще въ процессѣ броженія въ народномъ сознаніи, то необходимо итти навстрѣчу этому процессу и оказать всякое „содѣйствіе" упроченію этой идеи. А это

могло и должно было дѣлать народное представительство путемъ удовлетворенія народныхъ нуждъ и путемъ борьбы со старой властью на почвѣ этихъ нуждъ. Народное представительство есть окристализованная народная воля и должно таковой оставаться до послѣдней возможности.

Народное представительство не можетъ поступаться своими демократическими принципами и отказываться отъ борьбы со старой властью, фальсифицируя понятіе борьбы „осадой“ Струве [1]), безъ риска затормозить развитіе идеи народн. представительства въ сознаніи народа. Хотя и авторы отчета говорятъ довольно смутно и сконфуженно, что они старались итти на встрѣчу „живымъ силамъ“ страны, ища въ нихъ „моральной“ поддержки, а крайніе лѣвые, наоборотъ, дискредитировали Думу, но въ дѣйствительности кадетская фракція почти совершенно отказалась отъ борьбы со старой властью. Я не хочу этимъ сказать, что Дума должна была принимать всякій бой, на который вызывало правительство или „провоцировали“ правые. Если бой не выгоденъ, то конечно слѣдуетъ его не принимать. Но уклоненіе отъ него должно быть понятно для народныхъ массъ, а что самое главное, оно не должно происходить на счетъ самыхъ основъ народныхъ правъ, такъ какъ тѣмъ самымъ тормозится развитіе идеи народн. представ. въ народномъ сознаніи.

Между тѣмъ тактика кадетской фракціи, разсчитанная исключительно на сбереженіе этой Думы, большей частью жертовала принципами демократизма, выбрасывая его понемногу, какъ ненужный балластъ. Авторы отчета, упоминая о фактическомъ большинствѣ, говорятъ, что „болѣе умѣренная часть правыхъ искренно (к. н.) поддерживала конституціонный центръ“ и что даже создалась надежда... на образованіе „конституціоннаго центра путемъ союза кадетовъ съ октябристами и безпартійными правыми (слышите князь Трубецкой?!) на основѣ сокращенной (!) программы“, но стыдливо умалчиваютъ о томъ, цѣной

---

[1]) Растерявшаго весь свой оппозиціонный багажъ во время путешествія изъ штутгартскаго консульства въ россійскій парламентъ; революціонный багажъ, какъ извѣстно, онъ утерялъ еще по дорогѣ изъ Петербурга въ Штутгардтъ.

какихъ постепенныхъ уступокъ и жертвъ, положительно вредящихъ принципамъ демократизма, такое соглашеніе состоялось.

Вотъ объ этихъ уступкахъ я и хочу сказать нѣсколько словъ.

6 марта въ день чтенія правительственной декларации кадетская фракція рѣшила отвѣтить правительству молчаніемъ. Въ то время, какъ кадеты въ первой Думѣ требовали подчиненія исполнительной власти законодательной, кадеты 2-ой Думы молчаливо встрѣтили декларацію правительства разгона Думы, правительства военно-полевыхъ судовъ. Такая глубокая разница въ политикѣ и отказъ отъ выборгскаго воззванія на послѣднемъ съѣздѣ,—все это должно было произвести на населеніе впечатлѣніе по меньшей мѣрѣ недоумѣнія. Много соображеній приводилось въ пользу такого молчанія, но среди нихъ мы не помнимъ ни одного, которое имѣло бы въ виду углубленіе народнаго сознанія. Какъ приметъ населеніе молчаніе мнящихъ себя руководящей партіей кадетовъ, пойметъ ли, какъ пойметъ и какъ учтетъ—всѣ эти вопросы очевидно ничуть не занимали героевъ молчанія.

По всѣмъ соображеніямъ красной нитью проходила исключительно боязнь роспуска Думы.

Являлся ли отвѣтъ на декларацію правительства ненужной а можетъ быть вредной демонстраціей, на это отвѣчаетъ наша декларація, встрѣченная такъ восторженно широкими народными слоями и сразу поднявшая на извѣстную высоту авторитетъ нашей фракціи. Правительство и правые, скажутъ намъ, вызывали Думу на бой въ такое время, когда ей не было выгодно вступать въ него.

Положимъ, что такъ. Но вѣдь обязана была Дума сказать свое вѣское слово, оцѣнить по достоинству актъ разгона первой Думы и всю междудумскую дѣятельность этого правительства. Можно было, да и слѣдовало не выражать прямого недовѣрія правительству, что мы и сдѣлали, и что отнимало у правительства возможность втягивать насъ въ бой въ невыгодный для насъ моментъ. А страна ждала, она насторожившись слушала, что скажутъ ея представители въ отвѣтъ правительству, покрывшему висѣлицами всю страну. И вдругъ вмѣсто рѣзкаго осужденія политики прави-

тельства.—гробовое молчаніе въ стѣнахъ таврическаго дворца.

Что точная и правильная оцѣнка прошлой и текущей политики правительства безъ выраженія прямого недовѣрія не могла служить поводомъ для немедленнаго „разгона“ думы, это сознаютъ и сами кадеты. Въ оправданіе своей тактики молчанія, они говорили, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ они будутъ критиковать дѣйствія правительства. Но развѣ одно и то же, когда на „обѣщанія“ правительства народное представительство отвѣчаетъ строгимъ осужденіемъ его политики, или же молчаливо отступаетъ, для того, чтобъ по частямъ касаться этой политики? Въ первомъ случаѣ прямо и точно говорится правительству въ лицо: вся твоя политика была разсчитана на порабощеніе народа, насколько цѣнны всѣ твои обѣщанія, мы еще увидимъ, но вся твоя прошлая дѣятельность не ручается за какую либо цѣнность ихъ.

Впрочемъ, если даже предположить, что кадеты рѣшили критиковать политику кабинета въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то что давалось населенію въ замѣнъ молчанія? выяснялось ли ему, что у народнаго представительства довѣрія къ этому правительству нѣтъ, но что моментъ для критики является не подходящимъ? Я понимаю, что такая тактика мыслима, когда стоятъ другъ противъ друга непримиримые враги и они борются одинъ за реставрацію самодержавія, а другой за дѣйствительную демократическую конституцію. Но г.г. кадеты своимъ поведеніемъ явно показали, что на взаимныя отношенія Думы и правительства они не такъ смотрятъ. Они видятъ въ правительствѣ не врага, а сторону, съ которой, какъ отчетъ выражается, можно установить „modus vivendi“ для „совмѣстнаго проведенія реформъ“. Въ ихъ глазахъ правительство военно-полевыхъ судовъ даже и теперь преисполнено желанія итти навстрѣчу народному представительству. Но „закулисныя вліянія“ не явили ему возможности исполнить это. Для любого русскаго гражданина, видѣвшаго всѣ дѣянія этихъ „хирурговъ“, дикимъ покажется взглядъ, по которому приписывается правительству искренность намѣреній, которыхъ оно и не думало имѣть.

А если это такъ, если кадеты, войдя во 2-ую Думу,

думали перебросить мостикъ между собою и правительствомъ народнаго угнетенія, правительствомъ, опирающимся на банду убійцъ, именующихся союзомъ русскаго народа, то не слѣдовало ли кадетской фракціи сказать это прямо въ глаза своимъ избирателямъ, вмѣсто того, чтобы объ этомъ писать въ отчетѣ post-factum. Всѣмъ было извѣстно, что кадеты идутъ въ Думу только законодательствовать (положимъ и всѣ для этого шли, кромѣ правыхъ), но чтобы это законодательствованіе было не на почвѣ строгой и планомѣрной оппозиціи, а шаткой почвѣ всевозможныхъ сдѣлокъ и примиреній,—объ этомъ никто до выборовъ во 2-ую Думу не слышалъ отъ кадетовъ.

Намъ скажутъ, что оставаясь на почвѣ строгой оппозиціи можно найти общій языкъ съ правительствомъ. Можетъ быть и кадеты такъ думали. Допустимъ, но, какъ далеки они тогда были отъ дѣйствительности, оцѣнивая такъ правительство! Впрочемъ искренность намѣреній послѣдняго работать вмѣстѣ съ Думой въ дѣлѣ выработки конституціонныхъ началъ и проведенія ихъ въ жизнь и теперь пользуется довѣріемъ у кадетовъ, какъ это видно изъ отчета. Кадетская фракція очевидно убѣждена, что только „закулисныя вліянія“ мѣшаютъ этому. Какъ просто однако пишется исторія!

Мы же думаемъ и даже убѣждены, что правительство никогда такихъ намѣреній не имѣло; оно наоборотъ стремилось подчинить народное представительство правящей бюрократіи и, отрѣзавъ его отъ народа, сдѣлать изъ него органъ, черезъ который можно проводить свою собственную волю. Оно стремилось къ конституціонному самодержавію.

Такое отношеніе кадетовъ къ правительству конечно не ново. Нашъ доморощенный либерализмъ всегда питался надеждами, что сумѣетъ повліять на правительство, перевоспитать его въ своемъ духѣ. И на сколько искренни бывали эти стремленія, на столько они далеки отъ дѣйствительности.

Кадеты въ этомъ отношеніи напоминаютъ человѣка, который, желая спасти другого, увязшаго въ болотѣ, незамѣтно для себя попадаетъ въ послѣднее и тоже постепенно погружается въ тину.

Пока гг. кадеты подумывали о перевоспитаніи гг

хирурговъ и метались въ поискахъ за общимъ языкомъ, правительство вело свою прямую политику подчиненія Думы себѣ, а сами гг. кадеты можетъ быть незамѣтно для себя дѣлали уступку за уступкой.

Какіе результаты имѣла политика молчанія для правительства мы указали раньше. А что получило населеніе отъ этого молчанія?—ничего кромѣ минуса.

Кадетская фракція обѣщала въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ критиковать политику правительства. Но... это обѣщаніе, къ сожалѣнію, и осталось невыполненнымъ. Ни по одному вопросу кадетская фракція не подходила къ правительству съ критикой его политики, кромѣ развѣ вопроса о военно-полевыхъ судахъ. Передъ Думой прошли такіе кардинальные вопросы, какъ продовольственный, о безработныхъ, бюджетъ, амнистія и др. и по каждому изъ этихъ вопросовъ, кадетская фракція отказывалась отъ принципіальной оцѣнки политики правительства.

По продовольственному вопросу выступленіе кадетскихъ ораторовъ было по истинѣ плачевно. Гг. Родичевъ, І. Гессенъ, Кизеветтеръ убѣждали все время, что Дума должна ограничиться только провѣркой тѣхъ документовъ, которые получитъ отъ правительства. Поѣздка на мѣста членовъ Думы для изученія нуждъ и постановки продовольственной помощи считалась ересью, которую по мнѣнію г. Родичева слѣдуетъ назвать „умственнымъ безсиліемъ“. Ничего, кромѣ „умственнаго безсилія“ не могли значитъ проявить члены Думы на мѣстахъ. И на засѣданіи Думы, и теперь, какъ-то неудобно доказывать, что дѣйствительный контроль надъ дѣйствіями правительства и свѣдѣньями о размѣрахъ продовольственной нужды, представляемыми правительствомъ, можно было имѣть только тѣмъ путемъ, который мы и предлагали, т. е. поѣздкой членовъ Думы на мѣста. Нельзя было спорить съ кадетской фракціей на почвѣ логическихъ доводовъ, когда она руководилась не желаніемъ помочь населенію, а это желаніе, весьма искреннее, подчиняла страху передъ роспускомъ Думы и... активными выступленіями. Имѣла ли законное право Дума посылать людей на мѣста? Гг. кадетскіе ораторы силились давать на это отрицательный отвѣтъ, но всѣ ихъ доводы разбивались о случай, имѣвшій мѣсто въ

практикѣ первой Думы: это поѣздка членовъ Думы въ Бѣлостокъ для разслѣдованія причинъ погрома.

Кромѣ этого въ законахъ нѣтъ указаній, что Дума не имѣетъ права во время стихійныхъ бѣдствій командировать своихъ членовъ на мѣста для изученія бѣдствія. Это, наконецъ, принято и въ практикѣ европейскихъ парламентовъ. Такимъ образомъ, строго-конституціонные кадеты въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ руководствовались не конституціонными соображеніями и „законной почвой", а просто страхомъ передъ роспускомъ Думы и тѣмъ, чтобъ не раздразнить напрасно тѣхъ гусей, которыхъ слѣдовало, по ихъ мнѣнію, еще воспитать въ конституціонномъ духѣ.

Страхъ передъ „активными выступленіями" игралъ не меньшую роль. Г-нъ І. Гессенъ съ трибуны спросилъ даже крайнихъ лѣвыхъ, беремъ ли мы на себя отвѣтственность, если на мѣстахъ начнется движеніе послѣ пріѣзда членовъ Думы и, если вмѣсто хлѣба, мы дадимъ народу свинецъ?!..

Все это не стоило бы возраженій, если бы не было произнесено съ думской трибуны. Народное движеніе для кадетовъ, это жупелъ замоскворѣцкой купчихи. Этимъ жупеломъ они къ мѣсту или не къ мѣсту любятъ пугать и себя и другихъ. Вдумайтесь, читатель, въ самую постановку вопроса. Что значитъ брать на себя отвѣтственность за народное движеніе? Тамъ, гдѣ существуетъ или начинается народное движеніе, самая „отвѣтственность" лежитъ въ немъ самомъ,—это во-первыхъ. Во-вторыхъ же, если бы соотношеніе общественныхъ силъ было таково, что поѣздка членовъ Думы на мѣста сыграла бы роль искры и зажгла пожаръ „активныхъ выступленій"... то надо полагать депутаты крайней лѣвой безъ обсужденія Думой этого вопроса поѣхали бы на мѣста. Въ-третьихъ, гдѣ тѣ объективныя условія, которыя говорили бы, что населеніе ждетъ пріѣзда членовъ Думы на мѣста, чтобъ начать „активныя выступленія"? Г. Гессенъ не указалъ на эти условія; а если они есть, то почему туда пріѣзжать членамъ Думы, а не членамъ крайнихъ партій вообще? Въ-четвертыхъ, не получается ли благодаря этому страху любопытная картина? Члены Думы отказываются отъ дѣйствительнаго контроля, отъ изученія размѣровъ голода, правильной постановки продоволь-

ственной помощи, опасаясь... „активныхъ выступленій“. Я лишаю человѣка хлѣба, лишаю его возможности избавиться отъ большихъ и малыхъ Гурко-Лидвалей.... опасаясь, что онъ выйдетъ изъ своего инертнаго состоянія. Гдѣ же логика? Да, не право ли правительство, когда оно запрещаетъ общественную помощь во время голода и гонитъ изъ деревни общественныхъ дѣятелей, мотивируя это тѣмъ, что ихъ пребываніе въ деревнѣ вызываетъ или можетъ вызвать смуту, сирѣчь „активныя выступленія“?!..

Результатомъ этихъ двухъ страховъ было то, что продовольственная комиссія заглохла отъ скудости свѣта и воздуха. И эти страхи заставили кадетовъ отказаться отъ случая общенія Думы съ народными массами, общенія, которое бы сблизило ихъ между собой и дало бы толчекъ къ развитію идеи народнаго представительства въ народномъ сознаніи.

Но за то къ кадетской формулѣ присоединился самъ г. Столыпинъ и кадеты могли порадоваться, что 9 марта они внѣдрили въ г. Столыпина бациллу конституціонализма, послѣ чего его воспитаніе въ этомъ направленіи пошло семимильными шагами, а между тѣмъ сами кадеты, какъ извѣстно, ни на іоту не отступили отъ своего демократизма.

Въ вопросѣ о безработицѣ кадетская фракція зашла еще дальше. Раньше я упомянулъ о полномъ сходствѣ вопроса о безработицѣ и продовольственнаго. Но въ этомъ случаѣ гг. кадеты для конституціоннаго воспитанія г. Столыпина сдѣлали еще... одну уступку. Въ концѣ своей формулы они прибавили „рабочихъ, пострадавшихъ отъ торгово-промышленнаго кризиса“. Выходило, что помощь должна быть дана только *такимъ* рабочимъ, а тѣхъ, которые пострадали за стачки, за политическія убѣжденія, или сдѣлались жертвами локаутовъ, всѣхъ ихъ формула выбрасывала вонъ. Выходило все во вкусѣ самодержавнаго правительства, всегда карающаго своихъ враговъ и враговъ капиталистовъ лишеньемъ ихъ куска хлѣба насущнаго...

Такая можно сказать позорная уступка правительству къ счастью была отвергнута большинствомъ Думы. И въ этомъ случаѣ очевидно все дѣлалось во имя конституціонированія самодержавной власти и борьбы противъ „закулисныхъ вліяній“.

Съ крайними лѣвыми и лѣвыми, кстати сказать, голосовало нѣсколько правыхъ. Такая комбинація почему-то приводила въ особенно игривое настроеніе всѣхъ тѣхъ, которые только что замерли съ протянутой рукой къ министерскимъ кресламъ. Почему эти единицы изъ правыхъ голосовали съ нами, я не знаю. Но я долженъ замѣтить, что тѣ самые рабочіе-черносотенцы, которые числятся въ рядахъ, увы, союза русскаго народа, не всегда находятся въ благопріятномъ матеріальномъ положеніи; очень много есть и среди нихъ лишенныхъ работы не по винѣ кризиса, а изъ-за контрреволюціоннаго движенія. Если голосовавшія съ нами единицы имѣли въ виду этихъ рабочихъ, то ихъ голосованіе съ нами подчеркивало, что мы, являясь партіей рабочаго класса, **не откажемъ никогда въ своей помощи даже рабочимъ черносотенцамъ**. Они рабочіе и это прежде всего. Они находятся въ рядахъ с. р. н. по своей темнотѣ и безсознательности. А эту темноту мы не думаемъ разсѣивать лишеніемъ ихъ хлѣба.

Результаты обсужденія и голосованія по вопросу о помощи безработнымъ уже извѣстны читателю изъ ранѣе изложеннаго.

Едва ли нужно говорить о важной роли, какую играетъ или вѣрнѣе могъ сыграть бюджетъ въ борьбѣ со старой властью. И что-же! Раньше мы указывали на ту „побѣду", какую одержало правительство и въ этомъ вопросѣ. Какова же была тактика кадетской фракціи? Она можетъ быть характеризована двумя словами: кадетская фракція вовсе отказалась использовать это могучее оружіе, данное Думѣ упорной и кровавой борьбой народа со старой властью и выронила изъ руки его на удивленіе и радость даже самого правительства. Вспомните рѣчи Кутлера и Струве, да и вообще весь первый день (20 марта) обсужденія бюджета. Въ этихъ рѣчахъ вы не увидите ни одной принципіальной нотки, ни одного штриха характеристики финансовой политики правительства. Недаромъ впослѣдствіи всѣ шутя говорили, что кадеты прославились въ бюджетныхъ преніяхъ Кутлеровскимъ вѣдомствомъ императрицы Маріи и Штутгартскимъ консульствомъ г. Струве. Въ бесѣдахъ вспоминали также, какъ г. Родичевъ еще на предвыборныхъ собраніяхъ говорилъ, что бюджетъ есть та

самая веревочка, на которой народное представительство будетъ держать правительство. Куда же спрашивается дѣвалась эта веревочка? Въ результатѣ бюджетъ былъ сданъ въ комиссію и такимъ образомъ было оказано довѣріе принципамъ финансоваго хозяйства нашего правительства. Этому послѣднему ничего больше не было нужно, что оно и доказало разгономъ Думы до утвержденія бюджета. Но за то кадетскіе ораторы не медля приступили къ нападкамъ на крайнюю лѣвую, въ то время, когда еще ни одинъ изъ ихъ ораторовъ ничего не успѣлъ сказать.

Г. Струве, одержимый страхомъ неутвержденія бюджета и страхомъ роспуска Думы, даже назвалъ насъ безотвѣтственнымъ меньшинствомъ, а наше нежеланіе сдавать бюджетъ въ комиссію и требованіе немедленнаго отказа правительству въ деньгахъ „красивымъ жестомъ"!

Какъ скоро, однако, все забывается! Страхъ, какъ видно, мутитъ не только разумъ, но и память людямъ. Если бы у насъ существовала Дума и г. Струве пришлось бы выступить въ ней 8—9 лѣтъ тому назадъ ораторомъ, то онъ не назвалъ бы нашу тактику „красивымъ жестомъ безотвѣтственнаго меньшинства", а сказалъ бы приблизительно слѣдующее: „господа народные представители, соціалисты на Западѣ отвергаютъ бюджетъ въ цѣломъ, такъ какъ онъ есть могучее оружіе въ рукахъ правящихъ классовъ для порабощенія, угнетенія и эксплоатаціи народныхъ массъ. Однако при постатейномъ разсмотрѣніи, соціалисты принимаютъ участіе въ голосованіяхъ и, если статья идетъ въ пользу трудящихся классовъ населенія, баллотируютъ за нее, если же она вредна, то сперва стремятся сократить размѣры ея вреда, а затѣмъ уже голосуютъ противъ нея". Такъ дѣло обстоитъ на Западѣ, гдѣ существуетъ дѣйствительно классовое буржуазное государство. А у насъ? У насъ только формируется это государство, формируется болѣзненно и не руками Коковцевыхъ, адептовъ самодержавія, поэтому и наше отношеніе къ бюджету нѣсколько мѣняется. Имѣя такое могучее оружіе для борьбы съ правительствомъ, мы заявляемъ: пьяный бюджетъ, бюджетъ, большая часть котораго идетъ на цѣли порабощенія и борьбы съ народомъ за реставрацію стараго порядка, мы, не сдавая

въ комиссію, отвергаемъ. Ни копѣйки этому правительству. Называть тактику, основанную на принципіальномъ отношеніи къ вопросу, на знакомствѣ съ дѣйствительностью и анализѣ финансовой политики правительства, красивымъ жестомъ, а тактику продиктованную страхомъ роспуска, тактику людей не только держащихъ мечъ въ ножнахъ, но и передающихъ его противнику, реальной, конституціонной, да еще демократической тактикой, конечно дѣло совѣсти штутгардтскихъ рыцарей. Что же касается обвиненія насъ, какъ „безотвѣтственнаго меньшинства“, то тотъ же г. Струве конца прошлаго столѣтія не менѣе ядовито отвѣтилъ бы на такое обвиненіе: „мы всѣ являемся отвѣтственными передъ страной, міромъ, исторіей и своей совѣстью, поэтому пошло предполагать, что я становлюсь на принципіальную точку зрѣнія при анализѣ дѣйствительности и хочу использовать въ борьбѣ находящееся въ моихъ рукахъ могучее оружіе потому, что заранѣе знаю, что моя формула не пройдетъ, и что поэтому съ меня снимается отвѣтственность за дѣйствія Думы и послѣдствія этихъ дѣйствій. Повторяю, пошло такъ думать, пошло заподозривать мотивы противника вмѣсто того, чтобы возражать ему по существу, разбивать его доводы“. Можетъ быть теперешній г. Струве не согласенъ въ этомъ съ г. Струве прошлаго вѣка,—что у кого болитъ тотъ о томъ и говоритъ!..

Можно конечно въ наше тревожное время растерять и революціонный и оппозиціонный багажъ, но память и разумъ все же терять не слѣдуетъ, и поэтому выходка г. Струве, бывшаго соціалдемократа, не могла не возмутить лучшихъ друзей демократіи. Это былъ явно недобросовѣстный пріемъ... Весь первый бюджетный день былъ, повторяемъ, сплошнымъ праздникомъ для правительства. Этого мало. Возраженія Коковцева, Столыпина и отвѣтъ Кутлера на эти возраженія носили отталкивающій характеръ сведенія счетовъ и торга настоящихъ бюрократовъ съ прошлыми, а быть можетъ и будущими. И этотъ день былъ торжественнымъ историческимъ первымъ бюджетнымъ днемъ въ россійскомъ парламентѣ. Гора родила мышь! Никто не могъ предположить, что кадетская фракція спрячетъ свое острое жало отъ одного только слуха о роспускѣ Думы.

Были ли намѣренія у кадетской фракціи еще тогда

утвердить вообще бюджетъ послѣ выхода его изъ комиссіи, точно сказать нельзя, такъ какъ пренія велись вокругъ вопроса о направленіи бюджета, но кромѣ газетныхъ слуховъ, были данныя, дававшія возможность разрѣшенія этого вопроса, конечно, предположительно, въ утвердительномъ смыслѣ. Такъ напр., г. Струве въ своей рѣчи указалъ на то, что если бюджетъ не будетъ утвержденъ (можетъ быть разсмотрѣнъ, точно не помню, но это все равно), то правительство имѣетъ выходъ, ибо можетъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ росписи 1907 года. Выводъ изъ этого положенія былъ таковъ, что отклоненіе бюджета не будетъ имѣть практическихъ результатовъ. Если принимать во вниманіе непосредственные практическіе результаты, то возможно, что они были бы даже „отрицательными", т. е. Думы не стало бы; въ этомъ случаѣ моральное вліяніе демократіи на страну усилилось бы, а шансы правительства пали. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что демократіи нужно было знать не столько то, какой выходъ правительство найдетъ изъ затруднительнаго финансоваго положенія, сколько то, какое вліяніе будетъ имѣть отклоненіе бюджета на развитіе сознанія массъ, будетъ ли это шагомъ впередъ въ революціи, топтаніемъ на одномъ мѣстѣ, или же въ худшемъ случаѣ движеніемъ вспять. Вотъ въ какой плоскости должна была демократія обсуждать этотъ вопросъ и если бы кадеты въ ней поставили его, то страхи за роспускъ Думы не играли бы первостепенной и самодовлѣющей роли. Но кадеты не могли этого сдѣлать, такъ какъ они не составляютъ революціонной демократіи, а просто являются отпрысками тѣхъ, которыхъ покойный Бѣлинскій величалъ „либеральными аббатиками".

Опираясь на разсужденія г. Струве, я и сказалъ въ концѣ рѣчи, что кадеты намѣреваются утвердить бюджетъ. Корреспонденты нѣкоторыхъ газетъ, напр. „Паруса", указывавали, что я совершенно напрасно бросилъ это обвиненіе, такъ какъ де направленіе бюджета въ комиссію не есть утвержденіе его.

Какое значеніе имѣло направленіе бюджета въ комиссію, я говорить не стану, такъ какъ я писалъ объ этомъ выше, что же касается намѣреній утвердить бюджетъ, то я не ошибся.

Въ бюджетной комиссіи представители кадетской

партіи настаивали на томъ, чтобы бюджетъ разсматривался постатейно. Къ сожалѣнію Дума не дошла до этого, такъ какъ послѣ этого какъ разъ грозилъ провалъ бюджету.

Въ числѣ мотивовъ приводился тотъ, что Думѣ предстоитъ выслушать второе чтеніе бюджета. Я не буду касаться этого формальнаго вопроса, а скажу только, что при первыхъ преніяхъ по бюджету тѣ же кадеты просили прекратить пренія, такъ какъ де это не есть первое чтеніе, а только дебаты по направленію бюджета. Кромѣ этого мотива, приводился еще тотъ, что въ западныхъ парламентахъ такъ принято. Стоитъ ли говорить въ сотый и тысячный разъ о томъ, что парламентскіе обычаи въ Европѣ могутъ служить полезными образцами, но быть указкой для насъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ, хотя бы потому что, говоря правительственнымъ языкомъ, Западная Европа переживаетъ „нормальное время", а мы время революціонное.

Такъ или иначе, а постатейное обсужденіе бюджета означаетъ принципіальную пріемлемость его. Иначе говоря, Дума, приступая къ постатейному обсужденію, молчаливо утверждала его, въ противномъ случаѣ странно и непонятно тратить время и энергію на обсужденіе и голосованіе того, что пріемлемо быть не можетъ. А большинство Думы за исключеніемъ кадетовъ и правыхъ именно такъ и хотѣло рѣшить: отказать правительству въ утвержденіи бюджета

Въ вопросѣ о контингентѣ новобранцевъ, который кстати сказать такъ схожъ съ бюджетнымъ вопросомъ, тактика кадетской фракціи окончательно свелась на нѣтъ. Они не только не обсудили, даже не поставили вопроса объ отношеніи правительства къ арміи и о той роли, которую оно навязываетъ послѣдней. Вѣдь не довольно же въ самомъ дѣлѣ сказать, что новобранцевъ нужно отдать правительству, такъ какъ государству нужна армія, а нужна она для внѣшней обороны. Это есть обычная формула всѣхъ буржуазныхъ классовъ въ Европѣ, и когда буржуазія на Западѣ такъ ставитъ вопросъ, то это понятно. Армія нужна была государству всегда; но самодержавіе такъ поставило ее, выдвинуло такія колоссальныя без-

дарности, что она не смогла, конечно не по своей винѣ, овладѣть задачей внѣшней обороны на Дальнемъ Востокѣ. Какъ же кадетская фракція не напомнила правительству при встрѣчѣ лицомъ къ лицу всѣ тѣ безобразія, казнокрадства и предательства, которыя были допущены имъ въ минувшую войну? А употребленіе арміи въ цѣляхъ гражданской войны! Вѣдь у кадетовъ хватило бы на это и матеріаловъ и ораторскихъ талантовъ.

Но вмѣсто этого фракція выдвинула первымъ ораторомъ бывшаго бюрократа Кутлера, сразу же отдавшаго правительству требуемый контингентъ и тотчасъ же начавшаго сыпать по адресу соціалдемократовъ всевозможные эпитеты вродѣ Понтійскихъ Пилатовъ и др. Замѣтьте, это было сдѣлано въ то время, когда еще ни одинъ изъ нашихъ, да и вообще лѣвыхъ, ораторовъ не говорилъ. Другимъ ораторомъ у нихъ выступилъ г. Маклаковъ, который, очевидно не соглашаясь съ своимъ „товарищемъ" Кутлеромъ, что мы умываемъ руки, нашелъ, что мы принципіально такъ должны поступить, но что лучше будетъ, если мы воздержимся отъ голосованій. И этотъ совѣтъ, воздержаться отъ голосованія въ такомъ кардинальномъ вопросѣ, какъ вопросъ о новобранцахъ, преподалъ намъ офиціальный представитель партіи, которая насъ клеймитъ названіемъ „безотвѣтственнаго меньшинства". Что такое воздержаніе, какъ не безотвѣтственность да еще самаго низменнаго свойства?

А по поводу моей рѣчи, въ которой я критиковалъ отношенія правительства къ арміи, указывалъ на подневольное положеніе послѣдней, на употребленіе правительствомъ арміи въ цѣляхъ борьбы противъ народа и т. д., тѣ же кадеты подняли невѣроятный шумъ и проявили удивительно „хорошее" и „пристойное" поведеніе [1]). Я не буду распространяться о моей рѣчи и

[1]) Авторы въ пылу увлеченія всѣ кардинальные вопросы приписали къ „среднимъ"; сюда относится и отмѣна смертной казни, и о голодѣ и безработныхъ, и объ исключительныхъ положеніяхъ. Съ тѣмъ же успѣхомъ можно сюда причислить и аграрный, и бюджетный, и новобранцевъ, и эти вопросы, если судить строго, съ точки зрѣнія желаній народа „представляются безнадежной задачей". Пусть же хорошо запомнятъ и крестьяне и тов. рабочіе, что вопросы о ихъ голодѣ есть не „чисто дѣловые", а „средніе" между ними и „демонстративными".

вызванномъ ею „инцидентѣ“, такъ какъ читатель найдетъ въ приложеніяхъ мое письмо по этому поводу въ редакцію „Товарища“ отъ 3 мая.

Вопросъ объ амнистіи, который кстати сказать авторами отчета считается среднимъ между вопросами „демонстративнаго и чисто дѣлового (?!) характера“ [1]) былъ какъ извѣстно отброшенъ по инпціативѣ кадетской фракціи. Главный мотивъ тотъ, что задача эта „безнадежная“ и что кадетская фракція считаетъ амнистію прерогативой монарха. Второе положеніе неважно, такъ какъ Дума въ крайнемъ случаѣ нашла бы какую-нибудь законную форму. Гораздо интереснѣе первый мотивъ. Кадеты, очевидно, имѣли въ виду опытъ прошлой Думы. Опытъ этотъ оказался неудачнымъ. Были ли у 2-й Думы шансы провести этотъ вопросъ успѣшнѣе? Судя по всѣмъ объективнымъ даннымъ этихъ шансовъ у 2-ой Думы было меньше, чѣмъ у первой. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что ненужно было поднимать этотъ вопросъ, который по признанію самой кадетской фракціи въ отчетѣ имѣетъ „огромное значеніе въ общественномъ мнѣніи“. Разъ „общественное мнѣніе“ крайне заинтересовано въ этомъ вопросѣ, значитъ оно *питаетъ надежду, что народная Дума разрѣшитъ этотъ вопросъ, вопреки желаніямъ правительства.*

Что же сдѣлала кадетская фракція для удовлетворенія этихъ надеждъ? Ровнымъ счетомъ ничего! „Общественное мнѣніе“ осталось при своемъ мнѣніи. Что оно должно было испытывать, когда его Дума отклонила этотъ вопросъ! Объ этомъ кадеты не позаботились. Амнистія—*безнадежная задача*. Амнистія,—прерогатива монарха, слышите ли граждане? Борцы за свободу и счастье народа тысячами продолжаютъ томиться въ тюрьмахъ и ссылкахъ. Какой же выходъ изъ этого положенія! Что на это отвѣчаетъ „отвѣтственное большинство“ (?!) Думы: безнадежная задача! Полно, такъ ли? Развѣ „практическое“ разрѣшеніе вопроса заключалось въ томъ только, чтобъ тотчасъ же провести этотъ вопросъ? Пусть правительство отказало бы еще и еще разъ, тогда народныя массы воочію бы увидѣли, что

---

[1]) Г. Струве такъ увлекся „патріотизмомъ“, что даже стучалъ кулаками по пюпитру и кричалъ мнѣ „вонъ“.

правительство не идетъ навстрѣчу ему. Не надо забывать, что массы, питавшія такія надежды на Думу, не могли убѣдиться однѣми словами, что правительство не захочетъ амнистіи. Для ихъ убѣжденія необходимъ всякій разъ конкретный, искренній отвѣтъ. Но намъ скажутъ, что это было бы ненужной демонстраціей нашего политическаго безсилія. Пусть такъ. Это даже хорошо. Народныя массы должны знать, что завоеванная ими Дума безправна, что поэтому необходимо имѣть полноправное народное представительство. Народные представители не имѣютъ права играть въ прятки. Надежды „общественнаго мнѣнія“, конечно, все равно были бы разбиты, но сознаніе массы стало бы глубже и шире. А это послѣднее было бы на руку демократіи и во вредъ самодержавной бюрократіи. Поэтому она такъ и насторожилась въ этотъ день! Она знала, что единодушный крикъ Думы „амнистія“ былъ бы для нея сильнымъ ударомъ.

Деп. Маклаковъ въ своей рѣчи привелъ еще одно соображеніе. Онъ заявилъ, что обсужденіе этого вопроса не только не освободитъ заключенныхъ, но еще болѣе отдалитъ моментъ амнистіи. Что онъ разумѣлъ подъ этимъ, то ли, что амнистія возможна будетъ тогда, когда будутъ сломлены „закулисныя вліянія“? если да, такъ мы не раздѣляемъ этого взгляда. Въ настоящее время не только соціалистамъ, но и многимъ истиннымъ демократамъ ясно, что народныя массы своей борьбой освободятъ и своихъ братьевъ изъ заключенія. Амнистія лежитъ въ плоскости народнаго движенія. И все то, что способствуетъ народному движенію, подвигаетъ впередъ и вопросъ объ амнистіи. А обсужденіе этого вопроса въ Думѣ по существу было бы шагомъ впередъ въ сторону народнаго движенія, которое, кстати сказать, и уничтожитъ всякія „закулисныя вліянія“, такъ озабочивающія г.г. кадетовъ.

Всѣ эти разсужденія относятся и къ вопросу объ осужденіи террора. Мотивы авторовъ отчета, что это провокація правыхъ, что Дума не могла бы дать одного отвѣта; что это вопросъ морально-этическій,—не представляютъ никакой цѣны, такъ какъ эти мотивы формальнаго свойства, а вѣдь извѣстно, что населенію нельзя давать отвѣты не по существу, формальныхъ

отвѣтовъ оно не понимаетъ. Кромѣ того я лично думаю, что такое уклоненіе отъ прямого отвѣта утвердило почву подъ ногами враговъ народнаго представительства и дало имъ въ руки весьма много шансовъ.

Правые и правительство все время старались доказать революціонность Думы. И г.г. кадеты, дѣлая уступку за уступкой, опоражнивая свои оппозиціонные мѣшки силились, судя по отчету, доказать свою полную лойяльность. Странное дѣло. Если Дума революціонна, то она и останется таковой, будутъ ли „обвинять" ее въ этомъ или нѣтъ. Въ „революціонности" Думы она сама менѣе всего виновата; виновато въ этомъ населеніе, если о виновности вообще можно говорить серьезно. Если же Дума не революціонна, то сколько бы ни говорили, революціонной она не сдѣлается. Да и что выиграла бы Дума, если бъ нереволюціонность ея была признана? Крыловскій ягненокъ тоже обвинялся въ „революціонности" волкомъ, и сколько бѣдняга ни доказывалъ своей лойяльности, волкъ все же его съѣлъ. Такъ и правительство; разъ сила за нимъ, то Дума, революціонная или лойяльная, все равно будетъ съѣдена, какъ только не захочетъ служить интересамъ правящей бюрократіи. Только волкъ поступилъ въ концѣ концовъ болѣе искренно. Но на то онъ волкъ, а самодержавное правительство—самодержавное правительство. Разница между ними есть.

Точка зрѣнія, что репрессіи и стремленіе повернуть колесо исторіи вспять сверху,—вызываетъ месть въ видѣ террора снизу, проведенная въ рѣчахъ думскихъ ораторовъ съ яркими иллюстраціями была бы лучшимъ отвѣтомъ правительству. Да, мы убійства не одобряемъ, ихъ одобряютъ только или такіе отщепенцы, какъ Гамзѣи Гамзѣичи, Тороповы и Илліодоры, или же какіе-нибудь „хирурги", но вотъ гдѣ объективныя причины террора?—Онѣ кроются въ нашей уродливой дѣйствительности. Всякое дѣйствіе вызываетъ себѣ равное противодѣйствіе—таковъ законъ механики. Всякое убійство и истязанія сверху,—рождаетъ то же самое снизу.

Такой отвѣтъ былъ бы самымъ сквернымъ и невыгоднымъ для нихъ. Не потому, что терроръ усилился бы или ослабѣлъ. Мы знаемъ, что терроръ развивается вовсе не отъ словъ, рѣчей, или „восхваленій преступленій", а отъ другихъ причинъ. Но потому, что вся

страна услышала бы искреннее правдивое слово. А сколько темныхъ, невѣжественныхъ членовъ союза русского народа призадумались бы надъ этимъ вопросомъ. Развѣ это не плюсъ въ дѣлѣ развитія сознанія массъ.

Что же, однако, получилось послѣ уклоненія отъ прямого отвѣта? Съ одной стороны большое темное пятно съ вопросительнымъ знакомъ, а съ другой безконечныя инсинуаціи и обвиненія въ боязни дать прямой отвѣтъ. И то и другое, понятно, не могло послужить интересамъ народнаго представительства.

Вотъ почему при голосованіяхъ мы с.-д.-ы и лѣвые всегда подавали голосъ за обсужденіе этого вопроса по существу. Страна истекаетъ кровью и многихъ, очень многихъ терзаетъ вопросъ, почему льется кровь, кто виновникъ этого. Мысль бьется въ потугахъ найти объясненіе, и мы считали своей священной обязанностью дать прямой, неуклонный, правдивый отвѣтъ. Съ другой же стороны мы хотѣли вырвать оружіе изъ рукъ враговъ народа и направить противъ нихъ...

Вотъ какія соображенія руководили нами! А гг. кадеты, какъ утверждаетъ отчетъ, боялись скандала! Хороши политики, нечего сказать!...

Конституціонный романтизмъ привелъ кадетовъ къ тому весьма жалкому выводу, что всѣ неудачи Думы были вызваны провокаціей правыхъ, „антиконституціоннымъ“ выступленіямъ лѣвыхъ и „закулисными вліяніями“.

Мы не отрицаемъ вовсе творческихъ способностей кадетовъ, если угодно даже цѣнимъ ихъ, но однѣ эти способности еще не дѣлаютъ политиковъ.

На улицѣ буржуазной демократіи теперь праздникъ. Она должна творить жизнь и новыя государственныя начала. Наше дѣло—соціалдемократовъ, способствовать имъ и стремиться, чтобъ организованный русскій пролетаріатъ въ отличіе отъ европейскаго взялъ бы у буржуазіи maximum того, что онъ можетъ взять въ рамкахъ буржуазнаго общества. Поэтому мы и способствовали кадетамъ во всякій моментъ, когда они были дѣйствительной оппозиціей, дѣйствительно боролись со старой властью. Если такихъ моментовъ во второй Думѣ было мало, то вина за это падаетъ не на насъ и лѣвыхъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ мы противодѣйство-

вали стремленіямъ кадетовъ сойти съ демократической почвы и конституціонно ли это было или не конституціонно,—мы это считаемъ своей заслугой передъ страной. Пусть она судитъ насъ.

Авторамъ отчета слѣдовало не только мимоходомъ коснуться вопроса о томъ, какъ составлялось каждый разъ большинство, а указать и причины, которыя приводили къ той или иной группировкѣ.

Я же повторяю, что чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше кадеты отходили вправо, и въ послѣднее время они по всѣмъ почти вопросамъ голосовали съ правыми. Происходило это потому, что они все больше удалялись отъ истиннаго демократизма. Если все это и возвышало кадетовъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, то весьма печально отражалось на истинныхъ друзьяхъ демократіи.

Мы знаемъ и глубоко вѣримъ, что эта партія, какъ цѣлый организмъ, что бы намъ ни говорили, недолго просуществуетъ. Признаки разложенія въ ней уже замѣтны. Недемократическій элементъ вродѣ Милюковыхъ и Струве, сохранившихъ еще столько „политическаго смысла“ [1]), чтобъ бросаться въ объятія октябристовъ, будетъ отброшенъ вправо, а дѣйствительно демократическія части усвоятъ ту истину, что безъ лѣвыхъ партій имъ не обойтись никогда; что волна народнаго движенія ихъ вынесла на поверхность и что только въ нѣдрахъ этого движенія они могутъ черпать силы для борьбы со старымъ режимомъ и творчества. И чѣмъ этотъ моментъ скорѣе наступитъ, тѣмъ лучше.

VI.

Правительственныя репрессіи и сенатскія „разъясненія“ какъ извѣстно привели къ нежелательнымъ для правительства результатамъ. Вторая Дума оказалась болѣе лѣвой, чѣмъ первая, а число соціалдемократическихъ депутатовъ возрасло въ 5 разъ. Вмѣсто 13-ти ихъ уже оказалось 66. Большинство изъ этихъ депу-

[1]) Изъ бесѣды Струве съ сотрудникомъ „Б. В.“. Въ ней онъ развиваетъ мысль о необходимости предвыборныхъ соглашеній съ октябристами.

татовъ, около 55 чел., прошли подъ партійнымъ флагомъ безъ соглашеній съ какой-либо изъ прогрессивныхъ партій. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ партія не разсчитывала провести своего кандидата, она вступала въ предвыборное соглашеніе и въ результатѣ въ числѣ депутатовъ оказалось еще нѣсколько членовъ партіи.

Изъ числа 66-ти депутатовъ интеллигентовъ было 31, т. е. 47 проц., рабочихъ 25—38 проц. и крестьянъ—10—15 проц. Отъ городовъ было 13 депутатовъ, т. е. 20 проц., а отъ губерній 53—80 проц.

Изъ всѣхъ 66 депутатовъ правомъ рѣшающаго голоса пользовались 55 депутатовъ, а остальные 11 имѣли только совѣщательные голоса. Цифра 55 составлена изъ партійныхъ кандидатовъ, прошедшихъ подъ партійнымъ флагомъ и тѣхъ, которые, считаясь членами партіи, прошли отъ какого-нибудь блока. Цифра 11 состояла изъ примыкающихъ и сочувствующихъ, но не состоящихъ членами партіи, и изъ литовцевъ, которые принадлежатъ къ литовской, а не россійской соціалдемократической партіи.

Такое подраздѣленіе было сдѣлано по весьма понятнымъ соображеніямъ: во-1-хъ лицамъ, не находящимся въ партійныхъ организаціяхъ, и слѣдовательно не связаннымъ съ ней дисциплиной, нельзя было давать рѣшающаго голоса, такъ какъ думская фракція была и будетъ одной изъ партійныхъ организацій, и во 2-хъ связывать рѣшеніями фракціи людей не принадлежащихъ къ партіи, было бы явнымъ давленіемъ на ихъ совѣсть. Литовцевъ нельзя было принять въ партійную организацію Р. С.-Д. Р. П. безъ соглашенія на это той партіи, членами которой они состоятъ. Однако, всѣмъ 11 депутатамъ было предоставлено право получить рѣшающій голосъ по первому ихъ заявленію, что они вполнѣ раздѣляютъ программу и тактику партіи и желаютъ подчиняться ея дисциплинѣ. 11 совѣщательныхъ членовъ имѣли право и въ думскихъ голосованіяхъ не голосовать съ большинствомъ фракціи, если почему-либо то или иное голосованіе шло въ разрѣзъ съ ихъ мнѣніями и совѣстью, хотя на практикѣ не оказалось ни одного случая разномыслія.

Пофракціонно число большевиковъ и примыкаю-

щихъ къ нимъ было около 11 человѣкъ, а остальные были меньшевиками. Такимъ образомъ уже съ первыхъ дней работа фракціи должна была вылиться въ формы меньшевистской тактики.

Фракція рѣшила стоять твердо на основѣ тактическихъ резолюцій, выработанныхъ стокгольмскимъ объединительнымъ съѣздомъ, что она и выполняла подъ руководствомъ центральнаго комитета партіи. Я не буду здѣсь касаться подробно тѣхъ работъ, которыя производились фракціей. Цѣлый рядъ писемъ комитета фракціи и брошюра „дѣятельность с.-дем. фр. 2-ой госуд. Думы", изданіе комитета фракціи, въ свое время оповѣстили всѣхъ товарищей о ходѣ работъ во фракціи и въ Думѣ.

Правильна ли была тактика соціалдем. фракціи или нѣтъ,—объ этомъ должны разумѣется судить сами товарищи, безпощадная критика которыхъ и будетъ лучшей оцѣнкой этой тактики. А пока можно сказать смѣло, что чѣмъ дальше развертывалась дѣятельность фракціи, тѣмъ она, судя по поступающимъ письмамъ и наказамъ, больше и больше стягивала вокругъ себя народныя массы. Если взять только перечисленіе „документовъ", отобранныхъ судебнымъ слѣдователемъ при обыскѣ и выдержки изъ нихъ въ постановленіи Зайцева, то и тогда результаты работъ фракціи кажутся за трехмѣсячный періодъ достаточно обширными. Но вѣдь это только самая ничтожная часть того, что поступало вообще.

Смѣлая, рѣшительная, открытая критика политики правительства, неустанная борьба съ нимъ, участіе въ законодательной работѣ, поддержка оппозиціи, когда она боролась со старымъ режимомъ, и безжалостное разоблаченіе половинчатости ея и стремленія спѣться съ властью,—все это вліяло благотворно на массы, стягивало ихъ вокругъ Думы. Но правительство не могло равнодушно взирать на дальнѣйшіе успѣхи фракціи, на ростъ того вліянія, какое она пріобрѣтала въ массахъ, и вотъ злополучный день 5 мая рѣшаетъ судьбу фракціи. Обыскъ во фракціи, арестъ лицъ, находящихся въ помѣщеніи для корреспондентовъ, разгромъ и арестъ секретаріата, положили начало подрыву вліянія фракціи и отчужденію массъ. Никто ужъ больше не заглядывалъ во фракцію и всѣ друзья ея

печально глядѣли, какъ опустѣлъ длинный рядъ комнатъ, какъ тамъ, гдѣ прежде кипѣла жизнь, царила уже мертвая тишина. Провинція также послѣ этого смолкла, опасаясь, чтобъ всѣ „документы" не попали въ руки властей.

Была ли провокація въ день 5 мая? Несомнѣнно да. Вся исторія наказа была сфабрикована въ полицейскомъ департаментѣ и сфабрикована такъ скверно, что оттуда торчали очень замѣтно уши. Въ самомъ дѣлѣ, полиція, какъ выразился министръ юстиціи, опоздала только на ½ часа и не успѣла накрыть тамъ депутатовъ-солдатъ. Но полиціи незачѣмъ было ихъ тамъ накрывать, такъ какъ они были ей хорошо извѣстны. Обыскъ былъ ночью съ 5-го мая на 6-ое. А утромъ 6 мая, если вѣрить постановленію суд. слѣдователя Зайцева, охранное отдѣленіе вручило прокурору судебной палаты копію съ присланнаго наказа и списокъ депутатовъ-солдатъ. Но полиціи нужно было ихъ тамъ застать, ибо это, очевидно, входило въ ея планы. Министръ юстиціи въ своемъ рвеніи проговорился съ думской трибуны, что предполагалось совмѣстное засѣданіе фракціи съ военной организаціей, но что полиція опоздала на полчаса. Все это одна сплошная ложь; фракція даже не знала, что придетъ депутація отъ солдатъ, а въ этотъ день предполагалось обычное засѣданіе фракціи (по субботамъ и средамъ). Такъ, очевидно, передали г. министру юстиціи тѣ, которые фабриковали обвиненіе по 1 ч. 102 ст. Но эта „фабрикація" не удалась и судебн. слѣд. Зайцевъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о томъ предполагаемомъ засѣданіи, о которомъ юрисконсультъ самодержавія со свойственной ему развязностью говорилъ съ думской трибуны за 3 недѣли до разгона Думы...

Поэтому и пришлось г. судебному слѣдователю сшить бѣлыми нитками на скорую руку свое постановленіе. Содержаніе его извѣстно изъ газетъ и критиковать его здѣсь я не буду.

Весь заговоръ заключается въ томъ, что мы, соціалдемократы, республиканцы и стремимся къ насильственному ниспроверженію существующаго строя. Все это, какъ видите, взято изъ нашей программы, составленной и утвержденной еще въ 1903 г. на 2-мъ съѣздѣ партіи. Послѣ этого съѣзда и стокгольмскаго были

два раза выборы въ Госуд. Думу и оба раза социалдемократы выбирались и проходили въ Думу на основѣ своей партійной программы и составляли въ Думѣ фракцію. Все это было хорошо извѣстно и администраціи и судебнымъ властямъ, но они не считали возможнымъ привлекать къ отвѣтственности. Вѣдь каждаго изъ насъ можно было привлечь къ суду тотчасъ же послѣ нашихъ выборовъ, и слѣдовательно нечего было ждать и выдумывать „совмѣстныя засѣданія". Но правительству нуженъ былъ ф а к т ъ составленія заговора... и оно пустилось на довольно-таки неудачную провокацію. Въ результатѣ мы привлекаемся потому, что являемся социалдемократами.

Затѣмъ стоитъ обратить вниманіе на изумительное невѣжество судебныхъ властей.

Фракція обвинялась въ томъ, что она представляетъ собою одну изъ партійныхъ организацій, стремящихся къ достиженію цѣлей, изложенныхъ въ программѣ партіи, т. е. къ насильственному государственному перевороту, лишенію Государя Императора верховной власти и у ч р е ж д е н і ю д е м о к р а т и ч е с к о й р е с п у б л и к и с ъ с о ц і а л и с т и ч е с к и м ъ в ъ н е й у к л а д о м ъ о б щ е с т в е н н ы х ъ о т н о ш е н і й.

Такую программу можно приписать всякому члену партіи и всякой другой партійной организаціи. Но, какъ извѣстно, отдѣльные члены партіи и цѣлыя партійныя организаціи до сихъ поръ привлекались по 126 ст., а не по 1 ч. 102, которая примѣнена къ намъ. Это, однако, не важно.

Во всякомъ правовомъ государствѣ нельзя никого преслѣдовать за политическія убѣжденія, а тѣмъ болѣе цѣлыя парламентскія группы. Въ Пруссіи, напримѣръ, гдѣ, какъ извѣстно, форма правленія конституціонно-монархическая, социалдемократы являются тоже республиканцами, но тамъ никому въ голову не приходитъ ихъ республиканизмъ считать „покушеніемъ на верховную власть императора". Такія обвиненія можетъ фабриковать только русское „конституціонное" правительство.

Кромѣ этого, мы оказываемся виновными еще въ томъ, что въ демократической республикѣ желаемъ установить социализмъ. Казалось бы, что г.г. „государственнымъ социалистамъ" и всякимъ тамъ „хирургамъ"

безразлично какой укладъ будетъ въ демократической республикѣ, такъ какъ ихъ страшитъ только демократическая республика, въ которой ими не будутъ заняты никакіе посты. Но откуда они взяли, что соціализмъ долженъ осуществиться въ рамкахъ демократической республики? Не лучше ли было бы г. Зайцеву почитать ту программу, о которой онъ такъ авторитетно говоритъ. Онъ бы тогда узналъ, что соціализмъ есть конечная цѣль, а демократическая республика ближайшая, что эти двѣ цѣли не совпадаютъ. Г. Столыпину необходимо было указать г. Зайцеву хотя одну какую-либо грошевую популярную брошюрку въ видѣ руководства, а то судебный слѣдователь, да еще по особо важнымъ дѣламъ, можетъ быть уличенъ любымъ гимназистомъ младшихъ классовъ въ полномъ невѣжествѣ въ томъ предметѣ, о которомъ онъ берется судить...

Знаменательно также, что постановленіе г. Зайцева помѣчено 31 мая, а 1 іюня оно было уже прочитано съ думской трибуны. 31 мая былъ праздникъ и типографіи, въ томъ числѣ и государственная, не работали. Спрашивается, когда оно было написано и когда его успѣли напечатать?

Такъ или иначе, а правительству нужно было, или разогнать Думу, или рѣшительнымъ шагомъ подчинить ее себѣ. И оно придумало себѣ поводъ.

День 1 іюня прошелъ, какъ извѣстно, въ преніяхъ о томъ, нужно ли выдѣлять изъ себя комиссію или нѣтъ. Наконецъ, къ 12 часамъ ночи вопросъ рѣшился въ положительномъ смыслѣ и комиссіи былъ данъ срокъ до 7 часовъ вечера субботы 2 іюня.

Передъ утреннимъ засѣданіемъ общее засѣданіе всѣхъ лѣвыхъ обсуждало вопросъ о порядкѣ дня. Рѣшено было потребовать, чтобы вмѣсто преній по мѣстному суду были поставлены всѣ законы, введенные по 87 ст. въ междудумскій періодъ. Всѣ лѣвыя фракціи ясно сознавали, что законъ не разрѣшаетъ безъ заблаговременнаго оповѣщенія членовъ правительства разсматривать эти законы, но необходимо было во что бы то ни стало послѣднія минуты жизни Думы использовать наиболѣе интенсивно въ интересахъ народа. Правительство можетъ быть и не считалось бы съ этими постановленіями, но и въ

этомъ случаѣ агитаціонная роль ихъ была внѣ всякаго сомнѣнія.

Однако этимъ рѣшеніямъ не суждено было сбыться. Польское коло наотрѣзъ отказалось примкнуть къ этому плану, а безъ него у лѣвыхъ не составлялось большинства.

Слѣдуетъ также замѣтить, что въ кулуарахъ былъ пущенъ слухъ, будто бы есть еще надежда спасти Думу. Никто изъ насъ разумѣется этому не вѣрилъ, потому что каждому изъ насъ были ясны причины такого натиска правительства, а также было извѣстно, что разъ интересамъ правительства грозитъ серьезная опасность, то поводъ къ роспуску оно всегда найдетъ. Если правительство дало промахъ, распустивъ первую Думу внезапно, то теперь нужно было устроить маскарадъ съ переодѣваніями. Говорилось даже отъ имени кадетъ, что если выиграть 2 дня, то Думу безусловно можно будетъ спасти. Изъ устъ въ уста передавались слова будто бы сказанныя Столыпинымъ кадетамъ: „Дайте хоть 5 депутатовъ правительству и вы спасете и Думу и мой кабинетъ". Большинство почему-то даже думало, что Столыпинъ не останется у власти.

Все это, разумѣется, были одни слухи; однако всѣ, кромѣ лѣвыхъ, почему то не то вѣрили, не то хотѣли этому вѣрить. Но фактомъ является неслыханная въ лѣтописяхъ двухъ Думъ поѣздка четырехъ кадетовъ къ Столыпину на „развѣдки". Имъ очень хотѣлось выяснить положеніе дѣлъ. Бесѣда почему-то хранится въ тайнѣ, тоже надо полагать для выясненія положенія дѣлъ. Г. Струве при бесѣдѣ съ Столыпинымъ, говорятъ, все время чувствовалъ себя въ положеніи осаждающаго старую власть. Такая поѣздка видныхъ членовъ кадетской фракціи неслыханно позорила представительное учрежденіе. Кадетская фракція объявила, что она не причастна къ этой поѣздкѣ, а г. Струве не отвѣтилъ еще на письмо Пантелѣева, и эта скандальная и позорная поѣздка остается пока темной.

Но здѣсь есть и другая сторона, даже болѣе интересная. Кто распустилъ эти слухи намъ конечно неизвѣстно, но что они были на руку правительству, это фактъ неоспоримый. Правительство, рѣшившись итти на проломъ, все же безпокоилась, какъ бы Госуд. Дума не рѣшилась внезапно уступить только силѣ и не ослож-

нила бы такимъ образомъ всѣ условія предстоящаго роспуска.

Засѣданіе 1-го іюня, длившееся до 12 час. ночи вселяло въ правительство нѣкоторое безпокойство. Тѣмъ болѣе, что боевое настроеніе не покидало все время депутатовъ и охватило даже кадетскія скамьи. Говорилось даже о томъ, чтобъ устроить непрерывное засѣданіе. Конечно правительство могло бы быстро штыками разогнать Думу, но одно дѣло, когда въ воскресенье утромъ еще до ранней обѣдни вѣшаютъ замокъ на двери парламента, а другое, когда силою удаляютъ оттуда народныхъ представителей. Революціонизирующее значеніе такого поступка было и для правительства внѣ сомнѣнія. Прибавьте, что все это происходило въ субботу 2 іюня и если бы состоялось непрерывное засѣданіе, то утромъ не пришлось бы вѣшать замочка, а ввести полицію и войска. Такой роспускъ былъ бы революціоннымъ актомъ.

Слухи оказали свое дѣйствіе и кадеты въ субботу къ вечеру уже потеряли свое боевое настроеніе и многіе стали надѣяться на возможность благополучнаго исхода. Вотъ чѣмъ главнымъ образомъ объясняется „корректность" и „законодательный зудъ", охватившій въ послѣднія минуты гг. кадетовъ. Не сознаніе того, что нужно оставаться до конца на почвѣ „закона", а настроеніе вызванное смутными надеждами лишало насъ той почвы, на которую мы хотѣли стать.

Въ ночь со 2-го на 3-е іюня полиція арестовала всѣхъ тѣхъ депутатовъ соціалдемократической фракціи, которые имѣли неосторожность ночевать у себя дома. А утромъ 3 іюня вся Россія узнала о смерти 2-ой Госуд. Думы и государственномъ переворотѣ.

Такъ кончила свое существованіе 2-ая Дума.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ цѣлый рядъ прямыхъ и косвенныхъ нападеній, которыя совершались правительствомъ. Въ стремленіи подчинить себѣ народную волю правительство не жалѣло ни силъ, ни средствъ. Дума оказалась безсильной бороться противъ правительства и пала въ борьбѣ.

Кто виноватъ въ этомъ? Напрасно мы будемъ искать отвѣта на этотъ вопросъ! Въ историческихъ явленіяхъ никто не виноватъ, кромѣ общественныхъ отношеній. Существуй эта Дума въ моментъ обществен-

наго подъема, она бы сумѣла отстоять народное право отъ посягательства темныхъ силъ. Но такого подъема не было. На него собственно говоря никто изъ насъ не разсчитывалъ, и наша дѣятельность имѣла одну только цѣль: ускорить развитіе сознанія въ народныхъ массахъ.

Если въ этомъ отношеніи достигнуто хоть что-нибудь, то мы можемъ считать свою дѣятельность плодотворной.

Пусть говорятъ наши противники, что хотятъ. Намъ важны не „обвиненія" „реальныхъ политиковъ", а народная совѣсть. Она правильно оцѣнитъ нашу тактику.

Общественнаго подъема нѣтъ, потому что въ народномъ сознаніи идея демократическихъ свободъ еще не глубоко вкоренилось. Жизнь сдѣлаетъ свое дѣло, а намъ нужно только ускорить этотъ процессъ...

„Наступитъ день и погибнетъ великая Троя"... Участь самодержавія уже рѣшена самымъ ходомъ историческаго процесса!

Поэтому передъ выборами въ 3-ю совсѣмъ уже несовершенную Госуд. Думу, мы говоримъ товарищамъ: „Товарищи! Пусть избирательный законъ лишаетъ трудящіяся массы даже тѣхъ крохотныхъ правъ, которыя мы имѣли по закону 14 декабря 1905 года. Пусть новый избирательный законъ разсчитываетъ на то, чтобъ созвать помѣщичью Думу. Пусть правы тѣ, кто говоритъ, что правительство достигнетъ этой своей цѣли. Пусть такъ. Но существованіе даже такой Думы даетъ намъ возможность хотя бы сравнить 2 первыя Думы съ третьей и въ этомъ сравненіи поучиться тому, какая Дума является для насъ лучшей. Отсюда мы будемъ черпать для себя конкретные примѣры для того, чтобъ понять, какая избирательная система наилучшая. Тогда быть можетъ мы съ большимъ рвеніемъ станемъ защищать новую систему противъ старой, чѣмъ защищали голый отвлеченный принципъ представительнаго правленія противъ конкретнаго самодержавія. Безповоротное осужденіе стараго режима не будемъ считать вполнѣ достаточнымъ. Выработаемъ тѣ формы, въ какія должна вылиться наша новая жизнь. А выработать ихъ можно только на конкретныхъ примѣрахъ. Разовьемъ всю ту творческую силу, какая дремлетъ еще непочатой въ пролетаріатѣ. И вотъ тогда мы съумѣемъ гордо заявить, что до конца

выполнили тяжелую задачу, возложенную на насъ исторіей. Тогда мы съумѣемъ взять отъ жизни все то, что намъ по праву принадлежитъ.

Жизнь—школа. И какіе бы горькіе подчасъ уроки она намъ ни давала, намъ не нужно отворачиваться отъ нея. Напротивъ, возьмемъ эти горькіе уроки и разовьемъ на нихъ свое сознаніе. Будемъ учиться у жизни. Поэтому въ Думу, товарищи!..

С.-Петербургъ, іюль 1907 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Рѣчь деп. Церетели въ отвѣтъ на декларацію Совѣта Министровъ 6 марта 1907 г. и формула перехода къ очереднымъ дѣламъ предложенная с.-д. фракціей.

1. Церетели (Кутаисская губ.). Граждане народные представители! Быть можетъ многихъ удивитъ то гробовое молчаніе, которымъ было встрѣчено сегодня первое появленіе правительства разгона Думы, правительства военно-полевыхъ судовъ, громаднымъ большинствомъ этого собранія. Но именно въ этомъ молчаніи сказалась вся сила нашего протеста, вся глубина нашего негодованія, ибо нѣтъ такихъ криковъ, нѣтъ такихъ бурныхъ демонстрацій, которя могли бы выразить чувства народныя по отношенію къ правительству, сковавшему всю страну цѣпями военнаго положенія, заточившему лучшихъ ея сыновъ, къ правительству, разорившему въ конецъ населеніе и растратившему народные гроши, предназначенные на помощь голодающимъ. Въ лицѣ правительства, представшаго передъ нами сегодня, заговорила старая крѣпостническая Россія. Правительство говорило сегодня главнымъ образомъ о томъ, что оно намѣрено дѣлать. Мы хотимъ остановиться на томъ, что оно уже сдѣлало. Самый характеръ разгона первой Думы, послѣдовавшая затѣмъ междудумская работа правительства и, наконецъ, послѣднее оффиціозное заявленіе правительства ясно показали всѣмъ дѣйствительную природу правительства. Эго заявленіе и эти всѣ дѣйствія даже слѣпымъ открыли глаза для пониманія неразрывной связи самодержавнаго правительства съ кучкой помѣщиковъ-крѣпостниковъ, живущихъ на счетъ милліоновъ обездоленнаго крестьянства.

(Крики справа: Долой, ложь; слѣва аплодисменты).

Предсѣдатель. Считаю долгомъ заявить вамъ господа, что останавливать оратора имѣетъ право одинъ предсѣдатель Думы. (Крики справа и аплодисменты слѣва).

Считаю долгомъ заявить, что въ словахъ оратора не нахожу ничего, за что слѣдовало бы его остановить. Прошу соблюдать порядокъ и не говорить не въ очередь.

Церетели (Кутаисская губ.). Тутъ говорятъ, господа народные представители, о лжи. Вы помните за что правительство разогнало первую Думу. Оно разогнало ее изъ-за земельнаго вопроса. Доста-

точно было при первой Думѣ поставить вопросъ о принудительномъ отчужденіи земли и правительство пошло на проломъ, пошло на защиту помѣщичьихъ интерсссовъ. Въ этомъ вопросѣ правительство колебаній не знало. И вслѣдъ затѣмъ въ междудумскій періодъ, въ періодъ своего безконтрольнаго хозяйничанія, оно первымъ дѣломъ ограждало непосредственные интересы крѣпостниковъ-помѣщиковъ. Въ отвѣтъ на требованіе отчужденія земли для крестьянъ, требованіе, выставляемое всей новой Россіей, задыхающейся въ оковахъ феодальнаго землевладѣнія, правительство рядомъ указовъ организовало продажу земель черезъ крестьянскій банкъ, продажу вздувающую цѣну помѣщичьихъ и казенныхъ земель, продажу, закабаляющую и безъ того обнищавшихъ крестьянъ банку и переливающую послѣдніе гроши трудового народа въ карманы тѣхъ помѣщиковъ, которые соглашаются продать свои земли по удвоенной цѣнѣ. И вотъ теперь когда подъ угрозой полнаго финансоваго краха, правительство оказалось вынужденнымъ созвать эту новую Думу, на страницахъ оффиціозной печати появились уже тревожныя рѣчи: „Государственная Дума, говорится въ оффиціозномъ органѣ, своимъ отношеніемъ къ земельному вопросу ясно покажетъ, можетъ ли она и желаетъ ли она работать на благо страны“. Вы знаете, господа народные представители, какое значеніе имѣютъ эти слова въ устахъ представителей власти, они означаютъ: „если Дума не приметъ нашихъ земельныхъ законовъ, то мы опять пойдемъ на проломъ“. И если сегодня правительство сочло нужнымъ ослабить впечатлѣніе этого ультиматума, заявивъ о томъ, что оно представитъ свои земельные законы на усмотрѣніе Думы, то это доказываетъ лишь, господа народные представители, что та угроза прорвалась нѣсколько преждевременно.

Аграрная политика это центральный, самый важный вопросъ для правительства крѣпостниковъ-помѣщиковъ. Но и вся остальная междудумская работа правительства является послѣдней отчаянной попыткой крѣпостнической бюрократіи остановить историческое развитіе, которое безповоротно осудило порядокъ, основанный на угнетеніи и порабощеніи всей Россіи. Кидая крохи реформъ, которыя давно уже превзойдены жизнью и никого не въ состояніи удовлетворить, правительство мѣрами неслыханныхъ репрессій пытается подавить всякое проявленіе жизни въ странѣ. Оно вмѣшивается въ борьбу труда съ капиталомъ; сурово карая рабочихъ, отстаивающихъ свои экономическіе интересы, оно поощряетъ, оно само организуетъ локауты, выбрасывающіе на улицу сотни тысячъ рабочихъ, оно запрещаетъ организацію общественной помощи для безработныхъ рабочихъ и голодающихъ крестьянъ, оно жестоко преслѣдуетъ печать, политическіе союзы, собранія. Нѣтъ дня безъ казни, безъ погромовъ, безъ экзекуцій. Въ

цѣляхъ терроризовать недовольное населеніе правительство объявляетъ двѣ трети Россіи на военномъ положеніи, превращаетъ ее въ рядъ независимыхъ другъ отъ друга сатрапій, отданныхъ во власть безконтрольно распоряжающихся генералъ-губернаторовъ. Подъ руководствомъ опытныхъ погромщиковъ, по сигналу заранѣе назначенныхъ провокаторовъ, оно организуетъ разстрѣлы цѣлыхъ кварталовъ, (Голоса справа: „Ложь"; слѣва аплодисменты) съ массой ни въ чемъ неповиннаго населенія.

Предсѣдатель. Прошу не нарушать порядокъ.

Церетели. (Кутаисская губ.). Здѣсь опять сказали о лжи и я опять называю факты: вспомните Сѣдлецъ, вспомните оффиціальное донесеніе жандармскаго ротмистра Пѣтухова, вспомните подвиги такъ называемаго союза русскаго народа подъ эгидою и защитою властей.

Голоса. (Справа). Ложь, ложь.

Предсѣдатель. Прошу не нарушать порядокъ.

Крушеванъ. (г. Кишиневъ). Если будетъ сводиться къ личнымъ оскорбленіямъ, мы сумѣемъ...

Предсѣдатель. Ни объ одной личности не упоминалось.

Церетели. (Кутаисская губ.). Вы говорите: „ложь". Такъ вспомните убійцъ Герценштейна, которые безнаказанно разгуливаютъ по странѣ, вопреки требованію финскихъ властей.

Голоса. (Справа). У васъ руки въ крови.

Церетели. Мы знаемъ у кого руки въ крови. (Шумъ справа; аплодисменты слѣва).

Предсѣдатель. Прошу порядокъ сохранять. Прошу оратора не прерывать.

Голоса. (Справа). Оратора надо остановить, а вы насъ останавливаете.

Предсѣдатель. Прошу порядокъ не нарушать и прошу оратора не перебивать.

Пуришкевичъ. (Бессарабская губ.). Невозможно сидѣть, невозможно слушать.

Голоса. Оратора нужно остановить. (Шумъ).

Предсѣдатель. Прошу порядокъ не нарушать. Прошу оратора не перебивать.

Церетели. (Кутаисская губ.). И вотъ теперь всѣмъ становится ясно, что защищать старую Россію, защищать помѣщичьи привилегіи возможно только съ помощью наемныхъ погромщиковъ, съ помощью голаго насилія. Такое правительство не въ состояніи конечно (Голосъ: неправда) совладать съ могучимъ напоромъ историческаго развитія. Здѣсь сегодня правительство говорило объ успокоеніи и порядкѣ, но своими мѣрами оно еще болѣе увеличило смуту, оно еще

болѣе усилило недовольство. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становится непримиримое противорѣчіе между старымъ режимомъ и всей новой растущей Россіей. Всѣ слои населенія,—торгово-промышленный и сельскій пролетаріатъ, широкіе слои мелкой и средней буржуазіи, многомилліонное крестьянство,—всѣ эти классы, нуждающіеся въ свободной организаціи своихъ силъ для защиты своихъ интересовъ, одушевляются страстнымъ стремленіемъ къ освобожденію страны отъ ненавистной крѣпостнической опеки. И чѣмъ ожесточеннѣе борется помѣщичье правительство за свое существованіе, чѣмъ суровѣе давитъ оно проявленіе всякой жизни, тѣмъ шире развивается народное недовольство, тѣмъ глубже растетъ революціонное движеніе. Это не мы, такъ называемые крамольники. являемся дѣлателями революціи, (Голосъ: ложь, вы...) не мы вызываемъ насильственныя столкновенія.

Предсѣдатель. Призываю къ порядку.

Церетели (Кутаисская губ.). Это правительство, пытающееся, въ цѣляхъ сохраненія крѣпостническаго уклада, насильственно подавить взрывъ, ожесточаетъ массы. Это оно, заграждая выходъ великимъ историческимъ силамъ, дѣлаетъ неизбѣжнымъ взрывъ. Народъ, избравшій эту Думу, уже произнесъ свой приговоръ. Ненависть къ правительству порвала тысячу преградъ, поставленныхъ на выборахъ передъ волею народа. Она ясна теперь дла всѣхъ, эта суверенная воля... но выполнить ее мы, граждане народные представители, не можемъ безъ помощи самого народа. И вотъ теперь, когда народъ, сумѣвшій выразить свою политическую волю, собираетъ силу для ея осуществленія, всѣ свои стремленія, всю свою работу мысли слуги народа должны направить къ тому, чтобы способствовать сплоченію народа. (Голоса справа: Довольно, довольно...) Ибо только при непосредственной поддержкѣ народа можно остановить дикій разгулъ насильниковъ, опустошающихъ страну. Вы помните, граждане народные представители, какъ десять мѣсяцевъ тому назадъ депутатъ Набоковъ съ высоты думской трибуны, опираясь на несомнѣнное право, обратился къ правительству со словами: „исполнительная власть да подчинится власти законодательной". Два мѣсяца спустя исполнительная власть, опираясь на штыкъ, разогнала власть законодательную. Пока организованной силѣ правительства не противопоставлена организованная сила народа, исполнительная власть не сдастся, не уйдетъ, не подчинится власти законодательной...

Пуришкевичъ (Бессарабская губ.). Г. Предсѣдатель, довольно, остановите оратора, тутъ призывъ... (Шумъ).

Голоса. Г. Предсѣдатель, послушайте...

Предсѣдатель. Г. ораторъ, прошу васъ не дѣлать призыва къ вооруженному возстанію.

Гр. Бобринскій. (Тульская губ.). Г. Предсѣдатель, позвольте мнѣ заявить, что этотъ призывъ дѣлался нѣсколько разъ и вами не былъ остановленъ.

Пуришкевичъ (Бессарабская губ.). Г. Предсѣдатель, мы не можемъ въ этихъ стѣнахъ слушать призыва...

Предсѣдатель. Я вамъ слова не даю. Оратора не перебивайте. Только предсѣдатель можетъ остановить оратора.

Голоса. Остановить... (Шумъ).

Церетели (Кутаисская губ.). Да будетъ позволено мнѣ въ поясненіе своихъ словъ сказать... (Голоса: Не желаемъ... не хотимъ...) Да будетъ мнѣ позволено сказать, что я не дѣлалъ здѣсь призыва къ вооруженному возстанію. Я, наоборотъ, доказывалъ, что къ вооруженному возстанію призываетъ правительство, съ которымъ мы боремся...

Голоса. Неправда...

Предсѣдатель. Гг. члены Думы, не желающіе слушать оратора, благоволятъ покинуть залъ засѣданія, но не прерывать оратора. (Аплодисменты).

Церетели (Кутаисская губ.). Граждане народные представители, я говорилъ это, чтобы показать, что у насъ нѣтъ дѣйствительной конституціи, у насъ есть только призракъ ея, и каждый нашъ шагъ долженъ быть направленъ къ тому, чтобы способствовать сплоченію народа созданію фактической силы для осуществленія конституціи. Насъ призываютъ къ законодательной работѣ, къ разсмотрѣнію правительственныхъ законопроектовъ. Мы знаемъ цѣну этихъ законопроектовъ. Мы знаемъ, что они урѣзываютъ даже тѣ права, которыя народъ уже вырвалъ изъ рукъ своихъ враговъ. Мы разберемъ эти законы при свѣтѣ кровавыхъ дѣяній правительства, чтобы показать міру ту бездну, которая существуетъ между народомъ, рвущимся къ свободѣ, и правительствомъ, стремящимся затопить эти порывы въ крови. Пусть обличающій голосъ представителей народа пронесется по всей странѣ и разбудитъ къ борьбѣ всѣхъ тѣхъ, которые еще не проснулись. И пусть вмѣстѣ съ тѣмъ Дума законодательнымъ путемъ организуетъ и сплачиваетъ пробужденныя массы. Пусть она, такимъ образомъ, творитъ фактическую силу, являющуюся единственной основой всякой дѣйствительной конституціи. Безъ этой силы народъ не сможетъ получить ни воли, ни земли, не сможетъ вырвать ихъ изъ рукъ правительства. Эта сила растетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Народъ, сознавшій свои права, рано ли, поздно ли, сплотится для ихъ осуществленія. Этого могучаго движенія не остановить самодержавному правительству. Быть можетъ,—я говорю: быть можетъ,—этой Думы не будетъ черезъ недѣлю, но могучее движеніе народа, сумѣвшее вывести

Россію изъ старыхъ береговъ, сумѣетъ, съ Думой или безъ Думы, проложить себѣ дорогу черезъ всѣ преграды къ вольному простору. И вотъ теперь, пока не насталъ еще этотъ часъ, мы не хотимъ обращаться къ правительству съ призывомъ подчиниться волѣ народа. Мы знаемъ, оно показало намъ, что оно подчинится только силѣ. Мы обращаемся къ народному представительству съ призывомъ готовить эту силу. Мы не говоримъ: „исполнительная власть да подчинится власти законодательной". Мы говоримъ: въ единеніи съ народомъ, связавшись съ народомъ, законодательная власть да подчинитъ себѣ власть исполнительную. (Аплодисменты).

По порученію соціалъ-демократической фракціи, имѣю честь прочитать слѣдующее заявленіе: Распустивъ первую Думу и освободившись отъ всякаго контроля надъ своей дѣятельностью, правительство обнаружило свою настоящую природу. Оно показало, что оно является правительствомъ дворянъ, дѣйствующимъ въ тѣсномъ союзѣ съ крѣпостниками, съ паразитическими элементами общества. Оно использовало находившійся въ его распоряженіи семимѣсячный промежутокъ для того, чтобы подъ видомъ успокоенія страны, постараться всѣми способами оградить интересы правящей бюрократіи, крѣпостниковъ-помѣщиковъ и всякаго рода паразитовъ. Правительство попрало ногами всѣ уже существовавшіе, хотя и крайне ограниченные, законы о свободахъ. Права собраній, союзовъ, свободы слова и печати, обѣщанныя 17 октября 1905 г., обратились въ пустой звукъ. Правительство покрыло всю страну сѣтью усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія. Оно заставило солдатъ арміи и флота, а также и казаковъ, служить дѣлу народнаго угнетенія и безпощадно расправлялось съ ними за всякую попытку стать на сторону народа. Оно довело административный произволъ до предѣловъ неслыханныхъ даже тогда, когда Россіи не была еще обѣщана конституція. Оно набило каторги и тюрьмы и мѣста ссылки до переполненія борцами за свободу и жертвами правительственныхъ экзекуцій. Оно посмѣялось надъ всякими понятіями правосудія, допускало примѣненіе средневѣковыхъ пытокъ и увѣнчало эту насмѣшку надъ правосудіемъ введеніемъ военно-полевыхъ судовъ, которые успѣли уже казнить болѣе семисотъ человѣкъ, оно закрывало глаза на преступную дѣятельность черной сотни, поддерживая травлю національностей—евреевъ, поляковъ, армянъ, грузинъ, мусульманъ, поощряло устройство погрома въ Сѣдлецѣ, награждало организаторовъ этого погрома. Оно распоряжалось безконтрольно народными деньгами и въ лицѣ товарища министра Гурко допустило злоупотребленія даже по отношенію къ средствамъ, предназначеннымъ для помощи голодающимъ, и принимало самыя незаконныя мѣры, чтобы не допустить частныхъ лицъ кормить голодныхъ. Произвольными сенатскими разъясненіями и адми-

нистративными распоряженіями, правительство отняло у милліоновъ гражданъ неоспоримо принадлежащія имъ избирательныя права и беззастѣнчивымъ вмѣшательствомъ въ ходъ выборовъ старалось не допустить свободнаго выраженія народной воли и провести въ Думу своихъ ставленниковъ. Цѣлый рядъ законовъ, изданныхъ правительствомъ, вопреки обѣщаніямъ 17 октября, безъ одобренія Гос. Думы преслѣдуютъ ту цѣль, чтобы распродать въ интересахъ казны и помѣщиковъ-крѣпостниковъ земли, на которыя народъ столько лѣтъ угнетаемый и эксплоатируемый имѣетъ несомнѣнное право. Правительство сдѣлало все, что было въ его силахъ, чтобы раздробить и ослабить крестьянство. Съ особой злобой обрушилось оно за эти семь мѣсяцевъ на рабочій классъ. Оно стремилось уничтожить всѣ его политическія и профессіональныя организаціи. Оно вмѣшивалось въ экономическую борьбу пролетаріата, становясь на сторону капиталистовъ. Оно покровительствовало чернымъ сотнямъ, срывавшимъ рабочія стачки, оно не только ничего не сдѣлало для уменьшенія бѣдствій безработицы, но, напротивъ, содѣйствовало росту ея, поощряя локауты со стороны предпринимателей, усиленные расчеты рабочихъ на казенныхъ заводахъ и наконецъ, полное закрытіе этихъ заводовъ. Своими законами о праздничномъ отдыхѣ и сокращеніи рабочаго времени въ торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ оно передало рѣшеніе этого вопроса въ руки хозяевъ и городскихъ думъ, составленныхъ изъ представителей купечества. Оно направило свои удары противъ самой беззащитной категоріи пролетаріата—сельскихъ рабочихъ, грозя тяжелыми карами за борьбу съ помѣщиками. Таково это правительство, которому страна при выборахъ очень ясно выразила свое недовѣріе и которое предстало предъ Государственной Думой съ своей деклараціей, съ обѣщаніемъ законовъ о свободахъ. Какъ будто бы можетъ быть какая-нибудь вѣра въ эти свободы и эти законы, когда власть остается у правительства, не стѣсняющагося попирать ногами всѣ свободы и законы. Въ противовѣсъ этому обѣщанію соціалъ-демократическая фракція Государственной Думы заявляетъ: она ничего не ждетъ отъ правительства самодержавной бюрократіи, она помнитъ, что прошлая Дума не довела своей борьбы съ правительствомъ до побѣды, потому что она не успѣла еще связать себя съ народомъ; она знаетъ, что и нынѣшняя Дума однимъ только выраженіемъ недовѣрія не можетъ сломить упорства бюрократіи, что Думѣ еще нужно стать силой, способной послужить мощнымъ орудіемъ народнаго освобожденія, она возлагаетъ всѣ свои надежды на движеніе самого народа, который одинъ только можетъ положить конецъ режиму произвола и насилія и дать Народному Представительству силу для раскрытія тюремъ, для установленія свободы, для разрѣшенія земельнаго вопроса, для открытія простора

борьбѣ пролетаріата, для переложенія тягости налоговъ съ бѣднаго населенія на болѣе достаточное и т. д.

Соціалъ-демократическая фракція вошла въ Государственную Думу именно затѣмъ, чтобы неустанной работой во всѣхъ отрасляхъ Думской дѣятельности, опираясь на законныя права Государственной Думы, раскрыть народу глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ, указывать ему на необходимость поддержки Государственной Думы въ ея шагахъ, направленныхъ на завоеваніе свободы и подчиненіе себѣ исполнительной власти, содѣйствовать сплоченію и организаціи народныхъ силъ и прежде всего силъ пролетаріата, класса, представителемъ котораго является соціалъ-демократія, и который игралъ, играетъ и будетъ играть главную роль въ дѣлѣ всероссійскаго освобожденія. Приступая къ этой трудной работѣ, соціалъ-демократическая фракція обращается мыслью къ своимъ сотоварищамъ по борьбѣ, къ тѣмъ тысячамъ ссыльныхъ и заключенныхъ, которые томятся въ плѣну у правительства. Соціалъ-демократическая фракція ни на минуту не забудетъ о томъ народномъ кличѣ, который провожалъ ея членовъ Государственной Думы, который ежедневно повторяется въ получаемыхъ ею многочисленныхъ письмахъ и наказахъ. Она ни на минуту не забудетъ о полномъ освобожденіи ссыльныхъ и заключенныхъ и будетъ работать для этого освобожденія тѣмъ единственнымъ способомъ, которымъ оно только и можетъ быть достигнутымъ, постояннымъ указаніемъ народу, что только освобождаясь самъ, онъ освободитъ и своихъ борцовъ.

---

2. Формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предлож. с.-д. фракціей.

„Констатируя, что вся политика правительства за время, прошедшее послѣ роспуска Думы, была направлена, какъ и политика его предшественниковъ, исключительно къ огражденію интересовъ крупныхъ дворянъ-помѣщиковъ и бюрократіи, и что ради этой цѣли правительство не останавливалось ни предъ какими жестокостями, ни предъ какими нарушеніями закона, что страна выразила уже на выборахъ самое полное недовѣріе этому правительству, которое продолжаетъ, несмотря на это недовѣріе, сохранять власть въ своихъ рукахъ, Госуд. Дума, вполнѣ раздѣляя недовѣріе пославшаго ее народа, къ правительству, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ, причемъ разсчитываетъ, опираясь на поддержку народа, и пользуясь предоставленнымъ ей правомъ, претворить волю народа въ законъ, подчинить исполнительную власть законодательной. (Аплодисменты).

II. Бюджетныя рѣчи деп. Алексинскаго 22 марта 1907 г. и деп. Зурабова 27 марта 1907 г.

1. Алексинскій (г. С.-Петербургъ). Граждане депутаты, когда вчера г. министръ финансовъ предупреждалъ насъ о томъ, что намъ, людямъ неопытнымъ, не освѣдомленнымъ, не побывавшимъ на самомъ днѣ, въ самой глубинѣ бюджетнаго вопроса, будетъ трудно судить о государственной росписи доходовъ и расходовъ, когда онъ говорилъ, что тутъ только немногіе могутъ разобраться въ этомъ сложномъ и важномъ дѣлѣ, я, записавшись въ число ораторовъ, былъ нѣсколько смущенъ; казалось мнѣ, что я, не финансистъ, а представитель рабочихъ, можетъ быть, дѣйствительно, не смогу сказать ничего такого, чтобы могло содѣйствовать уясненію и освѣщенію вопроса. Но чѣмъ больше я слушалъ рѣчь самого министра финансовъ, тѣмъ больше убѣждался я, что именно долговременное пребываніе въ глубинѣ, въ сокровенныхъ глубинахъ россійскаго бюджета, лишаетъ человѣка правильной точки зрѣнія на этотъ сложный и важный для народа вопросъ. (Аплодисменты слѣва). Въ самомъ дѣлѣ, какая была основная точка зрѣнія министра финансовъ, когда онъ выступалъ передъ нами съ изложеніемъ основъ государственной росписи доходовъ и расходовъ на текущій годъ? Онъ исходилъ изъ понятія государственности. Я съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ его словамъ и старался понять, въ чемъ смыслъ, въ чемъ значеніе той государственности, во имя которой намъ предлагаютъ подписать 2-хъ милліардный бюджетъ, и смыслъ этой государственности оказывался очень простой, онъ оказывался понятіемъ чисто формальнымъ. Г. министръ финансовъ большинство бюджетныхъ требованій основывалъ на томъ, что есть тотъ или иной параграфъ закона, въ силу котораго существуетъ данное смѣтное назначеніе. Онъ говорилъ намъ приблизительно такъ: „правда, что есть архаическія, т. е. обветшалыя, непригодныя къ современности учрежденія, но они существуютъ, и вы, представители народа, должны расписаться на томъ бюджетѣ, который служитъ источникомъ содержанія этихъ архаическихъ, негодныхъ уже для современности учрежденій". Онъ говорилъ намъ: „есть законъ, но пока онъ не отмѣненъ, долженъ и расходъ въ силу этого закона производиться". И вотъ, я долженъ сказать, что мы соціалъ-демократы, стоимъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія и въ данномъ случаѣ расходимся коренньмъ образомъ не только съ господиномъ министромъ финансовъ, но и съ тѣми представителями конституціонно-демократической партіи, которые вчера, выступая съ критикой бюджета, стояли на той же мелочной, я бы сказалъ, во многомъ столь же формальной точкѣ

зрѣнія, какъ и та, на которой стоялъ министръ финансовъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда говорятъ, есть архаическіе законы, которые требуютъ снабженія архаическихъ учрежденій совершенно не архаическими, а обновленными рессурсами и новыми ассигновками, когда говорятъ это, то у каждаго гражданина естественно возникаетъ вопросъ: но какъ же вы, господа, вы, стоящіе наверху власти, вы, смотрящіе вглубь сѣдыхъ временъ, знающіе, что у васъ въ теченіе двухъ—трехъ вѣковъ были эти архаическіе законы, эти учрежденія, которыя вы сами же называете обветшалыми, какъ же вы не поставили вопросъ о томъ, имѣютъ ли право на существованіе эти учрежденія и эти законы? На этотъ вопросъ, господинъ министръ финансовъ отвѣта не далъ, а между тѣмъ онъ прежде всего и долженъ былъ дать на это отвѣтъ. Когда представитель правительства, когда представитель государственной власти выступаетъ передъ народными представителями съ первымъ отчетомъ о своей финансовой дѣятельности, онъ долженъ привести не формальное оправданіе, не ссылки на пункты и параграфы мертвыхъ, обветшалыхъ установленій. Онъ долженъ сказать, какъ оправдываетъ эти расходы жизнь, т. е. опредѣлить съ точки зрѣнія интересовъ народа оправданіе тѣхъ громадныхъ расходовъ, которые истощили нашъ несчастный народъ. Это реальное оправданіе, съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ, намъ не было дано. Говорилось много о томъ, что, съ точки зрѣнія государственности, обязанность патріотизма заставляетъ насъ подписать предложенную министромъ финансовъ роспись государственныхъ приходовъ и расходовъ. Министръ финансовъ указалъ намъ на изреченіе бельгійскаго министра финансовъ, съ которымъ тотъ обратился къ своей палатѣ депутатовъ. Бельгійскій министръ финансовъ говорилъ, что передъ бюджетомъ должны смолкнуть всѣ партійные интересы, т. е. интересы отдѣльныхъ слоевъ населенія; бюджетъ—это, такъ сказать, общенаціональный интересъ, который долженъ объединить собою всѣхъ представителей народа, безъ различія партій. Когда русскій министръ финансовъ прочелъ это изреченіе бельгійскаго министра финансовъ, я думалъ, что онъ вынетъ изъ кармана бельгійскую конституцію (аплодисменты) и то опредѣленіе бюджетнаго права бельгійскаго парламента, которое дѣлаетъ этотъ парламентъ въ области бюджета наиболѣе полноправнымъ изъ всѣхъ парламентовъ Запада. Я думалъ, что онъ прочтетъ намъ статьи бельгійской конституціи. Но такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, то я позволю себѣ сдѣлать это за него, сдѣлать нѣкоторое дополненіе, необходимое дополненіе къ этой выдержкѣ изъ рѣчи бельгійскаго министра финансовъ. Въ бельгійской конституціи есть слѣдующее положеніе: 1) „никакой налогъ, никакой сборъ въ пользу государства не можетъ быть установленъ иначе, какъ закономъ".

Какъ вы видите, въ этой статьѣ ни о какихъ архаическихъ статьяхъ, положеніяхъ, особыхъ повелѣніяхъ, распоряженіяхъ не говорится: тамъ только законъ, т. е. только воля народныхъ представителей опредѣляетъ всѣ налоги и сборы въ пользу государства. Ст. 2-я: „налоги въ пользу государства вотируются ежегодно. Законы, ихъ устанавливающіе и вторично не возобновленные, имѣютъ силу только одинъ годъ". Тамъ не можетъ быть рѣчи о параграфахъ, которые являются архаическими статьями, существующими въ теченіе двухъ, трехъ столѣтій и на этомъ основаніи требующими не только уваженія къ себѣ, но весьма солидныхъ ассигновокъ за счетъ народнаго кармана. Тамъ говорится, что налоги вотируются ежегодно, потому что тамъ парламентъ собирается ежегодно; тамъ двери парламента не запираютъ на замокъ, когда этотъ парламентъ начинаетъ говорить голосомъ непріятнымъ для представителей правительственной власти. (Аплодисменты). Ст. 3-я: „не можетъ быть установлено никакихъ налоговыхъ привилегій, никакого особаго налога или уменьшеніе его не можетъ быть установлено иначе, какъ по закону". Слѣдовательно, никакихъ изъятій для дворянъ, никакихъ привилегій для паразитовъ—крупныхъ капиталистовъ—нефтепромышленниковъ, желѣзнодорожниковъ, сахарозаводчиковъ и другихъ, имъ же нѣсть числа въ Россіи, тамъ, въ Бельгіи, по закону не полагается, и бельгійскій министръ объ этомъ въ своей рѣчи, вѣроятно, не говорилъ ни слова. Ст. 4-я: „никакихъ пенсій, никакихъ наградъ изъ средствъ государственнаго казначейства не можетъ быть пожаловано иначе, какъ въ силу закона". Когда я прочелъ эту статью, я заглянулъ въ россійскую роспись, въ вѣдомость расходовъ по выдачѣ разнымъ лицамъ, и тамъ я нашелъ, что на содержаніе пожалованнаго генералъ-адъютанту князю Чернышеву казеннаго дома ассигновано 15.000 р. съ 1852 г. Ст. 5-я „каждый годъ парламентъ утверждаетъ счетные законы и вотируетъ бюджетъ. Всѣ приходы и расходы государства должны быть признаны парламентомъ", отчего тамъ цѣлаго вѣдомства не можетъ пропасть, какъ у насъ пропало одно вѣдомство изъ государственнаго бюджета. Ст. 6-я: „заключеніе займовъ въ пользу государственнаго казначейства можетъ имѣть мѣсто только на основаніи законовъ. То же распространяется и на принятіе государствомъ какихъ-либо гарантій". Нечего говорить о томъ, что у насъ въ Россіи нѣтъ и намека на эту статью, гарантирующую народъ отъ задолженности иностраннымъ капиталистамъ. Если къ этому добавить и статью 7-ю о томъ, что „проектъ финансовыхъ законовъ и государственныхъ бюджетовъ представляется сначала въ парламентъ; послѣднимъ принимается или отвергается цѣликомъ", тогда получится все то небольшое дополненіе, которое слѣдовало бы сдѣлать къ рѣчи бельгійскаго министра, произнесенной

здѣсь русскимъ министромъ финансовъ. Сдѣлавъ его, я перехожу теперь къ дальнѣйшей характеристикѣ того, что намъ предложилъ отъ имени русскаго правительства министръ финансовъ. Какъ справедливо замѣтилъ г. представитель партіи народной свободы депутатъ Кутлеръ, вопросъ о бюджетѣ есть прежде всего вопросъ политики. Это вопросъ политики, и я бы сказалъ даже больше: это, такъ сказать, внѣшнее выраженіе всего смысла и содержанія какъ иностранной, такъ и внутренней политики даннаго государства. И вотъ, если мы съ этой точки зрѣнія начнемъ оцѣнивать россійскій бюджетъ, если мы посмотримъ на него не какъ на формальное перечисленіе мелкихъ, среднихъ, крупныхъ, очень крупныхъ и колоссальныхъ цифръ; если мы посмотримъ на него не какъ на перечисленіе чисто формальныхъ параграфовъ, если мы будемъ разсматривать его въ связи съ общей внѣшней и внутренней политикой государства, только тогда мы можемъ придти къ правильному выводу относительно содержанія и значенія этого бюджета, только тогда мы можемъ намѣтить себѣ вѣрный путь къ настоящему отношенію къ россійскому государственному бюджету. Министръ финансовъ говорилъ намъ, что задолженность наша и неблагополучное состояніе россійскихъ финансовъ въ значительной степени объясняются тѣми расходами, которые мы вели на войны. Онъ указалъ на то, что было время, когда Россія играла роль защитницы цѣлой Европы. Онъ указалъ намъ на начало прошлаго вѣка, считая эту дѣятельность Россіи достаточнымъ основаніемъ того, чтобы у насъ сейчасъ на государственномъ казначействѣ было 9.000.000.000 р. долгу. (Аплодисменты и смѣхъ слѣва). Я долженъ сказать, что рабочіе, которые меня послали, люди, менѣе, можетъ быть, освѣдомленные въ вопросахъ финансовыхъ и политическихъ, разсуждаютъ по этому поводу такъ: они говорятъ: „вѣрно, что Россія играла крупную роль въ внѣшнихъ событіяхъ, въ международныхъ столкновеніяхъ Европы, но недостаточно играть крупную роль, надо знать, какова эта роль, кому служило въ данномъ случаѣ государство“. И вотъ рабочіе, изучая исторію Россіи, сознательные рабочіе, приходятъ къ весьма печальнымъ выводамъ, они говорятъ, что русское правительство стремилось охранять «порядокъ» не только у себя, но и во внѣ стремилось играть, какъ они выражаются, роль международнаго жандарма. (Аплодисменты). Я не знаю, можетъ быть министру финансовъ совершенно чуждо такое представленіе о дѣятельности того государства, той правительственной власти, представителемъ интересовъ которой онъ является здѣсь на этой трибунѣ. Можетъ быть оно ему чуждо, но я считаю своимъ долгомъ довести до его свѣдѣнія этотъ весьма распространенный среди рабочаго населенія Россіи взглядъ на ту грандіозную и заслуживающую глубокаго, по мнѣнію

министра финансовъ, уваженія роль, которую играла Россія. Дальше. Помимо этой роли международной политики Россіи, мы замѣчаемъ постоянное стремленіе къ завоевательной политикѣ. Это стремленіе наиболѣе рѣзко проявилось въ извѣстной, такъ называемой дальневосточной авантюрѣ. Что такое эта дальневосточная авантюра, это мы всѣ знаемъ, и каковы ея послѣдствія -- объ этомъ лучше всего знаетъ самъ г. министръ финансовъ. Представляя проектъ росписи на настоящій годъ, онъ указываетъ, что расходы, вызванные войной и ея послѣдствіями, по предварительнымъ за 1906 г. свѣдѣніямъ, достигли 2.598.716.000 р. Вотъ чего стоила дальневосточная авантюра. Къ этому надо прибавить тѣ расходы на ликвидацію войны, расходы, которые, какъ самъ министръ предупреждаетъ, еще предвидятся въ теченіе значительнаго, быть можетъ, будущаго времени. Если къ этому прибавить еще гибель нашего флота, если прибавить разореніе многихъ семействъ, если прибавить къ этому жертвы человѣческимъ мясомъ, имуществомъ и деньгами, взятыми съ народа, то мы скажемъ, что если эта завоевательная политика и была въ интересахъ государственности, то она не была въ интересахъ народныхъ. Народу она приносила только убытокъ, но оказывается, что и для государственности она не имѣла столько положительнаго значенія, какое, мнѣ казалось сперва, придаетъ ей министръ финансовъ. Ссылаюсь здѣсь на мнѣніе самого же министра финансовъ, высказанное имъ не 20 марта 1907 г. въ зданіи русской Государственной Думы, а 30 сентября 1906 г. въ офиціальномъ совѣщаніи по вопросу о судостроительной программѣ. Тамъ министръ финансовъ свидѣтельствовалъ о томъ, что для насъ Портсмутскій договоръ и исходъ дальневосточной авантюры является поворотной точкой въ исторіи Россіи. „Уже нельзя говорить о прежнихъ задачахъ для нашего флота, которыми мы задавались два года тому назадъ, нельзя говорить о широкомъ розмахѣ—о розмахѣ къ лѣсамъ рѣки Ялу, добавляю я отъ себя (аплодисменты слѣва),—и стремленіи къ Тихому Океану. Судьбы, наступившія для Россіи, заставляютъ насъ сидѣть смирно, вести политику весьма примирительную и осторожную“. Мнѣ кажется, что если бы одинъ министръ финансовъ остался при этой точкѣ зрѣнія, которую онъ высказалъ 30 сентября 1906 г., это была бы болѣе правильная точка зрѣнія, чѣмъ та точка зрѣнія, на которой онъ стоялъ здѣсь третьяго дня.

Дальше, кромѣ политики внѣшней, государство въ своемъ бюджетѣ выражаетъ свою общую внутреннюю политику. И вотъ, если мы будемъ всматриваться въ эту внутреннюю политику на основаніи бюджетныхъ цифръ, то мы придемъ къ еще болѣе печальнымъ выводамъ. Мы увидимъ, что внутренняя политика правительства, поскольку она выражается и выражалась въ россійскомъ бюджетѣ,

если и служила чьимъ-нибудь интересамъ, то во всякомъ случаѣ это не были интересы широкихъ народныхъ массъ, и прежде всего это не были интересы рабочаго класса Россіи и интересы крестьянства Россійской Имперіи. Если мы будемъ всматриваться въ характеръ внутренней политики на основаніи россійскаго бюджета, то мы увидимъ слѣдующее: мы увидимъ, что наше государство еще до сихъ поръ остается бюрократически-крѣпостническимъ государствомъ въ полной мѣрѣ. Мы увидимъ, что эта государственность есть государственность небольшой сравнительно съ многомилліонной массой населенія кучки крупныхъ помѣщиковъ-капиталистовъ паразитическаго типа, которые пользуются государственнымъ бюджетомъ для удовлетворенія своихъ даже не классовыхъ, а чисто грубо-желудочныхъ, грубо-насыщательныхъ интересовъ. (Направо шумъ). Господа правые почему то, когда говорятъ о желудочныхъ интересахъ, очень волнуются и мѣшаютъ мнѣ говорить. (Аплодисменты слѣва).

Келеповскій (Херсонская губ.). Среди правыхъ капиталистовъ нѣтъ.

Алексинскій (г. С.-Петербургъ). Но за то тамъ есть сахарозаводчики и винокуры. Я говорю, что правые успѣютъ въ свое время дать отвѣтъ, а теперь на время, можетъ быть, забудутъ о своихъ желудкахъ и дадутъ мнѣ возможность продолжать мою рѣчь по существу. Разсматривая съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія этой государственности, государственности кучки крупныхъ бюрократовъ и помѣщиковъ и паразитическихъ капиталистовъ, нашу государственную систему, мы приходимъ къ крайне рѣзкимъ и весьма неутѣшительнымъ для народа выводамъ. Мы видимъ, что во внутренней политикѣ интересы этой кучки окрашивали собой каждое болѣе или менѣе крупное дѣйствіе правительства. Каждый, болѣе или менѣе крупный, расходъ по правительственной смѣтѣ носитъ на себѣ либо дворянскій гербъ, либо клеймо крупныхъ желѣзнопрокатныхъ заводовъ, сахарозаводчиковъ или иной фирмы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ всматриваться въ то, какую часть въ нашемъ бюджетѣ занимаютъ расходы на удовлетвореніе различныхъ частей государственныхъ нуждъ и потребностей, то мы увидимъ слѣдующее: мы увидимъ, что у насъ наибольшая сумма тратится по нашему бюджету на уплату процентовъ по иностраннымъ займамъ. Какъ я уже указалъ, наша внѣшняя политика, которую главнымъ образомъ вызвали на свѣтъ эти займы, служила либо къ охранѣ европейскаго порядка и спокойствія отъ народнаго движенія, либо она служила для завоевательной политики, обезпечивающей исключительно алчные интересы небольшой кучки лицъ—родовитыхъ и богатыхъ. На государственной росписи расходовъ на уплату по займамъ приходится 17,5% или 380.000.000 р. Слѣдующимъ за этимъ

расходомъ является расходъ на оборону государства, которая въ значительной степени сводилась къ той же завоевательной политикѣ и къ охраненію порядка и спокойствія, понимаемаго, конечно, въ полицейскомъ смыслѣ, внѣ Россіи и внутри ея. Расходы па оборону государства достигаютъ у насъ 452.000.000 р. Когда я разсматривалъ этотъ отдѣлъ смѣты и старался вникнуть, почему государству приходится затрачивать такія крупныя суммы, я обращался къ различнымъ источникамъ. Какъ вамъ извѣстно, въ требованіяхъ русскихъ рабочихъ есть пунктъ: отмѣна постоянной арміи и замѣна ея всеобщимъ вооруженіемъ народа. Вотъ, думалъ я, почему министръ для удешевленія стоимости обороны государства не попробуетъ примѣнить ту мѣру, которую давно уже предлагаетъ сознательный пролетаріатъ Россіи? (Смѣхъ справа). И вотъ отвѣтъ на это я нахожу въ сочиненіи русскаго военнаго министра генерала Редигера. Въ своемъ сочиненіи, выдержавшемъ уже три изданія, „Къ вопросу о комплектованіи и вооруженіи арміи" онъ говоритъ, что только постоянная армія можетъ служить надежнымъ средствомъ для подавленія народныхъ волненій. (Аплодисменты слѣва). Когда я прочелъ это, я понялъ, почему оборона государства и содержаніе постоянной арміи играютъ такую громадную роль въ бюджетѣ Россійской Имперіи. Я оставляю въ сторонѣ расходы по казеннымъ операціямъ, потому что объ этихъ расходахъ уже говорилось много и его еще будетъ вѣроятно касаться другой представитель нашей партіи. Я перехожу къ тѣмъ расходамъ, которые не относятся прямымъ образомъ къ оборонѣ государства. Какъ извѣстно, въ ряду этихъ расходовъ играли громадную роль желѣзнодорожные займы. Было время, когда Россія какими-то неимовѣрными, бѣшеными скачками летѣла по пути желѣзнодорожнаго строительства, когда громадныя суммы затрачивались для проведенія различныхъ желѣзнодорожныхъ путей и когда вся хозяйственная дѣятельность государства внутри страны была сплошнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Вотъ, обращаясь къ этому документу, мы видимъ, что въ 90-хъ годахъ во время желѣзнодорожной горячки, когда усиленно производились расходы на это строительство, этотъ расходъ сводился въ сущности къ тому же воспособленію паразитическимъ капиталистамъ и промышленникамъ. Въ 90-хъ годахъ по свидѣтельству не какого-нибудь революціоннаго соціалъ-демократа, а весьма умѣреннаго октябриста Мигулина, свѣдущаго финансиста, въ 90-хъ годахъ, во время желѣзнодорожной горячки, министерство финансовъ по соглашенію съ министерствомъ путей сообщенія для созданія желѣзнодорожной сѣти изъ русскаго матеріала назначало двойную цѣну за исполненіе заказовъ, отсюда проистекала большая польза для рельсопрокатныхъ, паровозостроительныхъ, вагоностроительныхъ и желѣзодѣлательныхъ вообще заводовъ, при сказочномъ вознагражденіи членовъ правленія

и высшей администраціи этихъ заводовъ. Въ 1901 г. шесть металлургическихъ заводовъ въ Россіи, — только шесть, — вслѣдствіе повышенныхъ цѣнъ на казенные заказы, по соглашенію министра финансовъ съ министромъ путей сообщенія получили болѣе 8.500.000 р. преміи, которая была выдана имъ формально за счетъ государства и, несомнѣнно, на основаніи извѣстныхъ параграфовъ, но фактически за счетъ народа, за счетъ той водки, которую потребляли крестьяне, за счетъ тѣхъ косвенныхъ налоговъ, которые уплатила масса городской и деревенской бѣдноты. При этомъ сами промышленники признали, что въ то время, когда они могли вырабатывать рельсы по 85 к. за пудъ, правительство платило имъ по 1 р. 25 к. за пудъ. Мигулинъ полагаетъ, что въ желѣзнодорожномъ строительствѣ было израсходовано за 1893—1902 г.г. по меньшей мѣрѣ до 500.000.000 р. лишнихъ, между тѣмъ практическая польза вамъ извѣстна. Вамъ извѣстны тѣ залежи, которыя постоянно образуются на всѣхъ желѣзнодорожныхъ путяхъ, когда нужно везти хлѣбъ въ голодныя мѣстности. Вамъ извѣстно, какъ оборудованы наши желѣзныя дороги, насколько онѣ исправно исполняютъ свое назначеніе, и распространяться вообще о той положительной пользѣ, которую принесла эта горячка желѣзнодорожнаго строительства для народа, долго не приходится. По вычисленію того же Мигулина—я съ большимъ удовольствіемъ этого умѣреннаго человѣка цитирую,—1899 г. былъ послѣдній прибыльный годъ для русскаго желѣзнодорожнаго хозяйства. Въ 1900 г. мы имѣли уже 3 милліона убытка, а въ 1905 г. 74 милліона убытка, не считая платежей по желѣзнодорожнымъ займамъ. Не однимъ желѣзнодорожникамъ вососпобляло русское правительство, оно охотно воспособляло и нефтянымъ королямъ, и сахарозаводчикамъ, какъ я уже упоминалъ, и многимъ другимъ группамъ отечественныхъ и иностранныхъ капиталистовъ. Извѣстно, что на содержаніи, такъ сказать государственнаго банка, чуть не до сей поры, находится цѣликомъ 12 группъ различныхъ предпріятій, въ числѣ которыхъ есть предпріятія, можетъ быть, очень полезныя для кого-либо, но не для народа. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же Мигулинъ,—я извиняюсь предъ министромъ финансовъ, что касаюсь государственнаго банка, о которомъ онъ просилъ не касаться при обсужденіи бюджета, но это непосредственно сюда относится,—вотъ что говорилъ Мигулинъ объ отношеніяхъ государственнаго банка, этого важнѣйшаго россійскаго кредитнаго учрежденія, къ этимъ паразитическимъ предпріятіямъ русскаго и иностраннаго капитала въ Россіи. Государственный банкъ—говоритъ Мигулинъ—являлся въ роли учрежденія, финансирующаго новыя предпріятія (акціонерное общество, учрежденное Шараповымъ, подъ фирмою „Пахарь“), въ роли покровителя ежедневной прессы (подъ акціонерной фирмой „Гуттенбергъ“, издающей газету „Новости“), въ роли спасителя отъ

банкротствъ различныхъ гешефтмахеровъ, въ роли покровителя отечественнаго гостепріимства (ссуда подъ акціи нѣкоей гостиницы въ Москвѣ); государственный банкъ приходилъ на помощь частнымъ банкамъ (харьковскому, московскому, земельнымъ), дѣла которыхъ были разстроены вслѣдствіе злоупотребленій ихъ заправилъ, онъ бралъ подъ свою опеку металлургическіе разстроенные заводы (Мальцевскіе, Сормовскіе, Донецко-Юровскіе и такъ далѣе безъ конца), разстроенныя горнопромышленныя препріятія, (какъ, напримѣръ, Алексѣевское общество), онъ выдавалъ ссуды банковымъ дѣльцамъ, неудачно употреблявшимъ текущіе вклады своихъ кліентовъ на устройство собственныхъ предпріятій (ссуда господину Новову), платилъ за акціонерныя общества проценты по ихъ облигаціямъ, помѣщеннымъ за границей (ссуда Брянскому обществу) и т. д. „Всего не перечесть“, со вздохомъ замѣчаетъ почтенный и умѣренный профессоръ Мигулинъ. Мало этого: если мы будемъ всматриваться въ то, какой характеръ имѣло это покровительство паразитическимъ предпріятіямъ русскихъ и иностранныхъ капиталовъ въ Россіи, то мы увидимъ, что тутъ въ значительной мѣрѣ происходилъ и обмѣнъ услугъ. За услуги, оказанныя русскимъ правительствомъ, и эти господа оказывали ему услуги. Такъ, напримѣръ, можно установить, что значительный процентъ локаутовъ и выбрасыванія рабочихъ на улицу приходится на тѣ заводы и предпріятія, которые особенно усиленно субсидировались россійскимъ правительствомъ. Таковъ, напримѣръ, Невскій заводъ по Шлиссельбургскому тракту, недалеко отъ г. Петербурга, съ его знаменитымъ въ исторіи рабочаго движенія локаутомъ, обрекавшимъ на голодную смерть десятки тысячъ старыхъ и малыхъ людей. Разумѣется, оказывая содѣйствіе капиталистамъ, правительство еще болѣе помнило о другихъ своихъ вѣрныхъ слугахъ, о дворянахъ-помѣщикахъ; да и мудрено ему не помнить. Вѣдь въ сущности правительство наше до сихъ поръ является правительствомъ крупныхъ помѣщиковъ; это утвержденіе не голословное и придумано не социалъ-демократами, а безпартійнымъ публицистомъ Рубакинымъ, установлено вполнѣ достовѣрно. (Голоса справа: ложь). Я рекомендую, какъ представителямъ правой, такъ и представителямъ власти ознакомиться со статьями Рубакина, и они увидятъ въ статьяхъ „Треповская партія въ цифрахъ“, „Правящая бюрократія въ цифрахъ“ и въ другихъ,—что наше государственное управленіе является управленіемъ помѣщиковъ надъ много-милліонными массами крестьянства и пролетаріата (голоса справа: ложь) и что главные расходы по личному составу этого управленія идутъ въ карманы того же дворянства (голоса справа: ложь). Мнѣ говорятъ ложь. Я очень радъ, что статья Рубакина: „Треповская партія въ цифрахъ“ у меня подъ рукою. Тамъ приводятся данныя только о 28 тайныхъ, дѣйствительныхъ статскихъ и разныхъ другихъ совѣтникахъ,

засѣдающихъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Вотъ, оказывается, что эти 28 человѣкъ обходятся казнѣ ежегодно въ 381 тысячу слишкомъ рублей. Если прибавить къ этому комиссіонныя, командировочныя, наградныя и т. д., то выйдетъ что-то около одного милліона рублей. „И это на 28 человѣкъ!"—ужасается наивно Рубакинъ. Если принять во вниманіе, что для спасенія голодающаго крестьянина отъ голоднаго тифа необходимо всего лишь 1 р. 40 к.—1 р. 60 к., то на эту сумму, получаемую 28 членами Государственнаго Совѣта реакціонной партіи, можно было бы прокормить и спасти отъ голодной смерти не менѣе 625 тысячъ человѣкъ. Правда это люди простые, не знатные, но во всякомъ случаѣ, я думаю, существованіе этихъ 625 тысячъ для народа болѣе полезно, чѣмъ существованіе тѣхъ 28. (Аплодисменты слѣва). Считая десятину круглымъ счетомъ въ 100 р., на ту же сумму можно было бы пріобрѣсти и прирѣзать крестьянамъ не менѣе 10.000 десятинъ. Послѣ этого судите, ложь или правда то, что я сказалъ о личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія въ Россіи. Я думаю, двухъ мнѣній быть не можетъ. Я думаю что теперь правые постыдятся, что они кричатъ „ложъ", не читая такихъ основныхъ литературныхъ пособій, которыя къ нимъ самимъ, прежде всего, относятся. Далѣе, помимо этого я могъ бы привести еще цѣлый рядъ цифръ изъ другихъ статей, но въ общемъ я указываю на то, что воспособленіе дворянскаго сословія и цѣлый рядъ учрежденій, существующихъ спеціально для его аккредитованія и спасенія отъ разоренія, ложатся страшной тяжестью на плечи русскаго народа. Мы знаемъ, что были дворянскіе займы, которые облегчали долгосрочный кредитъ господамъ дворянамъ. Я не знаю, можетъ быть, нѣкоторые дворяне, здѣсь сидящіе, еще не успѣли получить причитающихся имъ пособій и потому они кричатъ: ложь! Но тогда пусть справятся у своихъ ближайшихъ родственниковъ. (Аплодисменты слѣва). Къ нимъ, къ этимъ дворянскимъ займамъ...

Крушеванъ (Бессарабская губ.). Это сведеніе партійныхъ счетовъ.

Предсѣдатель. Членъ Думы Крушеванъ, прошу васъ замѣчаній не дѣлать.

Келеповскій (Херсонская губ.). Это ничего общаго съ государственной росписью не имѣетъ.

Предсѣдатель. Членъ Думы Келеповскій, считаю вамъ долгомъ напомнить о существованіи 38 статьи учрежденія Государственной Думы. (Аплодисменты центра и лѣвой.)

Алексинскій (г. С.-Петербургъ.) Граждане депутаты...

Голоса (справа). Это ложъ. Господинъ Предсѣдатель... (шумъ).

Предсѣдатель. Господа, прошу васъ, кто хочетъ говорить, потрудитесь подать записки. Въ очередь будете говорить.

Алексинскій. (г. С.-Петербургъ). Граждане депутаты, я знаю, что нѣкоторымъ здѣсь непріятно это слушать. Мнѣ тоже непріятно читать здѣсь, въ палатѣ народныхъ представителей, о такихъ вещахъ, но мнѣ приходится это сдѣлать, потому что я сейчасъ характеризую систему россійскаго государственнаго бюджета, въ которомъ эти расходы играютъ значительную роль и въ которомъ эти групповые интересы опредѣляли собой общее направленіе правительственной политики. Къ этимъ дворянскимъ займамъ должны быть отнесены и земельныя выкупныя операціи въ 496.000.000 р. Числившійся на дворянахъ къ 1861 г. долгъ въ 425.473.000 р. не только былъ погашенъ этимъ выкупомъ, но по свидѣтельству компетентныхъ людей, спеціалистовъ по финансовымъ вопросамъ, опускавшихся на самое дно россійскаго бюджета, выкупная операція дала помѣщикамъ еще 600 милліоновъ рублей лишнихъ. Такъ вотъ, я спрашиваю, имѣетъ ли это какое нибудь отношеніе къ бюджету или нѣтъ? Судите сами. Я бы могъ привести еще много примѣровъ о воспособленіи чрезъ посредство дворянскихъ банковъ, о повышеніи на землю крестьянамъ платы для поддержанія помѣщиковъ, которые все равно не умѣли вести хозяйство и продолжали все разоряться, разоряться и разоряться и выбрасывать на рынокъ все новыя и новыя десятины земли. Но, я думаю, что эти факты настолько общеизвѣстны, что говорить о нихъ не приходится. И въ нынѣшнемъ году, какъ здѣсь уже указывалъ депутатъ Кутлеръ, новые расходы, которые внесены по земельному дѣлу въ государственную роспись, вѣдь эти расходы въ 4.000.000 р. на землеустроительныя комиссіи плюсъ 6.000.000. р. на переселенія, даже по мнѣнію представителя конституціонно-демократической партіи Кутлера, внесены въ тѣхъ же помѣщичьихъ интересахъ для того, чтобы отвлечь вниманіе крестьянъ отъ помѣщичьихъ земель на земли далекой Сибири и для того, чтобы отвлечь вниманіе крестьянъ отъ непосредственно лежащей на нихъ задачи,—разрѣшенія аграрнаго вопроса въ его полномъ объемѣ. Далѣе, если мы будемъ всматриваться въ государственную роспись и если мы будемъ сопоставлять ея различные отдѣлы, то мы увидимъ, что въ то время, какъ расходы на судъ, тюрьмы и полицію достигаютъ 5,2 % бюджета, въ это время народное просвѣщеніе занимаетъ всего лишь 2,8 % нашего бюджета: въ самомъ дѣлѣ по нашему бюджету на просвѣщеніе, на начальное просвѣщеніе народа государство платитъ на одну душу всего 7,3 к. (это по даннымъ 1906 г.), да 31 к. платятъ земства, городскія и иныя учрежденія; между тѣмъ, если мы обратимся къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, тамъ на душу расходуется 4 р. 80 к., а въ Новой Зеландіи (далекая страна, гдѣ, казалось, еще не такъ давно разгуливали нагіе дикари)—тамъ тратится 5 р. 74 к. на одну душу населенія на образованіе народ-

ное. Но когда у насъ рѣшаются вопросы объ образованіи народномъ, объ удовлетвореніи его нуждъ, тутъ опять играютъ роль всегда соображенія государственныя. Какого рода бываютъ эти соображенія, это можно видѣть изъ слѣдующаго офиціальнаго документа, представленнаго однимъ изъ крупныхъ россійскихъ чиновниковъ въ комиссію о свободѣ совѣсти, состоящую подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго графа Игнатьева. Мусульманскія общества возбудили вопросъ о томъ, чтобы государство давало имъ вспомоществованіе на устройство своихъ школъ, и вотъ что этотъ самый сановникъ говоритъ по этому поводу въ своей докладной запискѣ: „желаніе, говоритъ онъ, мусульманскихъ обществъ исходитъ изъ того соображенія, что мусульмане несутъ тѣ же самые государственные налоги, что и прочее населеніе Имперіи, и поэтому государственная касса должна удѣлять извѣстныя, необходимыя средства на образованіе мусульманскаго юношества; но въ данномъ случаѣ, говоритъ онъ, мусульмане заблуждаются, будто они вносятъ въ государственную кассу сумму, равную пропорціонально контингенту христіанскаго населенія. Мусульмане вслѣдствіе каноническихъ предписаній... (слушайте, господа депутаты) не употребляютъ спиртныхъ напитковъ, что, разумѣется, ни одинъ христіанинъ не ставилъ и не поставитъ имъ въ какой нибудь моральный недочетъ. Тѣмъ не менѣе въ общенародной экономіи мусульманами сберегается до 70.000.000. Государственной кассѣ совершенно безразлично, вслѣдствіе какихъ побужденій плательщиковъ она недополучаетъ тѣхъ или иныхъ суммъ. Государственной кассѣ лишь необходимо сообразовать свои платежи съ суммами полученій. Соображаясь съ такой необходимостью, государственная касса поступила бы въ высшей степени неосторожно, если бы, недополучая съ мусульманскаго населенія (не пьющаго вина, подразумѣвается) 10.000.000. р., расходовала бы въ то же время суммы, получаемыя съ крестьянскаго населенія на нужды мусульманства“. (Аплодисменты). Теперь, граждане, вы, я думаю, ясно видите, каковы государственныя соображенія. Государственныя соображенія, въ данномъ случаѣ, сводятся къ слѣдующему: если ты пьешь много водки и приносишь государству доходъ, то ты въ правѣ получить 7,3 к. на твою душу (смѣхъ, аплодисменты), на народное образованіе. Если же тебѣ Аллахъ и Коранъ воспрещаютъ пить водку, то тогда ужъ не разсчитывай на субсидію отъ государства на образованіе твоихъ дѣтей. (Аплодисменты). Граждане, я привелъ вамъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ, для выясненія той государственной точки зрѣнія, во имя которой здѣсь проповѣдывалась идея утвержденія бюджета и возможно скораго его здѣсь обсужденія. Какъ вы помните, министръ финансовъ въ началѣ своей рѣчи прямо говорилъ намъ, что Дума должна разсмотрѣть бюжетъ поскорѣе, ибо это дѣло исключительной срочности, оно должно быть поставлено

внѣ всякихъ очередей: этого требуютъ, сказалъ онъ, самые насущные интересы всего государства, такъ же, какъ и нужды всего населенія. Затѣмъ, онъ прибавилъ: конечно, если бы Дума замедлила и не утвердила бюджетъ, то государство имѣетъ достаточно законныхъ способовъ удовлетворить свои нужды, и предлагаетъ оно намъ бюджетъ въ силу особыхъ соображеній высшаго порядка. Я думаю, что эти соображенія министра очень просты, я увѣряюсь въ справедливости моихъ предположеній относительно ихъ, когда я вспоминаю, какъ часто выступалъ здѣсь министръ финансовъ и какъ стремился онъ сейчасъ опровергнуть всякое, по его мнѣнію, неправильное освѣщеніе финансовой дѣятельности. Мнѣ кажется, что эти высшія соображенія сводятся къ желанію, чтобы Дума возможно скорѣе своимъ авторитетомъ санкціонировала теперешнюю финансовую дѣятельность правительства и дала ему возможность вести эту политику въ такомъ же духѣ и, въ частности, возможность болѣе легкаго устроенія новаго займа на Западѣ. Но я замѣчаю, опять-таки, противорѣчіе между этимъ заявленіемъ министра финансовъ и тѣмъ недавнимъ его заявленіемъ, которое онъ, опять-таки, сдѣлалъ въ томъ же знаменитомъ совѣщаніи о судостроительной программѣ. Такъ, онъ говорилъ слѣдующее: „мы, говорилъ онъ, совсѣмъ не въ положеніи англійскихъ лордовъ; когда тѣ рѣшаютъ,—они знаютъ, что за ними палата и король, знаютъ, что страна дастъ имъ деньги, а соотвѣтствующее учрежденіе выполнитъ для этого лишь необходимыя формальности. Мы же въ другомъ положеніи, мы только временно, до созыва новой Думы, въ положеніи простыхъ исполнителей". Вотъ что говорилъ теперешній министръ финансовъ Коковцовъ 30 сентября 1906 г. Теперь онъ выходитъ и говоритъ намъ здѣсь: „въ сущности, господа, мы имѣемъ достаточно законныхъ способовъ удовлетворить свои финансовыя требованія, требованія своего бюджета, даже, если мы не получимъ на это санкціи Думы". Я думаю, опять-таки, что министръ финансовъ съ точки зрѣнія интересовъ народа былъ болѣе правъ 30 сентября 1906 г., чѣмъ 20 марта 1907 г., и очень жаль, что онъ отказался отъ своей прежней точки зрѣнія.

Въ офиціозной газетѣ „Россія" отношеніе между правительствомъ и народнымъ представительствомъ по вопросу о бюджетѣ характеризовалось, кажется, слѣдующимъ образомъ: правительству нужна новая шляпа, и оно обращается къ Думѣ съ предложеніемъ дать ему деньги на покупку новой шляпы. Если, говоритъ, не дадутъ, то мы надѣнемъ свою старую шляпу и скажемъ „до свиданія". Вотъ я нахожу, что такая постановка вопроса бюджета въ отношеніяхъ между Думой и правительствомъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. На эту сторону, граждане, мы должны обратить болѣе усиленное вниманіе, чѣмъ на общее содержаніе финансовой политики прави-

тельства, чѣмъ на тотъ групповой характеръ, даже не классовый, а узко групповой характеръ, который эта политика носитъ.

Въ органѣ англійскихъ биржевиковъ, въ журналѣ „Экономистъ“, отъ 28 іюля 1906 г. сообщалось, что русское правительство наканунѣ извѣстнаго апрѣльскаго займа опредѣленно обязалось передъ западными капиталистами, что русскіе финансы будутъ подчинены надзору представительнаго учрежденія и что ни одинъ заемъ не будетъ болѣе произведенъ безъ санкціи Думы. И вотъ, когда послѣ этого произошло событіе, именуемое роспускомъ первой Думы, органъ англійскихъ биржевиковъ сказалъ, что роспускъ русскаго парламента есть актъ вѣроломства (голосъ справа: „ого“). Это было дословное выраженіе органа англійскихъ биржевиковъ. Вотъ какъ люди умѣренные, люди солидные, не какіе нибудь революціонеры, а солидные биржевые дѣльцы относятся къ тѣмъ отношеніямъ, какія существуютъ между русской государственной властью и русскимъ народнымъ представительствомъ. Мы знаемъ, что правительство, какъ правилами 8 марта прошлаго года, такъ и позже опубликованными основными законами сумѣло совершенно обезпечить себя отъ какой бы то ни было возможности дѣйствительнаго контроля со стороны народныхъ представителей за своей финансовой дѣятельностью. Мы знаемъ...

Пуришкевичъ (Бессарабск. губ.). Господинъ Предсѣдатель...

Гр. Бобринскій (Кіевск. губ.). Здѣсь говорилось про вѣроломство. Это оскорбленіе Величества. Мы уходимъ, мы не желаемъ слушать, вы говорите намъ о примѣненіи 38 статьи, а сами позволяете здѣсь оскорбленіе Величества (Пуришкевичъ, гр. Бобринскій, Крупенскій и нѣкоторые другіе, изъ сидящихъ на право, уходятъ).

Крупенскій (Бессарабская губ.) (выходя изъ залы). Государственная Дума роспускается по указу Государя Императора, а не по указу правительства!

Алексинскій (г. С.-Петербургъ). Граждане...

Предсѣдатель. Господа, позвольте заявить всѣмъ членамъ Думы, которымъ угодно уходить изъ залы засѣданія, что имъ это не возбраняется, и позвольте заявить, что членъ Думы Алексинскій прочиталъ здѣсь то, что было напечатано въ иностранныхъ газетахъ, а своей критики не дѣлалъ. (Аплодисменты).

Алексинскій (г. С.-Петербургъ). Мало этого, я прочиталъ цитату изъ книги, вышедшей въ г. Петербургѣ, изданія петербургскаго книгоиздательства и, вѣроятно, цензора усмотрѣли бы при тщательномъ отношеніи къ литературѣ, при болѣе тщательномъ и при болѣе опытномъ, чѣмъ Пуришкевичъ, они усмотрѣли бы, если бы тамъ было что нибудь преступное и недопустимое. Такъ вотъ я говорю: основные законы, какъ выразилась та же офиціозная газета

„Россія", „бронировали" русскій бюджетъ, они бронировали его, они защитили его самой крѣпкой броней противъ всякихъ покушеній со стороны народнаго представительства. Мы знаемъ, что по основнымъ законамъ не подлежатъ исключеніямъ или сокращеніямъ назначенія на платежи по государственнымъ долгамъ и по другимъ принятымъ на себя государственнымъ обязательствамъ. Мы знаемъ, что расходы по министерству Императорскаго Двора тоже не подлежатъ такимъ сокращеніямъ и даже обсужденію. Мы знаемъ, что не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы или расходы, которые внесены на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній и Высочайшихъ повелѣній, и мы знаемъ, что всѣ крупные доходы и расходы собираются и дѣлаются на основаніи именно такихъ законовъ, положеній, статей, росписаній и штатовъ. Мы знаемъ дальше, что если бы народное представительство отказало въ утвержденіи бюджета, то у правительства есть статьи закона, которыя даютъ ему возможность пользоваться народными доходами и производить расходы за счетъ народныхъ средствъ и совершенно игнорировать и отбрасывать въ сторону волю народныхъ представителей. Мы знаемъ, что чрезвычайный кредитъ на военные займы опредѣляется въ порядкѣ верховнаго управленія,—на тѣ военные займы, которые играютъ громадную роль въ россійскомъ бюджетѣ, точно также не подлежатъ вѣдѣнію русскаго народнаго представительства. Зная все это, мы должны сказать откровенно: мы, члены Государственной Думы, въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о томъ, сколько нужно брать денегъ съ народа и на что ихъ нужно тратить, мы не что иное, какъ круглый нуль, мы должны прямо и открыто заявить объ этомъ предъ лицомъ народа. Мы должны сказать ему: великій народъ, ты послалъ насъ добиться того, чтобы съ тебя не брали такъ много, какъ берутъ, чтобы ты могъ освободиться отъ той бездны нищеты, въ которую ты ввергнутъ, но мы этого сдѣлать не можемъ, такъ какъ имѣется бронированный бюджетъ, который, конечно, не будетъ поколебленъ рѣчами ораторовъ, который, можетъ быть, поколебленъ лишь дѣйствительнымъ проявленіемъ воли самого народа. Мы должны сказать объ этомъ предъ лицомъ не только русскаго народа, но и всего міра, сказать это совершенно открыто и честно (аплодисменты лѣвой и центра), ибо если бы мы скрыли это, мы не были бы народными представителями: скрывающіе истинное положеніе вещей отъ народа не имѣютъ права называться представителями этого народа. Вотъ, почему я нахожу весьма крупной ошибкой тѣ заявленія, которыя дѣлались здѣсь представителями нашего либеральнаго центра, тѣ заявленія, которыя дѣлались здѣсь Кутлеромъ и Струве: „мы, какъ выразился Струве, понимаемъ, что бюджетъ не есть поле политической борьбы, но мы не смѣшиваемъ такую борьбу со случайностями,

не имѣющими результатомъ демонстрацію". „Не имѣющими результатомъ демонстрацію" Струве называетъ, очевидно, отказъ въ утвержденіи бюджета, тотъ отказъ, который есть наша обязанность, если мы не хотимъ расписаться подъ этими цифрами, которыя суть не просто цифры, а знаки оплаты народнаго пота и народной крови. (Аплодисменты слѣва). Мы должны дѣйствовать, говорилъ господинъ Струве, въ рамкахъ дѣйствующаго бюджетнаго права, но самъ сознался въ томъ, что въ этихъ рамкахъ можно только смотрѣть на правую сторону бюджетной росписи, на титлы и параграфы, и сличать ихъ съ лѣвой стороной, гдѣ есть суммы и ассигновки, и смотрѣть, соотвѣтствуетъ ли ассигновка тому параграфу, на основаніи котораго она помѣщена. Это ли дѣло народнаго представительства, это ли его бюджетное право? Это иронія, пустая игра въ отправленіе бюджетныхъ обязанностей. Очень можетъ быть, что большинство Думы станетъ на точку зрѣнія представителей партіи народной свободы, очень можетъ быть, что оно будетъ дѣятельно сличать титлы съ параграфами и обратно. Очень можетъ быть, что оно вполнѣ добросовѣстно это сдѣлаетъ. Весьма вѣроятно, что оно найдетъ въ цѣломъ рядѣ титловъ несоотвѣтствіе съ параграфами и въ цѣломъ рядѣ параграфовъ несоотвѣтствіе со смѣтными назначеніями. Но я думаю, что врядъ ли это будетъ работой продуктивной. Максимумъ того, что они могли сдѣлать—они уже сдѣлали. Что же было сдѣлано ими? Что было сдѣлано тѣми же господами Кутлеромъ и Струве? Они указывали на то, что на Штутгардтскую миссію тратится столько-то тысячъ рублей въ годъ и что дана прибавка управляющему цензурой и еще кому то... и т. д. Но развѣ при двухмилліардномъ бюджетѣ объ этомъ приходится говорить? Развѣ народные представители могутъ утѣшиться тѣмъ, что подмѣтятъ какого-нибудь генерала отъ инфантеріи, получающаго на три тысячи больше, чѣмъ ему полагается по штату? Развѣ это дѣло? Дѣло въ томъ, чтобы произвести общую критику всей финансовой дѣятельности правительства, всего бюджета въ его цѣломъ, произвести эту критику прямо и открыто, указать на то, что вся финансовая политика окрашивается тѣмъ характеромъ, которымъ вообще окрашивается вся внѣшняя и внутренняя дѣятельность россійскаго государства. Показать передъ всѣмъ народомъ, показать это передъ всѣмъ міромъ, показать это западно-европейскому капиталу—вотъ въ чемъ дѣло. И вотъ, исходя изъ всего этого, мы, соціалъ-демократы, полагаемъ, что наилучшая тактика наша не та, которую предлагаютъ здѣсь члены конституціонно-демократической партіи Кутлеръ и Струве, что ихъ тактика сводится къ пустому времяпрепровожденію и объясняется лишь желаніемъ заключить, хотя бы и на невыгодныхъ для народа условіяхъ, соглашеніе со старымъ порядкомъ. (Аплодисменты). Они гово-

рили здѣсь, т. е. господинъ Струве говорилъ здѣсь: „мы ведемъ осаду стараго порядка“. Но развѣ осаду стараго порядка ведутъ путемъ сличенія параграфовъ со смѣтными назначеніями? Господинъ Струве опытный человѣкъ, у него очень долгій политическій опытъ, онъ знаетъ, какъ хорошо бюрократія умѣетъ отписываться и какъ хорошо она умѣетъ приводить нужныя формальныя основанія для того, чтобы опровергнуть всѣ существенныя обвиненія, выставляемыя противъ нея отъ лица народа. Во вчерашнемъ нумерѣ „Рѣчи“, кадетской газеты, было выражено удовольствіе, что началась „серіозная и основательная критика общаго основанія бюджета и бюджетныхъ правъ“, и что эта критика встрѣтилась съ „готовностью министерства уступить и столковаться“. Мнѣ кажется, что это впечатлѣніе слишкомъ радужное. Есть латинская пословица „чего хотимъ, тому охотно вѣримъ“. Мнѣ кажется, что представители конституціонно-демократической партіи слишкомъ хотятъ уступокъ отъ правительства и видятъ уступки тамъ, гдѣ имъ отвѣчаютъ рѣшительнымъ „нѣтъ“. Министръ финансовъ отвѣтилъ рѣшительно, что если Дума откажетъ или замедлитъ утвердить бюджетъ, то онъ все равно обезпечитъ расходы за счетъ народа, а господа члены конституціонно-демократической партіи находятъ серіозную готовность уступить и столковаться. Мнѣ кажется, это не болѣе, какъ пріятный для членовъ, представителей конституціонно-демократической партіи, самообманъ, который будетъ весьма непріятнымъ обманомъ для широкихъ народныхъ массъ. Вотъ почему я, отъ имени соціалъ-демократической фракціи, и предлагаю другую тактику. Я полагаю, что на основаніи, какъ общаго характера финансовой правительственной политики, такъ и на основаніи тѣхъ бюджетныхъ правъ, которыя дѣлаютъ правительство бронированнымъ, а Думу совершенно беззащитной, нагой, и, я сказалъ бы, смѣшной передъ этимъ бронированнымъ бюджетомъ;—принимая все это во вниманіе, мы должны предложить Думѣ совершенно иную тактику, тактику не разсмотрѣнія Думою бюджета въ комиссіи, а отверженія его немедленно. По порученію соціалъ-демократической фракціи предлагаю Государственной Думѣ принять нижеслѣдующую резолюцію по вопросу о порядкѣ разсмотрѣнія росписи на 1907 годъ (читаетъ):

„Принимая во вниманіе, что 1) представленный Государственной Думѣ бюджетъ является воплощеніемъ той системы государственнаго хозяйства, которая въ теченіе десятковъ лѣтъ разрушала производительныя силы страны и довела народныя массы до состоянія нищеты и хроническаго голода;

2) что подавляющая часть собираемыхъ съ народа доходовъ извлекается путемъ обложенія почти всѣхъ предметовъ широкаго народнаго потребленія чудовищно высокими косвенными налогами и

таможенными пошлинами и путемъ спаиванія населенія казенной водкой, и что, такимъ образомъ все бремя налоговъ и платежей падаетъ на неимущіе слои (городского и сельскаго) населенія;

3) что расходованіе собранныхъ съ народа средствъ идетъ преимущественно на поддержаніе самодержавно-бюрократическаго порядка, на борьбу съ народомъ, поднявшимся для завоеванія свободы, и на содержаніе кучки чиновныхъ паразитовъ, безконтрольно распоряжающихся народнымъ достояніемъ;

4) принимая далѣе во вниманіе, что правила 8 марта и основные законы лишаютъ Государственную Думу всякой возможности фактически контролировать расходованіе народныхъ средствъ и существенно измѣнить представленную роспись, что, при такихъ условіяхъ, представляя ее на разсмотрѣніе Думы, правительство имѣетъ цѣлью лишь прикрыть авторитетомъ народнаго представительства свое разорительное для страны хозяйничаніе и возстановить свой кредитъ на Западѣ, чтобы получить средства для дальнѣйшей борьбы съ народомъ,—

Государственная Дума, не желая брать на себя отвѣтственность за финансовую политику правительства, отказываетъ въ утвержденіи росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1907 годъ безъ передачи ея въ комиссію".

Граждане, я думаю, что путь, предлагаемый нами, наиболѣе правиленъ. Я долженъ сказать, что у насъ, представителей соціалъ-демократіи, существуетъ принципіально отрицательное отношеніе ко всѣмъ бюджетамъ всякихъ классовыхъ государствъ. Мы говоримъ, что бюджетъ того государства, которое содержитъ постоянную армію, судъ и полицію, какъ орудіе угнетенія народа, не можетъ вотироваться соціалъ-демократіей, но эту резолюцію мы считаемъ безусловно пріемлемой не только для соціалъ-демократіи, но и для всѣхъ истинныхъ демократовъ и для всѣхъ истинныхъ представителей народа. Эта резолюція отказываетъ въ утвержденіи бюджета правительству безотвѣтственному, правительству, истощившему народъ, правительству, представитель котораго удивляется тому, что, слава Богу, съ шестьдесятъ перваго года говорятъ о томъ, что послѣдняя копѣйка изъ кармана народа высасывается казной, а все эта копѣйка не истощается, отказываетъ тому правительству, которое довело Россію до хроническихъ голодовокъ, которое, отнимая послѣднюю копѣйку, сдѣлало то, что голодомъ поражены 33 губерніи! Я думаю, что этому безотвѣтственному правительству, принесшему столько вреда народу, не только соціалъ-демократы, не только представители пролетаріата, но и всѣ послѣдовательные демократы, въ особенности представители интересовъ обнищавшаго крестьянства, должны отказать въ кредитѣ. Если дадутъ кредитъ, дадутъ ему возможность

снова удержаться на прежней позиціи угнетенія и порабощенія народа, воспособленія небольшой кучкѣ чиновныхъ эксплоататоровъ, паразитовъ, живущихъ трудами и на счетъ того же самаго народа. Я думаю, что отказъ въ бюджетѣ Государственной Думой является ея священною обязанностью. Если Дума не выполнитъ этой обязанности, тогда, мнѣ кажется, будетъ результатъ этихъ уступокъ печаленъ не только для народа, но и для нея самой. (Аплодисменты слѣва).

2. Зурабовъ (г. Тифлисъ). Господа народные представители, почти всѣ ораторы, говорившіе по вопросу о бюджетѣ, высказывались о бюджетныхъ правахъ Государственной Думы. Присоединяясь вполнѣ къ тому, что было сказано моимъ товарищемъ по партіи Алексинскимъ по вопросу о бюджетномъ безправіи Государственной Думы, я долженъ замѣтить, что каждый изъ насъ, сознавая это, стоялъ передъ вопросомъ: какія конкретныя, ближайшія, непосредственныя цѣли преслѣдовало правительство, когда вносило свой бюджетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Государственной Думы? Меня не интересуютъ соображенія чисто формальнаго свойства, соображенія, по которымъ правительство обязано было внести бюджетъ на утвержденіе Государственной Думы; меня интересуетъ вопросъ по существу, такъ какъ мнѣ кажется, что, если мы точно установимъ ту ближайшую цѣль, которую преслѣдуетъ правительство въ этомъ вопросѣ, мы можемъ установить также свое отношеніе къ вопросу о томъ, какое направленіе дать этому бюджету. Я тщетно искалъ отвѣта на этотъ вопросъ въ томъ ворохѣ бумагъ, который, по недоразумѣнію, называется на языкѣ правительства бюджетомъ. Я также тщетно искалъ отвѣта на этотъ вопросъ въ объяснительной запискѣ къ этому бюджету. Но министръ финансовъ въ своей первой рѣчи далъ прямой опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ: „разсмотрѣніе бюджета, — говоритъ министръ финансовъ, — есть дѣло исключительной срочности, не допускающее ни малѣйшаго промедленія; его нельзя поставить въ общую очередь и исполнять по мѣрѣ представляющагося досуга; онъ долженъ быть поставленъ внѣ всякой очереди; этого требуютъ самые насущные интересы всего государства, также и нужды всего населенія. И вовсе не потому, что безъ утвержденія внесенной мною мѣсяцъ тому назадъ государственной росписи трудно своевременно выполнить тѣ или иные расходы, такой трудности на самомъ дѣлѣ въ настоящее время не существуетъ, ибо въ распоряженіи правительства имѣются всѣ необходимые законные къ тому способы“. Это означаетъ, что въ бюджетномъ вопросѣ у правительства существуютъ двѣ законности: одна законность, по которой бюджетъ вносится на разсмотрѣніе и утвержденіе Государственной Думы, а другая законность, извѣстная самому

правительству, по которой оно можетъ производить расходы безъ Государственной Думы. Далѣе министръ финансовъ говоритъ слѣдующее: „обращаю ваше вниманіе, на какіе именно расходы намъ не хватаетъ средствъ—подчеркиваю еще разъ, обыкновенныхъ средствъ;—ихъ не хватаетъ у насъ на ликвидацію послѣдней войны, на продовольственную помощь страдающему отъ недорода населенію, на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ“. Слѣдовательно, есть три статьи расходовъ, для удовлетворенія которыхъ у правительства нѣтъ денегъ, а такъ какъ эти статьи поставлены въ чрезвычайные расходы, то самъ министръ финансовъ далѣе говоритъ, что необходимъ для правительства заемъ для удовлетворенія этихъ расходовъ. Такимъ образомъ ближайшею непосредственною цѣлью, которую преслѣдуетъ правительство, внося бюджетъ, служитъ то, что у правительства нѣтъ денегъ, по крайней мѣрѣ, для трехъ статей расходовъ, и необходимо, чтобы Государственная Дума, подписавшись подъ бюджетомъ, разрѣшила правительству получить заемъ. Товарищъ мой по партіи Алексинскій въ своей рѣчи коснулся того, какъ расходуются тѣ деньги, которыя собираются съ народа, я постараюсь коснуться другой стороны вопроса—вопроса о томъ, какъ собираются народныя деньги. Дѣло въ томъ, что между государственнымъ хозяйствомъ нашимъ и государственнымъ хозяйствомъ любого западно-европейскаго конституціоннаго государства разница заключается въ томъ, что въ то время, какъ въ европейскихъ государствахъ исчисляются сперва необходимѣйшія статьи расхода, а затѣмъ уже изыскиваются источники для дохода, или же измѣняются существующіе источники, у насъ правительство поступаетъ какъ разъ наоборотъ: оно беретъ съ населенія все, что оно можетъ въ данный моментъ взять и, получивши суммы, впослѣдствіи уже правительство распредѣляетъ ихъ по статьямъ расхода. Министръ финансовъ намъ говорилъ, что въ этомъ году при исчисленіи доходовъ было принято во вниманіе все положеніе страны, была принята злополучная смута, также недородъ, ликвидація войны и т. д. и т. д. и что уменьшены сообразно съ этимъ нѣкоторыя статьи доходовъ. Вопросъ не въ томъ, какъ правительство опредѣляло максимумъ того, что можетъ получить, вопросъ въ томъ, что въ каждый моментъ правительство беретъ у населенія максимумъ того, что можетъ оно дать, скажу больше, даже переходитъ за предѣлы этого максимума. Такъ, напримѣръ, министръ финансовъ, съ этой трибуны говоря о росписи, не поставилъ вопроса, какимъ это образомъ въ то время, какъ въ странѣ многомилліонное крестьянство пухнетъ отъ голода, когда оно вырождается, въ то время, когда безработица свирѣпствуетъ въ странѣ, сотни тысячъ людей выброшены на улицу, какъ это случилось, что наше государственное хозяйство могло предположить,

что сведетъ свой бюджетный годъ въ 2.000.000.000 р. Этого вопроса министръ финансовъ не коснулся, а именно въ этомъ и лежитъ основное зло, именно это и характеризуетъ наше государственное хозяйство, что оно является по отношенію къ населенію полновластнымъ хозяиномъ, оно устанавливаетъ отношеніе къ населенію такое же, какое можно усмотрѣть только въ древнемъ мірѣ—отношеніе рабовладѣльцевъ къ своимъ рабамъ.. Подобно тому, какъ рабы не имѣли права пользоваться частною собственностью, подобно этому наше правительство беретъ отъ населенія все, положительно все, даже больше того, что можно отъ него взять. Министръ финансовъ иронически замѣтилъ, что уже полвѣка говорятъ о послѣдней копейкѣ, но, тѣмъ не менѣе у крестьянъ, видите ли, эта послѣдняя копейка изъ кармана не исчезаетъ. Очевидно, министръ финансовъ оптимистъ большой руки, онъ еще разсчитываетъ добраться и до этой послѣдней копейки. Министръ финансовъ въ своей объяснительной запискѣ говоритъ слѣдующее: „какъ видно изъ таблицъ значительный доходъ предположенъ отъ двухъ крупнѣйшихъ операцій, а именно—казенная винная операція и эксплоатація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, это составляетъ въ общемъ 53,4% Затѣмъ идутъ косвенные налоги—21% и такимъ образомъ распредѣляется дальше. Въ концѣ концовъ прямое обложеніе составляетъ только 7%. Министръ финансовъ заключаетъ эти слова слѣдующимъ образомъ: „въ этихъ цифрахъ обрисовывается характеръ нашего доходнаго бюджета, въ которомъ прямые налоги и въ числѣ ихъ подати имѣютъ второстепенное значеніе.

Въ то время, господа, какъ въ Западной Европѣ стараются перейти отъ косвеннаго обложенія къ прямому и подоходному, у насъ замѣчается совершенно обратное явленіе —у насъ отъ прямого обложенія переходили сперва къ косвенному, а впослѣдствіи, когда ни того ни другого не хватало для удовлетворенія жадныхъ аппетитовъ казны, тогда правительство пускалось на различныя операціи. Еще съ середины 80-хъ годовъ замѣчается тенденція перейти отъ прямого обложенія къ косвенному. Когда въ началѣ 60-хъ годовъ крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости, когда лучшая земля была передана помѣщикамъ, когда крестьянство стало прираззоряться все больше и больше, когда начали проявляться признаки того, что крестьянское населеніе не можетъ выносить податного бремени, когда появилась необходимость оплачивать нашу блестящую побѣду въ русско-турецкой кампаніи,—тогда правительство, видя, что прямое обложеніе невозможно развить дальше, переходитъ къ косвенному обложенію. Но уже въ серединѣ 90-хъ годовъ правительство замѣчаетъ, что косвенное обложеніе не достигаетъ цѣли, что нѣтъ возможности взять съ населенія столько, чтобы удовлетво-

рить всѣ расходы, которые считаются необходимыми съ точки зрѣнія самодержавнаго правительства. И вотъ тогда министръ финансовъ сдѣлалъ въ Государственномъ Совѣтѣ слѣдующее характерное заявленіе: „министръ финансовъ долженъ засвидѣтельствовать передъ общимъ собраніемъ Государственнаго Совѣта, что въ настоящее время обложеніе населенія прямыми и косвенными налогами достигло крайняго предѣла своей напряженности. Дальнѣйшее обремененіе податныхъ силъ являлось бы мѣрой не только не производительной, но едва ли даже допустимой при существующемъ экономическомъ положеніи страны. Задачи разумной финансовой политики должны быть нынѣ направлены въ сторону изысканія способовъ постепеннаго облегченія податного бремени“. Я думаю, что нынѣшній министръ финансовъ, по всей вѣроятности, помнитъ эти слова своего предшественника, а если онъ забылъ и только теперь вспомнитъ, то, можетъ быть, объявитъ, что онъ ошибался, когда говорилъ о послѣдней копейкѣ крестьянина. Но правительство не пошло на то, чтобы облегчить податное бремя населенія; оно придумало новыя средства, новые источники для изысканія доходовъ.

Однимъ изъ этихъ источниковъ и была знаменитая винная монополія. Перейдя въ сферу такихъ операцій, какъ винная монополія, правительство тѣмъ самымъ заявляло, что оно находится наканунѣ финансоваго краха. Намъ, господа, часто приходится слышать отъ различныхъ агентовъ правительства, что основы частной собственности должны быть священны. Но это буржуазное право частной собственности примѣняется правительствомъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Когда вопросъ касается широкихъ слоевъ населенія, тогда правительство забываетъ объ этомъ правѣ. Вводя винную монополію, правительство однимъ взмахомъ пера экспропріировало 100 тысячъ кабатчиковъ. Это есть экспропріація, господа, одного большого губернскаго города. Но правительство на этомъ не остановилось. Оно съ легкой душой экспропріировало также земства и крестьянскія общества. По исчисленіямъ нѣкоторыхъ финансистовъ, эта экспропріація колеблется между 40—80 милліонами рублей. Если вы примите во вниманіе, что крестьянскія общества всѣ эти средства тратили на свои культурныя и просвѣтительныя нужды, то станетъ ясно, какой сильный ударъ нанесло правительство введеніемъ винной монополіи благосостоянію крестьянскаго сословія. Здѣсь, съ этой трибуны, предсѣдатель Совѣта Министровъ говорилъ, что будто бы единственное, что мы можемъ сказать правительству—это „руки вверхъ“. Но что же это такое, господа, эта экспропріація, какъ не требованіе „руки вверхъ“? Но какое осторожное, какое внимательное и деликатное отношеніе проявляетъ въ то же время то же самое правительство, когда вопросъ касается интересовъ кучки капиталистовъ и помѣщиковъ-землевладѣль-

цевъ. Экспропріируя населеніе введеніемъ винной монополіи, самодержавное правительство отнеслось, однако, очень нѣжно къ интересамъ кучки феодаловъ. Оно пошло навстрѣчу имъ. Такъ какъ они теряли при этой винной монополіи нѣкоторыя свои права, то правительство пошло имъ навстрѣчу и постаралось эти убытки вознаградить. До сихъ поръ еще въ бюджетѣ за 1907 г. вы встрѣтите рубрику по беспропинаціонному праву; по этому праву получаютъ нѣкоторые Бессарабскіе господа, также и изъ Западнаго края и изъ Прибалтійскаго края возмѣщеніе за „убытки", понесенные ими введеніемъ винной монополіи. По бюджету имъ отпущено въ этомъ году 12 милліоновъ рублей. Нѣкоторыя губерніи, въ томъ числѣ Тверская губернія, ходатайствовали передъ правительствомъ, чтобы оно не вводило винной монополіи, но правительство неуклонно преслѣдовало свои личные интересы и отказало этимъ губерніямъ. Параллельно съ этимъ, крупные винодѣлы Закавказья, среди которыхъ можно встрѣтить очень много извѣстныхъ именъ, сумѣли въ Государственномъ Совѣтѣ отстоять свои собственныя права. Они сумѣли настоять на томъ, чтобы правительство въ Закавказьѣ не вводило винной монополіи. Далѣе министръ финансовъ съ этой трибуны говорилъ намъ, что цѣна на спиртъ должна была подняться совершенно естественно, потому что продуктъ, изъ котораго перегоняется спиртъ, т. е. хлѣбъ поднялся въ своей цѣнѣ. На другой день, спохватившись, тотъ же министръ финансовъ объявляетъ, что поставка казнѣ спирта была разверстана среди винокуровъ. Но онъ забылъ дополнить это, и вотъ я постараюсь сдѣлать это вмѣсто него. Дѣйствительно, въ 1903 г. въ Государственномъ Совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы поставка спирта для казны была передана съ торговъ. Это предложеніе было поддержано, между прочимъ, государственнымъ контролеромъ Лобко, но большинство членовъ Государственнаго Совѣта въ концѣ концовъ настояло на томъ, чтобы весь этотъ спиртъ былъ разверстанъ среди тѣхъ же винокуровъ. Намъ министръ финансовъ говорилъ, что ничего не подѣлаешь; дѣйствительно, цѣны на спиртъ поднимаются, такъ что при 11 р. за ведро спиртъ стоитъ втрое дороже, чѣмъ въ Пруссіи, въ странѣ, которая тоже производитъ спиртъ, но что правительство все-таки же ведетъ борьбу противъ алчныхъ аппетитовъ винокуровъ. Членъ государственной Думы Кутлеръ совершенно правильно ему на это возразилъ, что, дѣйствительно, хотя борьба ведется, но эта борьба ни къ чему положительному не приводитъ. Да оно понятно, разъ правительство передало въ руки винокуровъ всю судьбу продажи вина и тѣмъ самымъ связало съ ними судьбу всего населенія. Какимъ же образомъ послѣ этого разсчитывало правительство вести успѣшно борьбу съ винокурами? Благодаря вздорожанію цѣнъ на спиртъ и благодаря тому, что населеніе было разорено,

потребности потребленія спиртныхъ напитковъ остаются на томъ же уровнѣ, и населенію приходится заниматься тайнымъ винокуреніемъ, ему приходится потреблять вино съ вредными суррогатами. Правительство, когда вводило винную монополію, не объявило открыто, что оно вводитъ ее потому, что ни прямыми, ни косвенными обложеніями нельзя съ населенія взять ничего; наоборотъ, оно, прикрывшись тогой добродѣтели, объявило, что вводитъ винную монополію въ цѣляхъ,— дѣлаю выдержки изъ офиціальнаго документа,—борьбы съ вредными сторонами питейнаго дѣла, въ интерессахъ поддержанія „доброй нравственности", предупрежденія „экономическаго упадка" населенія и охраны „народнаго здравія". Было бы, разумѣется, смѣшно относиться сколько-нибудь серьезно къ этому документу. Бороться крѣпкими спиртными напитками для поддержанія доброй нравственности! Да вѣдь это прямая насмѣшка, господа. Бороться введеніемъ винной монополіи противъ экономическаго упадка! Да вѣдь это вызоветъ улыбку у любого экономиста или финансиста. Какъ будто наше хозяйство народное ожидало, что правительство введеніемъ винной монополіи, распространеніемъ кабачковъ по всей странѣ сумѣетъ это народное хозяйство вывести на дѣйствительный путь правильнаго развитія! Но, однако, не только дѣйствія правительства, но даже заявленія его клонились къ совершенно противоположной цѣли. Винная монополія сперва введена была въ тѣхъ четырехъ губерніяхъ, въ которыхъ замѣчалось наименьшее количество потребленія вина. Кромѣ того, самъ юбилейный вѣстникъ министерства финансовъ сознается, что всѣ министры финансовъ были рѣшительно противъ уменьшенія количества потребленія вина, потому что ясно—съ уменьшеніемъ количества потребленія вина уменьшатся рессурсы казны, такъ какъ цѣлая треть государственныхъ доходовъ, какъ мы видимъ изъ настоящаго бюджета, составляется изъ винной монополіи. Я еще напомню вамъ знаменитый секретный циркуляръ Витте въ 90-хъ годахъ, когда онъ указывалъ подлежащимъ властямъ на то, что вино потребляется въ меньшемъ, чѣмъ слѣдуетъ, количествѣ. Но я былъ бы несправедливъ по отношенію къ нашему правительству, если бы не указалъ на одно мѣропріятіе, которое дѣйствительно было, какъ будто, назначено для „поддержанія доброй нравственности". Это мѣропріятіе заключается въ знаменитомъ законѣ, изданномъ въ 1900 г., который грозитъ арестомъ до двухъ недѣль или штрафомъ до 50 р. „за участіе въ сборищахъ для публичнаго распитія крѣпкихъ напитковъ". Я не знаю, исторія умалчиваетъ,—много ли штрафовъ поступило въ казну отъ публичнаго распитія вина въ ресторанахъ „Кюба" и „Медвѣдь"?

Такимъ образомъ, винная монополія была введена правительствомъ, потому что ни прямыя, ни косвенныя обложенія, ни въ глубь, ни въ ширь распространять больше было невозможно. Цѣль, которую

преслѣдовала винная монополія—это полученіе прибыли и раздѣленіе этой прибыли между казной и крупными винокурами. Въ результатѣ же введенія винной монополіи мы замѣчаемъ, вмѣсто поддержанія доброй нравственности, развращеніе массъ и пьянство, вмѣсто предупрежденія экономическаго упадка—полное разореніе страны, экспропріацію земствъ, крестьянскихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ и вмѣсто народнаго здравія—заболѣванія на почвѣ хроническаго недоѣданія.

Другая операція, отъ которой, по увѣренію министра финансовъ, должны получиться доходы, это—эксплоатація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Слѣдуетъ замѣтить, что казенныя желѣзныя дороги у насъ приносили большей частью убытокъ. Отъ 1885 г. по 1894 г. уплачено было 63.000.000 р.; съ 1900 г. возобновляются новыя приплаты казны, и эти приплаты все время возрастаютъ. Такъ, напримѣръ, министръ финансовъ въ 1903 г. сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: въ настоящемъ году она составляетъ 2.600.000 р., но въ 1901 г., по предварительнымъ свѣдѣніямъ государственнаго контроля, достигла уже 33.000.000 р., въ 1902 г., по подсчету министерства финансовъ, убытки по желѣзнодорожному хозяйству выразились въ суммѣ около 45.000.000 р., а въ наступающемъ году будетъ не менѣе 50.000.000 р. Если къ этимъ суммамъ присоединить затѣмъ приплату по эксплоатаціи восточно-китайской желѣзной дороги за вторую половину года—9.000.000 р., то общій результатъ желѣзнодорожнаго хозяйства въ 1903 г. выразится въ превышеніи расходовъ надъ доходами въ крупной суммѣ 60.000.000 р. Въ 1904 г. приплата по этой послѣдней дорогѣ удвоится. Въ 1905 г. съ началомъ правильнаго движенія по сѣдлецко-оренбурго-ташкентской вѣтви отъ казны потребуется новая по этимъ линіямъ приплата: по первой—8.000.000 р., по второй—7.000.000 р.,—итого 15.000.000 р. Такимъ образомъ, министръ финансовъ исчисляетъ, что убыточность желѣзнодорожнаго хозяйства можетъ достигнуть черезъ два года 84.000.000 р. Возникаетъ очень любопытный вопросъ: почему же казенныя желѣзныя дороги приносятъ намъ одни только убытки? Намъ министръ финансовъ говорилъ, что есть дороги, которыя имѣютъ только стратегическое значеніе. Ну, положимъ, что это такъ. Но вѣдь есть дороги, которыя не съ стратегической цѣлью строились и не обслуживаютъ только эти цѣли, и съ этихъ дорогъ, тѣмъ не менѣе, кромѣ убытковъ казна ничего не получаетъ. Для того, чтобы знать дѣйствительныя причины, почему мы получаемъ одни убытки, намъ необходимо узнать, при какихъ условіяхъ выкупались эти желѣзныя дороги. Дѣло въ томъ, что при выкупѣ дорогъ казна руководствовалась среднею доходностью за послѣднія пять лѣтъ, при чемъ эта средняя доходность не должна была быть ниже доходности за послѣдній годъ. И вотъ дороги по двойной итальянской бухгалтеріи

вздували эти цѣны и перепродавали казнѣ. Казна даже большей частью забывала, что необходимо снести со счетовъ долги, которые лежатъ на дорогѣ. И что же удивительнаго, что въ результатѣ казна при выкупѣ многихъ дорогъ заплатила въ 14 разъ дороже ихъ дѣйствительной стоимости? Едва ли можно обвинить Мигулина въ какомъ либо пристрастіи къ нашему правительству, а онъ пишетъ, что „курско-харьково-азовская желѣзная дорога, когда была выкуплена, то за нее было передано на восемь съ половиною милліоновъ рублей больше, чѣмъ слѣдовало, и это признаетъ само министерство финансовъ. Произведенъ неправильно также расчетъ съ акціонерами балтійской желѣзной дороги, которымъ было выдано 6.000.000 р. излишку, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы въ уставѣ дороги ошибочно были установлены условія выкупа, выгодныя для казны. Не считаются правильными расчеты съ акціонерами: варшавско-тираспольской, оренбургской, донецкой, орлово-двинско-витебской, фастовской и привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ переплачено совершенно безъ всякихъ мотивовъ, говоритъ Мигулинъ, 2.500.000 р. лишнихъ денегъ акціонерамъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Всего же онъ считаетъ выплаченными безъ всякой нужды до 17.300.000 р. Кромѣ того, продолжаетъ Мигулинъ, съ извѣстнымъ основаніемъ было переплачено до 32.000.000 р., вслѣдствіе ли неправильнаго расчета выкупныхъ суммъ, вслѣдствіе ли неумѣнія опредѣлить акціонерамъ болѣе выгодныя условія досрочнаго выкупа дорогъ. Онъ считаетъ, что на орловскую дорогу потеряно 1.5000.000 р., на донецкую 900.000 р., на орлово-витебскую 2.000.000 р. и двинско-витебскую 2.000.000 р. Въ результатѣ самъ Мигулинъ считаетъ, что казна потеряла на этихъ дорогахъ до 49.000.000 р. Разумѣется, послѣ этого не покажется ни для кого страннымъ, что доходовъ, получаемыхъ желѣзными дорогами, за уплатой поставщикамъ и подрядчикамъ, еле-еле хватаетъ на погашеніе процентовъ на заемъ и не удивительно, что мы ежегодно послѣ этого терпимъ убытки на желѣзныхъ дорогахъ. Но правительству, разумѣется, непріятно каждый разъ получать убытки. Оно для того, собственно, выкупало дороги, чтобы получать доходы, но разъ этихъ доходовъ нѣтъ, то надо непремѣнно ихъ создать, и наше правительство умудряется уменьшать расходы, доводить эти расходы до минимума для того, чтобы можно было устроить балансъ и получать доходъ. Уменьшая расходъ на подвижной составъ, уменьшая расходъ на эксплоатацію дорогъ, тѣмъ самымъ правительство довело желѣзныя дороги до ужаснаго состоянія: на дорогахъ появляются часто залежи, дороги не могутъ развивать необходимой скорости, залежи тормозятъ развитіе народнаго хозяйства, а что касается увѣчій и смертей, то въ этомъ отношеніи мы, слава Богу, занимаемъ первое мѣсто въ Европѣ.

Такимъ образомъ, правительство, занявшись операціей выкупа казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, осталось вѣрно самому себѣ: съ одной стороны, оно перекладываетъ часть этихъ денегъ въ государственную казну, а съ другой стороны, другою частью дѣлится съ кучкой крупныхъ капиталистовъ.

Заслуживаетъ также вниманія лѣсной доходъ. Правительство въ 1881 г. насчитывало доходовъ съ лѣсовъ 14.000.000 р., въ 1907 г. думаетъ получить 54.000.000 р., и эти лѣсные доходы получаются не какъ результатъ правильной, цѣлесообразной лѣсной эксплоатаціи, а наоборотъ, этотъ доходъ получается хищнической вырубкой казенныхъ лѣсовъ. Въ то время, какъ извѣстно намъ, что сѣверная полоса Россіи изобилуетъ лѣсомъ, главный лѣсной доходъ до послѣдняго времени получался съ юга, и, такимъ образомъ, обезлѣсивая югъ, правительство портитъ почвенныя, климатическія условія, и почвенныя, климатическія условія вліяютъ, въ свою очередь, неблагопріятно на сельское хозяйство.

Перехожу къ косвенному обложенію. Едва ли, господа, нужно доказывать, что косвенное обложеніе почти всей своей тяжестью ложится на плечи трудящихся массъ. Но у насъ кромѣ этого, благодаря косвенному обложенію на предметы первѣйшей необходимости, населеніе не можетъ пользоваться этими предметами; такъ напримѣръ: сахарная нормировка, акцизъ на сахаръ—въ 1883 г. былъ 65 к., на 1907 г. этотъ акцизъ поднятъ до 1 р. 75 к. Синдикатъ сахарозаводчиковъ, который существуетъ сейчасъ въ Россіи, не что иное, какъ простая стачка правительства съ кучкой капиталистовъ для ограбленія народа. Поощряя этотъ синдикатъ, правительство развязываетъ ему руки, а онъ, вздувая цѣны на сахаръ на внутреннемъ рынкѣ, дешево сбываетъ этотъ сахаръ за границу. Здѣсь съ этой трибуны говорилось, что англійскія свиньи жирѣютъ на русскомъ сахарѣ въ то время, какъ въ Россіи потребленіе сахара доходитъ только до 10 ф. на человѣка. Но когда русскіе скотоводы узнали, что русскимъ сахаромъ пользуются англійскія свиньи, то они завопили, что правительство покровительствуетъ англійскимъ свиньямъ. И вотъ правительство, идя на помощь нашимъ скотоводамъ, въ видѣ временной мѣры, въ 1902 г. разрѣшило отпускъ продуктовъ сахароваренія по предохранительной денатураціи ихъ на прокормъ скота снятіемъ акциза. И такимъ образомъ русскія свиньи перестали платить акцизъ, а многомилліонное русское населеніе ежегодно штрафуется за потребленіе этого сахара. (Аплодисменты слѣва). Кромѣ того, что получаетъ казна съ этого синдиката, сами сахарозаводчики, въ 1901 г., получили 67% чистой прибыли; на остальные 12 заводовъ приходится въ среднемъ 28%.

Та же самая тенденція правительства брать все, что можно

взять, и частично перекачивать въ карманы помѣщиковъ-землевладѣльцевъ и кучки капиталистовъ-хищниковъ, замѣчается и въ нефтяной промышленности. Какъ извѣстно, керосинъ потребляется въ Россіи въ очень небольшомъ количествѣ. Когда намъ съ правой стороны говорятъ, что крестьянское хозяйство можно поднять путемъ образованія, надо было бы имъ сказать, что слѣдуетъ позаботиться, чтобы крестьянинъ имѣлъ возможность потреблять керосинъ, чтобы онъ имѣлъ возможность просиживать свободное вечернее время и такимъ образомъ поднимать свой образовательный уровень. У насъ въ большинствѣ случаевъ крестьяне или пользуются лучинкой, или принуждены, какъ только наступаютъ сумерки, ложиться спать, но правительство тѣмъ не менѣе поднимаетъ акцизъ: въ 1888 г. нефтяной акцизъ далъ правительству 6.500.000 р., а теперь онъ разсчитанъ на 35.000.000 р. Русскій керосинъ въ Лондонѣ стоитъ 83 к., въ Петербургѣ—1 р. 33 к., въ Варшавѣ—1 р. 29 к., а производство керосина стоитъ не болѣе 13 к. Здѣсь правительство также шло на помощь нѣкоторымъ крупнымъ промышленникамъ-хищникамъ нефтяной промышленности. Знаменитое тріо нефтяной промышленности - Ротшильдъ, Нобель и Манташевъ—вотъ три любимца нашей казны. Въ то время какъ по закону нельзя сдавать безъ торговъ казенныя нефтяныя земли, правительство умудрялось, напримѣръ, сдавать безъ торговъ милліонеру Манташеву по минимальной цѣнѣ—по копѣйкѣ на пудъ. Надо замѣтить, господа, что земли на Апшеронскомъ полуостровѣ дѣлятся на три категоріи. Одна категорія—это казенныя, нефтеносныя земли. Другая категорія—земли крестьянскія. Третья категорія—это земли частновладѣльческія, которыя были раздарены правительствомъ различнымъ лицамъ за ихъ заслуги, оказанныя государству. Но когда развилась нефтяная промышленность, когда понадобились новыя и новыя земли для эксплоатаціи, то правительство, какъ будто идя навстрѣчу этимъ потребностямъ, сразу экспропріировало 5.325 дес. сельской земли, запретило сельскимъ обществамъ сдавать подъ добычу нефти общественныя земли, отмѣнило право на развѣдки и поиски нефти на всѣхъ казенныхъ земляхъ Апшеронскаго полуострова. „Такимъ образомъ“,—это говоритъ, господа, сенаторъ Кузьминскій, котораго тоже обвинять въ пристрастіи къ правительству нельзя,—„нефтяная промышленность была какъ бы вдвинута въ извѣстные предѣлы, выходъ изъ которыхъ сдѣлался невозможнымъ“. Поэтому вниманіе нефтепромышленниковъ обратилось на земли частнаго владѣнія, расположенныя въ полосѣ нефтеносныхъ районовъ. Правительство, путемъ этихъ запретовъ, загнало нефтепромышленниковъ на земли, которыя были раздарены этимъ лицамъ въ различное время за услуги, оказанныя государству и, продолжаетъ Кузьминскій, „цѣнность этихъ

земель стала быстро расти и увеличивалась съ каждымъ годомъ". Такимъ образомъ, не только были раздарены этимъ господамъ земли, но правительство пришло имъ на помощь и, вздувая цѣны, дало имъ возможность прекраснѣйшимъ образомъ продать эти земли. Это сдѣлано было за счетъ убытковъ казны, такъ какъ былъ наложенъ, какъ говоритъ Кузьминскій, „запретъ на казенныя земли". Я напомню также, господа, что въ 1901—1902 гг., когда былъ торгово-промышленный кризисъ въ странѣ, когда цѣна на нефть стала быстро падать и мелкіе промышленники терпѣли громадные убытки на Апшеронскомъ полуостровѣ, это знаменитое тріо, любимцы нашей казны, заключили договоръ съ американскими нефтепромышленниками для регулированія цѣнъ на керосинъ на иностранныхъ рынкахъ; мелкіе промышленники обратились къ правительству съ просьбой перейти съ попудной арендной платы на долевое отчисленіе, потому что они не имѣли возможности выдержать этотъ кризисъ. Тогда это тріо,—къ нимъ присоединилось еще много крупныхъ нефтепромышленниковъ,—объявило имъ: „если вы не можете эксплоатировать нефтеносныя земли, то откажитесь отъ нихъ; пусть правительство сдастъ ихъ съ торговъ, тогда мы ихъ возьмемъ". Правительство отказало и въ этомъ ходатайствѣ мелкихъ нефтепромышленниковъ, т. е. не дало имъ возможности путемъ долевого отчисленія улучшить свое положеніе.

Таможенныя пошлины, пошлины, которыя приносятъ значительный доходъ нашей казнѣ, налагаются, какъ извѣстно, опять-таки на предметы первѣйшей необходимости. Въ 1881 г. государство получило 84.000.000 р. съ таможенныхъ пошлинъ; на 1907 г. эти пошлины разсчитаны на 224.000.000 р. Обложены, напримѣръ, такіе предметы, какъ чай; эта пошлина поднимается у насъ до 1 р., тогда какъ пошлина въ Англіи составляетъ всего 17 к., а въ Соединенныхъ Штатахъ ея вовсе нѣтъ. Что же удивительнаго въ томъ, что въ Россіи отечественный напитокъ, чай, потребляется въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. На душу приходится 0,8 ф., тогда какъ въ Англіи—6,7 ф. чая. Крестьянскій плугъ стоитъ за границей 5—6 р., а у насъ одна только пошлина на этотъ плугъ доходитъ до 5 р. Въ Соединенныхъ Штатахъ лучшіе желѣзные гвозди стоятъ 42 к., а у насъ одна пошлина на эти гвозди поднимается до 42 к.

Я, господа, сколько могъ, показалъ вамъ, что въ этомъ собираніи доходовъ, правительство стремится получить самое большое, что можно получить въ данный моментъ. И въ своемъ хозяйничаньи правительство старается приходить на помощь только крупнымъ промышленникамъ-капиталистамъ, а также помѣщикамъ-землевладѣльцамъ. Правительство является,—я повторяю, полновластнымъ хозяиномъ. Оно является кулакомъ, который старается взять отъ своей

жертвы все, что можно взять. Государственное хозяйство является какимъ то паразитомъ на народномъ хозяйствѣ, высасываетъ изъ него всѣ соки, подтачивая устои этого народнаго хозяйства. Образуется, такимъ образомъ, цѣлая пропасть между государственнымъ хозяйствомъ и народнымъ, пропасть, которую ни перешагнуть, ни перепрыгнуть нельзя. Производительныя силы въ странѣ возмущаются противъ такой формы эксплоатаціи, и это возмущеніе выливается въ форму, которую у насъ принято называть „смутой". Министръ финансовъ намъ здѣсь говорилъ, что смута есть одна изъ тѣхъ коренныхъ причинъ, которыя привели народное хозяйство къ разстройству и подорвали нашъ кредитъ за границей. А я скажу министру финансовъ, что онъ горько ошибается, если искренно думаетъ, что это такъ. Не смута была причиной разстройства нашего народнаго хозяйства, а разстройство народнаго хозяйства привело страну къ смутѣ. (Аплодисменты). Въ 80-хъ годахъ у насъ не было смуты, но вы сами сознавались во всѣхъ учрежденіяхъ, въ томъ числѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, что ни въ ширь, ни въ глубь обложеніе продолжать нельзя. Вы сознавались тогда, что вы наканунѣ финансоваго краха и вы не потерпѣли этого краха только потому, что вы вторглись въ такія сферы, какъ винная монополія, какъ сахарные синдикаты и какъ выкупы въ казну желѣзныхъ дорогъ. Перефразируя слова офиціоза нашего правительства „Россіи", я скажу: производительныя силы страны, такъ или иначе, должны покончить съ такой формой эксплотаціи; онѣ скинутъ съ себя старую шляпу, надѣнутъ новую, и своимъ мощнымъ голосомъ вамъ скажутъ „прощайте, господа, и прощайте на этотъ разъ навсегда".

Я, господа, окончилъ, но мнѣ хочется сказать еще нѣсколько словъ по поводу возраженій, сдѣланныхъ здѣсь депутатомъ Струве. Я не всходилъ на эту трибуну, чтобы полемизировать съ какой-либо изъ партій, но разъ это сдѣлано, я считаю своимъ долгомъ сказать Струве пару теплыхъ словъ. (Голосъ справа: „по дѣломъ"; смѣхъ). Вся рѣчь Струве—это было нападеніе на соціалъ демократическую партію. Въ чемъ же дѣло? Соціалъ-демократическая фракція внесла резолюцію, и эта резолюція Струве очень не понравилась. Поэтому, не разбирая ее и не касаясь ея мотивовъ, Струве назвалъ ее эффектнымъ жестомъ. Струве сказалъ, что мы въ глубинѣ своей души сознавали, внося эту резолюцію, что партія конституціонно-демократическая не будетъ голосовать за нее. Я могу сказать, какъ членъ соціалъ-демократической фракціи, что это невѣрно, что наша фракція, когда вносила эту резолюцію, разсчитывала, что она будетъ принята. Поэтому товарищъ Алексинскій сказалъ, что всѣ истинно демократическія группы подпишутся подъ этой резолюціей. Струве говорилъ, что мы авансомъ обвиняемъ кадетскую партію въ томъ,

что у конституціонно-демократической фракціи не осталось больше уже ни капли демократизма. Какой же выводъ изъ этого? А выводъ такой: считая, что конституціонно-демократическая партія есть демократическая партія—я говорю съ точки зрѣнія Струве—выходитъ, что соціалъ-демократическая фракція для того, чтобы сдѣлать что-либо непріятное этой партіи, вноситъ резолюцію явно не демократическую. Иного вывода я сдѣлать не могу. Струве слѣдовало сначала доказать, что эта резолюція дѣйствительно не демократическая, что эту резолюцію не могутъ принять демократическія партіи, но Струве этого не сдѣлалъ. Струве очень нравится слово осада. Что бы онъ ни дѣлалъ, ему все кажется, что онъ осаждаетъ правительство. (Аплодисменты слѣва). Въ данномъ случаѣ то же самое, но, очевидно, Струве очень плохо знакомъ съ принципами осады. Онъ не знаетъ, что главное требованіе осады заключается въ томъ, чтобы лишить осажденнаго хлѣба, чтобы лишить его предметовъ первѣйшей необходимости. Осаждающій не имѣетъ права пропускать туда ничего (голосъ справа: это называется блокада), но Струве, даетъ пищевые продукты осажденному и говоритъ: я осаждаю. (Сильные аплодисменты слѣва). Подписываясь подъ тѣмъ бюджетомъ, который намъ представленъ старымъ режимомъ, мы подписываемся подъ этимъ режимомъ и мы даемъ ему возможность затягивать туже петлю па шеѣ народа. Но Струве держится на этотъ счетъ оригинальнаго взгляда: онъ передаетъ пищевые продукты осажденному и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ ему: только мнѣ за это открой ворота (аплодисменты слѣва), но я не буду входить въ эти ворота, а буду вмѣстѣ съ тобой у воротъ кашу ѣсть. (Аплодисменты слѣва). Это очень наивная политика, которой никто изъ тѣхъ, кто желаетъ вести осаду, держаться не будетъ. Если вы, господа, не желаете подписываться подъ этой резолюціей, если вы желаете непремѣнно оказать довѣріе правительству, принявши его бюджетъ, то имѣйте тогда смѣлость сказать всей странѣ, что вы въ стѣнахъ этой Думы ведете политическую игру за счетъ народа. (Аплодисменты слѣва).

III). Двѣ рѣчи деп. Джапаридзе по вопросу о голодѣ и безработицѣ 9-го и 15-го марта 1907 г., предложеніе с.-д. фракціи по этому вопросу 7-го марта 1907 г. и формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная с.-д. фракціей 11 мая 1907 г.

1. Джапаридзе (Тифлисская губ.). Господа народные представители! Третьяго дня соціалъ-демократическая фракція внесла свое заявленіе по вопросу объ образованіи комиссіи по оказанію помощи голодающимъ. Здѣсь по завчера и сегодня была сдѣлана критика

этого заявленія. Я желаю остановиться на этомъ вопросѣ. Прежде всего, необходимо точно поставить вопросъ, потому что въ этомъ отношеніи здѣсь замѣтно было сегодня нѣкоторое колебаніе. Депутатъ Родичевъ вопросъ поставилъ такъ: нужно избрать комиссію для разсмотрѣнія кредита на продовольственное дѣло въ связи съ общей постановкой этого дѣла. Я, по крайней мѣрѣ, такъ понялъ заявленіе, сдѣланное здѣсь. Между тѣмъ, какъ въ повѣсткахъ, которыя были разосланы сегодня, вопросъ значится такъ: образованіе комиссіи по оказанію помощи голодающимъ. Уже съ перваго раза бросается различіе въ глаза. Отъ различной постановки вопроса зависитъ различное его рѣшеніе. Въ своей постановкѣ депутатъ Родичевъ уже предрѣшилъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, если нужно избрать комиссію, которая будетъ разсматривать кредитъ правительству на продовольственное дѣло въ связи съ общей постановкой этого дѣла, то естественный и логическій выводъ можетъ быть только одинъ. Нужно назначить контрольную комиссію, которую правильнѣе было бы назвать комиссіей не продовольственной, а контрольной. Вотъ собственно сущность предложенія депутата Родичева. Мнѣ кажется есть двѣ постановки вопроса, которыя были выяснены сегодня цѣлымъ рядомъ ораторовъ. Вопросъ этотъ исходитъ изъ факта, который сейчасъ стоитъ передъ нами. Этотъ фактъ—голодъ. Господа, Россія голодаетъ, голодъ принялъ громадные размѣры. Голодаютъ милліоны людей. Болѣзни распространяются по всей Россіи. Люди мрутъ съ голода, продаютъ своихъ дѣвушекъ. Вотъ, господа, какой фактъ! Какъ же, господа народные представители, Дума, собравшаяся здѣсь, должна отнестись къ этому вопросу? Одни говорятъ:—мы должны накормить голодныхъ, но можетъ ли Дума это сдѣлать? Къ несчастью этого Дума сдѣлать не можетъ, и мы, соціалъ-демократы, считаемъ своимъ долгомъ заявить это передъ лицомъ всей страны, что Дума не можетъ накормить крестьянъ. Но намъ говорятъ, что мы должны контролировать правительство. Я долженъ на это сказать: да, мы должны контролировать правительство, но ограничиться этимъ мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ. Если мы на этотъ гигантскихъ размѣровъ фактъ, который пронесся по всей Россіи, на этотъ громаднѣйшій голодъ, который охватилъ многомилліонное крестьянство, отвѣтимъ только контрольной комиссіей, то мы дадимъ отвѣтъ, недостойный народнаго представительства. Что же мы должны сказать? Здѣсь говорятъ, что мы должны предложить организацію мѣстныхъ комитетовъ для оказанія помощи голодающимъ. Само собой понятно, что это есть замаскированное, частичное проведеніе общаго желанія накормить крестьянство, но если мы говоримъ, что накормить не можемъ, то мы должны изслѣдовать этотъ вопросъ до конца. Всякіе мѣстные комитеты должны дать

непосредственную помощь, но всякіе мѣстные комитеты разобьются о невозможность это сдѣлать, потому что у насъ нѣтъ еще власти. Такъ что же мы въ концѣ концовъ можемъ сдѣлать? Я думаю, что самая главная обязанность народныхъ представителей прямо и открыто сказать народу правду, которая заключается въ томъ, чтобы объяснить причины теперешнихъ голодовокъ и указать ему тотъ путь, который можетъ вывести его изъ этого положенія. Это, по моему мнѣнію, главная обязанность Государственной Думы. Изъ такой постановки вопроса мы и должны исходить, когда будемъ говорить о томъ, какія функціи должна имѣть продовольственная комиссія. Передъ нами голодъ, а Дума говоритъ крестьянамъ, голодному народу: „мы не можемъ накормить тебя, но вотъ какія причины голода“. Мы должны указать виновниковъ этой бѣды. Мы обязаны сказать народу, что онъ самъ долженъ взять въ свои руки дѣло избавленія отъ голодной смерти. Отсюда, повторяю, уже ясно вытекаютъ и цѣли той комиссіи, которую мы предлагаемъ. Прежде всего должна быть одна комиссія—продовольственная комиссія. Она должна, прежде всего, контролировать дѣйствія правительства въ этомъ вопросѣ. Слѣдующею обязанностію комиссіи должно быть собираніе матеріаловъ по вопросу голода, выясненіе размѣровъ этого голода, выясненіе ближайшихъ причинъ голода. Само собой понятно, что комиссія не можетъ поставить себѣ цѣлью, по крайней мѣрѣ это было бы не желательно и съ нашей точки зрѣнія, глубокое изслѣдованіе сельско-хозяйственныхъ, экономическихъ и другихъ условій голода въ современной Россіи.

Когда мы говоримъ, что необходимо изслѣдовать причины голода, мы имѣемъ въ виду прежде всего ближайшія политическія причины голода. Прогрессивная печать и не только столичная, но въ особенности провинціальная, уже отмѣчала цѣлый рядъ фактовъ, соотвѣтствующихъ усиленію голода въ мѣстахъ, гдѣ прошла экзекуція. Эти факты слишкомъ извѣстны, чтобы стоило о нихъ повторять. Вотъ даже съ этой самой каѳедры одинъ депутатъ говорилъ, что военныя экзекуціи жгли цѣлыя кукурузныя и другія поля. Ближайшія политическія причины должны быть выяснены и эти причины должны быть ясны всему народу и только въ этомъ залогъ, чтобы народъ понялъ причины голода, что только отъ него самого зависитъ принятіе мѣръ, чтобы не умереть съ голоду. Какъ такую комиссію устроить технически и юридически, разумѣется, по моему не существенно. Будетъ ли это одна комиссія или будетъ она разбиваться на рядъ комиссій —безразлично, но цѣлесообразнѣе всего, мнѣ кажется, устройство единой комиссіи, которая будетъ имѣть рядъ подкомиссій. Напримѣръ, можетъ быть подкомиссія, которая будетъ спеціально завѣдывать контролемъ, будетъ спеціально изслѣдовать при-

чины, заниматься разработкой тѣхъ мѣропріятій и законопроектовъ, которые опредѣляли бы особыя мѣры, необходимыя для удовлетворенія помощи. Но эта подкомиссія должна быть подъ контролемъ одной единственной комиссіи, которая будетъ давать тонъ всей этой работѣ. Депутатъ Родичевъ, сузивъ вопросъ и поставивъ его спеціально о контролѣ, даже со своей точки зрѣнія, мнѣ кажется, былъ неправъ, когда утверждалъ, что задачи этой комиссіи контролировать дѣятельность администраціи только по отчетамъ. Я не знаю, господа, можетъ ли такая провѣрка привести къ желаннымъ результатамъ. Вѣдь намъ придется провѣрять Гурко, Лидваля и Фредерикса по отчетамъ, составленнымъ самими же Гурко, Фредериксомъ и Лидвалемъ. Можемъ ли мы, господа, не обманывая народъ, утверждать то, что мы чинимъ отчетъ, что мы чинимъ контроль? Мнѣ кажется, мы этого дѣлать не можемъ, и Дума этого не сдѣлаетъ. Если мы зададимся цѣлью только контролировать дѣйствія правительства въ продовольственномъ вопросѣ, то даже съ этой точки зрѣнія намъ необходимо широкое разслѣдованіе дѣла на мѣстахъ, если мы дѣйствительно хотимъ разслѣдованія, а не канцелярской, бюрократической переписки о тѣхъ бюджетахъ, которые Фредериксъ будетъ давать о своей собственной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что депутатъ Родичевъ указывалъ цѣлый рядъ невозможностей, связанныхъ съ такой широкой компетенціей той комиссіи, которую мы предлагаемъ. Онъ говоритъ, что нашихъ депутатовъ никто не приметъ, никакой провинціальный чинъ не сочтетъ себя обязаннымъ въ этомъ вопросѣ дать какіе-либо отчеты. Это, быть можетъ, очень справедливо, быть можетъ такъ и будетъ, но, господа, на этомъ основаніи мы не должны отказаться отъ своей задачи, не должны въ особенности потому, что въ этомъ вопросѣ мы опять можемъ раскрыть глаза народу. Нѣсколько дней тому назадъ предсѣдатель Совѣта Министровъ говорилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ разоблаченій, что министры—люди, они грѣшны, они могутъ ошибаться. Онъ даже этимъ дѣлаетъ намъ косвенный вызовъ, говоря: вотъ, молъ, мы ошибаемся, дѣлаемъ промахи, разоблачайте насъ. Я думаю, что Дума должна въ самой широкой степени воспользоваться этимъ правомъ, правомъ, котораго формально у Думы нѣтъ, но которое признано общественнымъ мнѣніемъ, которое признаетъ предсѣдатель Совѣта Министровъ. Мы должны показать народу, что мы дѣйствительно хотимъ контролировать власть и мѣстную и центральную, и если центральная и мѣстная власти скажутъ, что онѣ не дадутъ своихъ отчетовъ, что онѣ не дадутъ намъ возможности дойти до первоисточника, то тогда народъ увидитъ, что слова, которыя здѣсь были сказаны, только слова, а до дѣла отъ нихъ далеко. Мнѣ кажется, что даже съ этой точки зрѣнія мы должны настаивать на томъ, чтобы разслѣдованіе

производилось на мѣстахъ. Это одна сторона дѣла. Имѣется еще другая сторона. Дѣло въ томъ, что мы должны знать, господа, что существуетъ въ провинціи цѣлый рядъ данныхъ, которыя благодаря теперешнему положенію нашей печати, благодаря теперешнему режиму не могутъ вылиться на свѣтъ, не могутъ стать достояніемъ всей мыслящей и сознательной Россіи. Всякій согласится со мною, что въ редакціяхъ всѣхъ прогрессивныхъ провинціальныхъ газетъ найдется громадный матеріалъ, выясняющій размѣры голода, причины его, и этотъ матеріалъ долженъ будетъ тамъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не получитъ возможности вылиться на свѣтъ Божій. Избраніе единой продовольственной комиссіи, которая будетъ имѣть спеціальной цѣлью собираніе матеріаловъ для изслѣдованія причинъ голода, дастъ выходъ, откроетъ клапанъ, который сдерживаетъ сейчасъ вопль народа. Со всѣхъ концовъ Россіи, отъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій получаются цѣлые ряды данныхъ и собирается громаднѣйшій матеріалъ, который, быть можетъ, впослѣдствіи будетъ обвинительнымъ актомъ. Я долженъ остановиться еще на слѣдующихъ словахъ депутата Родичева. Онъ говорилъ: если мы хотимъ дать законодательныя функціи комиссіи, то давайте ей законопроектъ. Но вѣдь законопроектъ можетъ быть составленъ только на основаніи тѣхъ матеріаловъ, которые соберетъ эта комиссія. Мы должны, прежде чѣмъ приступить къ этому законопроекту, пройти предварительную стадію, стадію обслѣдованія того важнаго вопроса, который стоитъ передъ нами. На основаніи данныхъ и общихъ соображеній мы можемъ и должны составить законопроектъ, но это нисколько не исключаетъ того, чтобы матеріалы собирались. Поэтому, даже съ точки зрѣнія теперешняго законодательства, съ точки зрѣнія основныхъ законовъ и положеній Думы и конституціонно-демократической партіи, по существу, ничего противнаго нѣтъ. Мы предлагаемъ дать продовольственной комиссіи двѣ функціи: контроль надъ дѣятельностью правительства, не только по отчетамъ и книгамъ и другимъ официальнымъ даннымъ, но также и изслѣдованіе на мѣстахъ и собираніе матеріаловъ о причинахъ размѣра голода и ближайшихъ политическихъ причинахъ этого голода. На основаніи этого матеріала будутъ вырабатываться законопроекты, которые въ этомъ отношеніи будутъ болѣе соотвѣтствовать интересамъ дѣла. Намъ казалось бы, что въ комиссіи слѣдуетъ указывать не на передачу дѣла земствамъ, какъ предлагаетъ министерство, или какимъ-нибудь другимъ органамъ, а на передачу этого дѣла такимъ мѣстнымъ органамъ, какъ крестьянскіе комитеты, которые будутъ избраны на основѣ прямого, тайнаго, равнаго права. Мы не вносимъ эти законопроекты сейчасъ, но въ комиссіи будемъ настаивать на этомъ. Когда комиссія составитъ свои труды, тогда мы и бу-

демъ критиковать ихъ. Таковы тѣ задачи, которыя мы считаемъ директивомъ этой комиссіи, и тѣ соображенія, которыя были здѣсь приведены другими депутатами, исходятъ или изъ неправильнаго пониманія тѣхъ задачъ, которыя Дума имѣетъ передъ народомъ, или изъ суженія этихъ вопросовъ и, такимъ образомъ, не отвѣчаютъ на вопросъ, который вчера во всей наготѣ былъ поставленъ здѣсь депутатами-крестьянами. Нѣсколько словъ относительно избранія этой комиссіи. Я долженъ категорически высказаться противъ избранія комиссіи по отдѣламъ. Дѣло въ томъ, что вы всѣ знаете, что отдѣлы эти составляются случайно. Они могутъ вѣдать только дѣла, никакого отношенія къ партійной политикѣ Думы не имѣющія или имѣющія очень отдаленное отношеніе. Такой же вопросъ, какъ продовольственный, который имѣетъ прямое и серьезное отношеніе къ современному моменту, который является злобой дня, злобой политическаго дня, не могутъ ни въ коемъ случаѣ разсматривать представители безпартійныхъ отдѣловъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ острый политическій вопросъ, фракціи и отдѣльныя группы, группы партійныя и безпартійныя, должны выдѣлить спеціальныхъ людей, на которыхъ они возлагаютъ задачу защищать обязательно свои точки зрѣнія въ этихъ комиссіяхъ. Съ политической точки зрѣнія нераціонально и, по моему мнѣнію, непонятно предложеніе народной фракціи. Это значитъ низвести политическій вопросъ до простого вопроса, для котораго безразлично, какая партія его разсматриваетъ. Развѣ голодъ въ Россіи не стихійное явленіе, развѣ голодъ не есть опредѣленный результатъ опредѣленной политики, развѣ отвѣтъ, который должна дать Дума, не долженъ быть отвѣтомъ опредѣленной политики? Неужели партія народной свободы отвѣтитъ отрицательно? Не думаю. Если такъ, то чѣмъ объяснить такое желаніе подмѣнить политическій вопросъ вопросомъ о контролѣ и поручить его безпартійнымъ, случайно составленнымъ комиссіямъ, выбраннымъ по отдѣламъ. Я думаю, что этотъ вопросъ надо рѣшить въ томъ смыслѣ, чтобы передать его разрѣшеніе опредѣленной комиссіи, которая и будетъ выбрана по фракціямъ, какъ сегодня дѣлали съ бюджетной комиссіей. Если вопросы бюджетный и финансовый настолько остры, что требуютъ спеціальнаго избранія, то неужели вопросъ о голодѣ, съ которымъ связанъ цѣлый рядъ вопросовъ, менѣе важенъ и менѣе достоинъ того, чтобы партіи серьезно отнеслись къ нему и выставили бы своихъ истинныхъ выразителей въ эту комиссію для отстаиванія своей собственной точки зрѣнія. Господа! Не смотрите на этотъ вопросъ такъ просто. Это вопросъ очень сложный. Конечно, мы не накормимъ крестьянъ, мы это знаемъ, но мы дадимъ имъ кое-что, можетъ быть и больше, чѣмъ простое кормленіе. Мы будемъ способствовать политическому

воспитанію широкихъ слоевъ населенія (голоса справа: Ого!). Вы увидите, господа, что тотъ матеріалъ, который будетъ собранъ нашей комиссіей, быть можетъ, послужитъ обвинительнымъ актомъ противъ многихъ изъ тѣхъ, которые уже съ точки зрѣнія общественнаго мнѣнія попали на скамью подсудимыхъ. Гурко и Лидваль попали уже туда. Можетъ быть, мы посадимъ на скамью подсудимыхъ и другихъ, тѣхъ, которые теперь занимаютъ мѣста на скамьяхъ правительства.

2. Джапаридзе (Тифлисская губ.). Господа народные представители! Предъ Государственной Думой опять становится вопросъ о голодающихъ, на этотъ разъ голодающихъ отъ безработицы. Передъ нами опять встаетъ страшная картина того ужаснаго несчастія, которое охватываетъ десятки тысячъ и сотни тысячъ людей. Въ данный моментъ нѣтъ ни одного болѣе или менѣе значительнаго города въ Россіи, гдѣ бы не было велико число безработныхъ. Въ большихъ промышленныхъ центрахъ цифра безработныхъ достигаетъ гигантскихъ размѣровъ. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что во всей Россіи число безработныхъ составляетъ нѣсколько сотъ тысячъ людей. По городамъ и промышленнымъ центрамъ они распредѣляются приблизительно такъ: въ Петербургѣ, по даннымъ регистраціи, по самому умѣренному расчету, число безработныхъ свыше 12 тысячъ, а въ большихъ центрахъ, какъ въ Лодзи, цифра достигаетъ до 35 тысячъ. Въ Одессѣ число безработныхъ свыше 8 тысячъ, въ Варшавѣ эта цифра достигаетъ колоссальной цифры 15 тысячъ. Но не только сѣверъ, не только западъ, весь югъ, Сибирь и Кавказъ охвачены безработицей. Въ Баку, напримѣръ, эта цифра достигаетъ 8 тысячъ, въ далекой Сибири и по всему протяженію Сибирской желѣзной дороги число безработныхъ громадно, относительно конечно. Въ Иркутскѣ цѣлыя тысячи людей не находятъ себѣ работы, не находятъ себѣ пропитанія. Въ печати проскользнуло извѣстіе, что въ Приволжскихъ губерніяхъ до 160 тысячъ людей безработныхъ. Конечно, въ эту цифру входятъ и высланные изъ промышленныхъ центровъ. Таковы, въ двухъ словахъ, размѣры этой ужасной капиталистической болѣзни, которая охватила въ данный моментъ населеніе Россіи. Люди сильные, здоровые, люди, привыкшіе своимъ трудомъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, ищутъ примѣненія силъ, ищутъ работы и не могутъ найти, не могутъ честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Привыкшіе, значитъ, не жить на чужой счетъ, они обращаются къ различнымъ государственнымъ учрежденіямъ, обращаются къ городскимъ самоуправленіямъ, къ земствамъ, но тѣ, вмѣсто хлѣба, протягиваютъ имъ камень. Только нравственная поддержка для своихъ сотоварищей рабочихъ, матеріальная вмѣстѣ съ тѣмъ поддержка, незначительная поддержка отъ городскихъ самоуправленій даетъ возможность бороться

съ печеловѣческими усиліями противъ бѣдствій голода и даетъ имъ возможность надѣяться на скорое улучшеніе своего положенія. Но, господа, борьба, неравная борьба, трудная борьба съ голодомъ все же оставляетъ серьезныя послѣдствія на безработныхъ. Среди нихъ распространяются болѣзни; среди нихъ повышается процентъ смертности, повышается процентъ проституціи. Петербургская печать уже отмѣчала, что тифъ и цынга свирѣпствуютъ среди безработныхъ. То же происходитъ и во всей Россіи — процентъ смертности поднялся до невѣроятныхъ размѣровъ. Совѣтъ петербургскихъ безработныхъ, приблизительно за два мѣсяца, истратилъ на похороны своихъ товарищей въ общемъ свыше трехъ тысячъ рублей. Если вы примете во вниманіе, что на похороны каждаго изъ взрослыхъ выдается шесть рублей, а на похоны ребенка 4 рубля, вы поймете какъ калоссальна цифра жертвъ этой ужасной безработицы. На почвѣ постояннаго хроническаго недоѣданія распространяются всевозможныя болѣзни и смертность повышается до невозможныхъ размѣровъ. За нѣсколько дней зарегистрированы такія ужасныя цифры:

5 февраля, въ 4 часа дня, въ домѣ № 16, по набережной р. Пряжки повѣсился въ своей комнатѣ рабочій Федоръ Гусевъ, молодой человѣкъ 22 лѣтъ.

20 февраля, утромъ, въ домѣ № 42, по Полюстровскому просп. сапожникъ Владиміръ Сидоровъ 26 лѣтъ выпилъ уксусной эссенціи.

3 февраля, въ 8 часовъ вечера, въ трактирѣ, въ домѣ № 12, по Калашниковскому просп. подмастерье серебряныхъ дѣлъ Алексѣй Михайловъ отравился растворомъ ціанистаго кали и скоро умеръ.

12 февраля, въ домѣ № 22, по Гэтчинской ул. 15-ти лѣтній мальчикъ Павелъ Кучкинъ отравился уксусной эссенціей.

За мартъ мѣсяцъ зарегистрированъ цѣлый рядъ случаевъ. За одинъ день 3-го марта полиціей зарегистрированы слѣдующіе факты—пять случаевъ покушенія на самоубійство.

По Косой линіи повѣсился на веревкѣ Иванъ Толкачевъ 14-лѣтній мальчикъ, служившій въ ренсковомъ погребѣ.

Предсѣдатель. Такое перечисленіе отдѣльныхъ случаевъ отнимаетъ время: эти факты всѣмъ извѣстны. Много времени потребуется на перечисленіе всѣхъ такихъ фактовъ: ихъ масса.

Джапаридзе (Тифлисская губ.). У насъ не было ограниченія времени, и если собранію угодно...

Голоса. Угодно, угодно...

Джапаридзе (Тифлисская губ.). Я не буду утруждать вашего вниманія, но хочу только отмѣтить тотъ фактъ, что даже 12—14 лѣтніе мальчики прибѣгаютъ къ указаннымъ средствамъ. Я не могу еще все-таки не указать одинъ фактъ, который безъ сомнѣнія очень ярокъ. Около дома № 18 по Садовой ул. былъ поднятъ дворникомъ

въ безсознательномъ состояніи рабочій С. Попыталовъ, 50 лѣтъ, который объяснилъ, что онъ съ цѣлью покончить съ собой выпилъ уксусную эссенцію. Отчаяніе и голодъ доводили до этого очень многихъ безработныхъ. Это случайные факты. Вамъ, вѣроятно, извѣстно больше такихъ фактовъ. Вмѣстѣ съ повышеніемъ смертности повысился и процентъ проституціи. Напримѣръ, было отмѣчено въ газетахъ, что въ Казанской губерніи крестьяне продаютъ дѣвушекъ. Это явленіе привело въ ужасъ все мыслящее населеніе Россіи. Здѣсь у насъ каждый день происходитъ то же явленіе. Голодные рабочіе доведены до такого состоянія, что принуждены посылать своихъ дочерей и женъ продавать свое тѣло. Этотъ рынокъ, позорный для современнаго общества, обогатился за послѣднее время новымъ живымъ товаромъ. — Въ больницахъ зарегистрированы случаи заболѣванія сифилисомъ дѣвочекъ 11 и 12 лѣтъ. Повторяю, это только самая общая цифра, самыя общія данныя безработицы Если бы этимъ занялась та комиссія, которая, надѣюсь, въ концѣ концовъ будетъ избрана, она дастъ намъ самыя ужасающія данныя о размѣрахъ безработицы въ Россіи. Мы, соціалъ-демократы, хорошо знаемъ, что безработица есть неизбѣжная спутница капиталистическаго производства. Мы хорошо знаемъ, а вмѣстѣ съ нами знаютъ это и всѣ передовые рабочіе въ Россіи, что борьба съ безработицею возможна лишь какъ общая борьба противъ существующаго капиталистическаго строя, что избавится отъ нея можно только тогда, когда мы избавимся отъ товарнаго производства, отъ капиталистическаго общества. Но, господа, безработица, которую мы теперь переживаемъ, есть результатъ не столько капиталистическаго общества, сколько общества, которому не даютъ возможности развиться въ капиталистическое. Мы могли бы указать двѣ главныя причины того кризиса, который мы теперь переживаемъ. Эти причины: общая— политика самодержавія. За все время послѣдняго десятилѣтія политика приготовляла этотъ кризисъ, который привелъ теперь къ роковымъ послѣдствіямъ. Но есть еще и ближайшая причина—политика правительства за послѣдніе два года—за время революціи. И вотъ объ этихъ причинахъ я хочу высказаться вкратцѣ: дѣло въ томъ, что вся самодержавная политика была направлена на то, чтобы высосать послѣдніе соки изъ крестьянскаго и рабочаго населенія для того, чтобы удовлетворить алчные аппетиты помѣщиковъ, интересы которыхъ она защищала, и удовлетворить интересы, якобы государственности, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы имѣть возможность дѣлать авантюры вродѣ манчжурской, персидской и т. д. Эта политика, которая стала поперекъ росту производительности силъ въ странѣ, должна была привести къ роковымъ послѣдствіямъ и она дѣйствительно привела къ роковымъ результатамъ: массовое обнищаніе деревни выбросило сотни, десятки тысячъ людей, которые не находили

себѣ заработка ни въ деревнѣ, ни въ городѣ. Одновременно съ этимъ, промышленность развивалась ненормально, потому что, во-первыхъ, правительство не давало хода развитію промышленности, а своими закулисными сдѣлками съ иностранными капиталистами оно только способствовало ненормальному развитію промышленности страны. Вслѣдствіе этого получилось несоотвѣтствіе между числомъ работниковъ, выброшенныхъ изъ деревни, и возможностью найти примѣненіе силъ въ городѣ. Это противорѣчіе вытекало изъ того, что, съ одной стороны, правительство покровительствовало промышленникамъ, а съ другой стороны дѣлало все, что только возможно, чтобы задавить промышленность и чтобы разорить населеніе. Это противорѣчіе, рано или поздно, должно было сказаться и привести къ роковымъ послѣдствіямъ. Русско-японская война—результатъ той же позорной политики правительства—еще болѣе усилила это противорѣчіе, выбросила народъ на рынокъ и еще болѣе способствовала дезорганизаціи деревни и ея обнищанію. Она нанесла серьезный ударъ русской промышленности: процентъ людей безработныхъ, безпріютныхъ еще болѣе усилился. Даже, если бы и не было революціи, эти причины должны были неизмѣнно привести къ кризису, къ безработицѣ. Но кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, есть и новая причина. Начинается великая русская революція тотчасъ послѣ окончанія русско-японской войны: тутъ мы видимъ еще новыя условія, выбрасывающія на улицу еще лишніе десятки, сотни, тысячи людей. Дѣло въ томъ, что доведенное до невыносимаго положенія авантюристическою политикою внутри и внѣ страны населеніе Россіи, какъ одинъ человѣкъ, возстало противъ своихъ вымогателей и принялось пересоздавать Россію на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ интересамъ новой перерождающейся Россіи. Но правительство, защищающее всегда интересы бюрократіи и защищающее интересы классовъ землевладѣльцевъ и дворянства, это правительство, разумѣется, объявило самую жестокую войну самому русскому народу и этимъ новымъ силамъ. Послѣ единодушнаго натиска 17 октября, когда правительство должно было уступить, чтобы не быть раздавленнымъ, правительство, пользуясь временнымъ отливомъ революціи, старалось всѣми своими силами раздавить народъ, разъединить его. Тутъ начинается кровавая месть за то, что было сдѣлано правительствомъ, за тѣ уступки, которыя правительство должно было сдѣлать. Кровавая месть тѣмъ, кто болѣе всего вынесъ на своихъ плечахъ, тѣмъ, кто былъ въ первыхъ рядахъ—рабочимъ и крестьянамъ. Противъ рабочихъ и крестьянъ были направлены, главнымъ образомъ, удары правительства, удары, которые привели къ тѣмъ результатамъ, о которыхъ мы сейчасъ говоримъ. Правительство старалось спеціально создавать такія условія, которыя дезорганизовали бы рабочихъ, правительство начало объявлять локауты всѣмъ служащимъ и рабочимъ

на казенныхъ заводахъ Петербурга. Какъ извѣстно, въ ноябрѣ 1905 года правительство закрыло всѣ казенные заводы и болѣе ста тысячъ рабочихъ осталось безъ работы. Но этого мало, оно стало поощрять локауты со стороны капиталистовъ, которые сами уже точили зубы на рабочихъ. Дѣло въ томъ, что за время революціоннаго подъема рабочій классъ успѣлъ завоевать себѣ нѣкоторыя льготы въ экономической и правовой области, которыя, разумѣется, стали поперекъ горла капиталистамъ, и они искали удобнаго случая, чтобы отвоевать все то, что было завоевано въ октябрьскіе дни. Пользуясь отливомъ революціи, пользуясь временнымъ затишьемъ, правительство въ союзѣ съ капиталистами открываетъ совмѣстный походъ противъ рабочихъ, чтобы отнять все то, что было ими завоевано въ послѣднее время. Эта политика привела къ тому, что вы не найдете ни одной фабрики, ни одного завода въ Россіи, гдѣ бы рабочіе работали въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ они работали въ дни свободъ. Все, что было добыто,—отнято силою, физическою силою, которая всегда приходитъ на помощь фабрикантамъ въ ихъ борьбѣ съ рабочими. Поощряемые такой политикой, капиталисты принялись за самыя радикальныя средства въ борьбѣ съ рабочими и перешли въ наступательную борьбу. И вотъ, передъ нами начинается цѣлая серія локаутовъ, широкою волною разливающихся съ Запада на Востокъ. Припомните ужасное явленіе въ Лодзи, когда 33 тысячи безработныхъ, за одинъ разъ, были выброшены только за то, что одинъ рабочій оскорбилъ одного мастера. Вы должны понять, что фабрикантъ пользуется самымъ простымъ предлогомъ, даже создаетъ эти предлоги, чтобы имѣть возможность разбить рабочую организацію, отнять все, что было завоевано, чтобы дезорганизовать на будущее время эту силу, которая кажется имъ опасною, на все время революціи и послѣ революціи. Правительство доходило до то того, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ фабриканты сами, почему-либо, шли на уступки по своимъ личнымъ соображеніямъ, правительство преслѣдовало такихъ фабрикантовъ. Въ Варшавѣ констатированъ фактъ, извѣстный всей печати, всему обществу, что правительство арестовало тѣхъ фабрикантовъ, которые не желали устраивать у себя локаута, которые желали пойти на уступки и примириться съ рабочими; правительство арестовало этихъ фабрикантовъ и выселило изъ Варшавы. Разумѣется, достаточно одного этого факта для того, чтобы дать просторъ всѣмъ алчнымъ аппетитамъ нашихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, которые никогда не знаютъ удержу въ своей алчности,—достаточно, чтобы они примѣняли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ это новое средство — локаутъ. И дѣйствительно, локаутовъ было громадное количество; локауты имѣли мѣсто въ Лодзи, Минскѣ, Варшавѣ и т. д. и перебросились въ центръ Россіи, на югъ Россіи. Въ Таганрогѣ, на-дняхъ въ Москвѣ, и теперь начинается локаутъ въ

Баку. Это страшное явленіе, которое за одинъ разъ выбрасываетъ десятки тысячъ людей на улицу и обрекаетъ ихъ на вѣрную смерть, разумѣется, если не будутъ приняты какія нибудь мѣры. Городскія управленія и въ особенности знаменитая Москва, со знаменитымъ Гучковымъ, съ этимъ славнымъ дубасовскимъ героемъ, въ этомъ отношеніи пошла дальше, чѣмъ нѣкоторые представители администраціи. Гучковъ стоялъ за то, чтобы арестовать трамвайныхъ рабочихъ, приравнивая ихъ къ рабочимъ желѣзнодорожнымъ. Какъ извѣстно, мѣстная административная власть не остановилась ни передъ чѣмъ, для того, чтобы эта мѣра могла быть проведена въ жизнь. Но правительство не ограничилось только тѣмъ, что устраиваетъ локауты и само побуждаетъ фабрикантовъ вступать въ нихъ. То же самое правительство старалось въ корнѣ дезорганизовать рабочихъ и во что бы то ни стало разстроить ихъ, чтобы „исцѣлить" ихъ отъ всѣхъ соціалистическихъ ученій, „исцѣлить" ихъ отъ всѣхъ тѣхъ „вольныхъ идей", которыя были пріобрѣтены ими въ тяжкой борьбѣ съ правительствомъ. Правительство старалось организовать желтые синдикаты за тѣмъ, чтобы на мѣсто организованныхъ рабочихъ поставить организованныхъ хулигановъ. Приведу яркій примѣръ: въ Одессѣ правительство закрыло организацію портовыхъ рабочихъ и разсчитало свыше 8.000 рабочихъ судовыхъ командъ, чтобы дать возможность организаціи желтыхъ синдикатовъ, составленныхъ союзомъ русскаго народа, дать имъ возможность заработковъ. Въ Одессѣ союзъ русскаго народа обнаружилъ еще одинъ изъ своихъ славныхъ подвиговъ. Послѣ цѣлаго ряда погромовъ, которые были учинены ими...

Голоса (справа). Ложь, неправда, попросите къ порядку.

Джапаридзе (Тифлисская губ.). Здѣсь говорятъ, что союзъ русскаго народа не устраиваетъ погромовъ. Я познакомлю васъ съ однимъ изъ документовъ полковника Симановскаго. Вотъ, что онъ пишетъ...

Предсѣдатель. Я вамъ не даю слова, чтобы оглашать этотъ документъ.

Джапаридзе (Тифлисская губ.). Я повинуюсь предсѣдателю, но частнымъ образомъ, конечно, въ печати всѣ ознакомятся съ этимъ документомъ. Союзъ русскаго народа сыгралъ самую позорную роль въ одесскихъ событіяхъ Они наняли спеціально людей, нѣсколько десятковъ человѣкъ...

Предсѣдатель. Ораторъ, мы говоримъ по вопросу о помощи безработнымъ, а не о томъ, какова дѣятельность союза русскаго народа. Этотъ вопросъ обсужденію не подлежитъ, и прошу васъ его не касаться. Мы говоримъ о безработныхъ. (Аплодисменты справа).

Джапаридзе (Тифлисская губ.). Одной изъ причинъ является дѣятельность союза русскаго народа въ дѣлѣ сильнаго обостренія

рабочей нужды, слѣдовательно, я думаю, что говорю по вопросу. Вѣдь намъ нужно выяснить причины безработицы. Кто виноватъ въ томъ, что люди голодаютъ? Я утверждаю, что виновато правительство и тѣ, кто вмѣстѣ съ нимъ. А что союзъ русскаго народа... вмѣстѣ съ правительствомъ—это знаютъ всѣ, хотя бы изъ того, что произошло вчера въ Москвѣ. Это фактъ, что союзъ русскаго народа. (шумъ съ правой стороны и аплодисменты слѣва).

Пуришкевичъ (Бессарабская губ.). Извините, я товарищъ предсѣдателя союза русскаго народа и не позволю оскорблять союзъ русскаго народа.

Предсѣдатель. Никто тутъ имени не упоминаетъ. Я скажу, что то обвиненіе, въ которомъ вы коснулись союза русскаго народа, именно въ убійствѣ всѣми уважаемаго нами бывшаго члена Думы Іоллоса, ничѣмъ не доказано (голоса слѣва: пока не доказано) и, слѣдовательно, пока оно не будетъ доказано, я прошу его не касатся.

Джапаридзе (Тифлисская губ.). Это вѣрно, господа. Юридически этотъ фактъ не доказанъ, но...

Пуришкевичъ (Бессарабская губ.). И морально не доказанъ, (голоса слѣва: слѣдовало бы читать газеты...; справа: да мы и читаемъ; слѣва: только ваши газеты читаете).

Джапаридзе (Тифлисская губ.). Пойдемъ далѣе. Господа, я думаю и одесскія событія только одна изъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Правительство ясно видѣло, что профессіональные союзы въ борьбѣ съ безработицею несомнѣнно играютъ выдающуюся роль не только со стороны матеріальной поддержки, но и своею моральною поддержкою, ибо стараются поддержать духъ протеста, духъ борьбы. И вотъ, правительство принялось за разгромы профессіональныхъ союзовъ. По всей Россіи, какъ извѣстно, въ дни свободы организаціи профессіональныхъ союзовъ развивались очень быстро, потому что они, такъ сказать, шли изъ глубины измученной души. И вотъ, послѣ разгона Думы, когда правительство избавилось отъ контроля Думы, въ Петербургѣ были закрыты всѣ организаціи профессіональныхъ союзовъ, 28 организацій. Во всей Россіи также закрывались всѣ организаціи профессіональныхъ союзовъ. Они были закрыты въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, въ Баку, вездѣ они были закрыты именно за ту поддержку, за тотъ духъ борьбы, которымъ они поддерживали безработныхъ, который такъ былъ ненавистенъ современному правительству. Вы не думайте, что правительство преслѣдуетъ вообще всякіе союзы. Ничего подобнаго. За то время когда въ Петербургѣ были разгромлены профессіональныя союзы, за это время были организованы напримѣръ: союзъ типографовъ, союзъ металлозаводчиковъ. Съ одной стороны, значитъ, оно дезорганизовало рабочихъ, а съ другой содѣйствовало организаціи предпринимателей-

капиталистовъ, чтобы вѣрнѣе задавить ту силу, которая стояла на защиту рабочихъ противъ предпринимателей. Но правительство это не только старалось всѣми средствами помѣшать организоваться рабочимъ, оно отбирало чистый сборъ, который производился въ пользу голодающихъ рабочихъ. На многихъ фабрикахъ и заводахъ было принято отчислять извѣстный процентъ въ пользу голодающихъ рабочихъ, такъ, напримѣръ, на Невскомъ заводѣ 7 процентовъ и такъ далѣе, и такъ далѣе. И если сосчитать всѣ суммы, которыя собрали работающіе рабочіе въ пользу безработныхъ, то увидимъ, что они достигаютъ свыше 100.000 рублей, это одна изъ колоссальныхъ цифръ, такая, которая не могла быть дана многими городскими и общественными самоуправленіями; правительство офиціально запрещало лицамъ, которыя сочувствовали рабочимъ, давать имъ деньги. Кіевскій губернаторъ Веретенниковъ издалъ спеціальное запрещеніе собирать эти деньги и отбиралъ у фабричныхъ властей-предпринимателей подписку, не дѣлать никакихъ ассигнованій на голодающихъ рабочихъ. Репрессіи вмѣстѣ съ тѣмъ пошли усиленно: желали не только морить голодомъ, но и высылать безработныхъ, началась усиленная высылка изъ городовъ: изъ Петербурга было выслано свыше 6 тысячъ человѣкъ; то же самое происходитъ и въ другихъ большихъ промышленныхъ центрахъ. Эти высланные стекаются въ деревни и вмѣстѣ съ тѣми, которые тамъ голодаютъ, обречены на голодную смерть Характерныя данныя приводитъ газета „Рѣчь“, которыя я позволю себѣ прочесть (читаетъ): „на Путиловскомъ заводѣ съ 17 октября 1905 г. подверглось наказаніямъ около 4,000 рабочихъ; изъ нихъ: казненъ 1. Приговорено къ смерти 2 (бѣжали). Сослано на каторгу 7. Приговорено въ крѣпость 3. Находятся въ предв. закл. въ настоящее время 52 соц.-дем. и 28 с-р. Выслано изъ столицы 83. Убито во время демонстрацій и волненій 8, ранено 23. Уволено за пропаганду, 387. Уволено при другихъ обстоятельствахъ — въ видѣ наказанія — около 3,500 человѣкъ“. Вотъ вамъ образчикъ того, какъ правительство заботилось о рабочихъ, какъ оно искусственно вызывало голодъ. Но не одно правительство преслѣдовало безработныхъ рабочихъ, то же самое дѣлали и мѣстныя организаціи, самоуправленія. Само собой понятно, что въ средѣ безработныхъ очень скоро лозунгъ „общественныя работы“ сдѣлался популярнымъ. Это естественный выходъ, который во всѣ времена и во всѣхъ странахъ былъ естественнымъ выходомъ изъ этого положенія. Но, какъ извѣстно, городскія самоуправленія въ первое время отказывали рабочимъ помочь въ ихъ бѣдѣ. Московскій городской голова Гучковъ выгналъ спеціальную делегацію, которая явилась требовать общественныхъ работъ. То же самое было въ Самарѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Баку и т. д. И только послѣ того, какъ безработнымъ удалось организовать серьезную силу

въ лицѣ совѣта безработныхъ, когда возмущеніе безработныхъ увеличивалось, когда голодъ чувствовался сильнѣе и когда правительство и города оказались передъ необходимостью уступить имъ подъ угрозою голоднаго бунта, тогда только городскія самоуправленія пожелали бросить имъ кое-какую работу, чтобы занять на общественныхъ работахъ небольшое количество людей. Самое большое давленіе въ этомъ отношеніи было оказано на петербургское самоуправленіе; имъ кое-что было сдѣлано. Но вы должны знать, что какъ только правительство замѣтило, что сила безработныхъ въ ихъ организаціи, оно постаралось разгромить эту организацію. Послѣ этого городскія самоуправленіи отказались выдавать имъ суммы, которыя были ассигнованы на эти работы, и теперь уже не даютъ ни одной копѣйки. Дѣлаются еще кое-какія работы, но онѣ скоро будутъ закрыты и безработные будутъ выброшены на улицу. Къ безславной политикѣ правительства, которое мстило рабочимъ за ихъ революціонность, прибавилась еще безславная, позорная политика городскихъ самоуправленій, которыя, какъ органы крупной буржуазіи, мстили рабочимъ за ихъ экономическія завоеванія, которыя были сдѣланы въ октябрьскіе дни. Итакъ, господа, мы можемъ резюмировать, что глубокія причины, которыя породили современную безработицу, современный кризисъ, лежатъ въ общей политикѣ самодержавія, которое давно подготовило этотъ кризисъ. Ближайшая причина—это спеціальная политика искусственно вызывать голодъ для того, чтобы голодомъ уморить рабочихъ, для того, чтобы голодомъ „выбить соціалистическія увлеченія изъ головъ рабочихъ". Недавно разсматривался, господа, здѣсь законопроектъ о военно-полевыхъ судахъ. Правительство объявило, что военно-полевые суды есть средство борьбы. Вотъ новое средство борьбы: это голодъ, искусственное созданіе безработицы; это есть страшное орудіе правительства, которое надѣется имъ сломить рабочихъ, дезорганизовать ихъ, чтобы не имѣть передъ собою грозной силы пролетаріата. Выяснивши причины какъ глубокія, такъ и ближайшія этого явленія, мы должны взяться за облегченіе этого явленія, мы должны избрать комиссію—объ этомъ уже было сдѣлано предложеніе—которая соберетъ матеріалы о размѣрахъ и причинахъ безработицы и укажетъ рядъ мѣръ, съ которыми мы должны взяться, чтобы, хотя бы до извѣстной степени, уничтожить безработицу или, по крайней мѣрѣ, дать тѣ средства, которыми сейчасъ можно прекратить вымираніе десятковъ людей. Эта комиссія, въ которой, я надѣюсь, будутъ представители соціалъ-демократіи, выработаетъ цѣлый рядъ мѣръ, о которыхъ я теперь не говорю, но которыя мы внесемъ въ письменномъ видѣ. Эта комиссія сдѣлаетъ свое дѣло уже однимъ тѣмъ фактомъ, что соберетъ матеріалы и предъ лицомъ всей Россіи, всего міра покажетъ, кто виновники теперешнихъ несчастій,

она покажетъ предъ всѣмъ міромъ что люди умираютъ потому, что правительство хочетъ, чтобы люди умирали съ голода. Комиссія сдѣлаетъ это и выработаетъ рядъ мѣръ непосредственной борьбы съ голодомъ. Господа, если только мы дѣйствительно дорожимъ этимъ учрежденіемъ, въ которомъ мы теперь засѣдаемъ, Государственною Думою, если думаемъ, что Государственная Дума, правда въ данный моментъ безправная, можетъ сдѣлаться серьезнымъ орудіемъ въ рукахъ народа для дальнѣйшаго развитія революціи... (голоса справа Чего? Чего?...). для развитія революціи.

Предсѣдатель. Считаю нужнымъ васъ остановить: Государственная Дума есть учрежденіе законодательное и никоимъ образомъ не можетъ перейти въ учрежденіе, которое питало бы революцію. (Аплодисменты и крики справа: браво).

Джапаридзе (Тифлисская губ.). Если, господа, вы дорожите Государственною Думою, какъ учрежденіемъ, которое должно окончательно вырвать исполнительную власть и подчинить ее законодательной власти, если вы дорожите учрежденіемъ Государственной Думы, которое должно окончательно передать...

Предсѣдатель. Государственная Дума исполнительную власть вырвать никоимъ образомъ не можетъ и перейти въ учрежденіе исполнительное она не можетъ, она будетъ всегда оставаться учрежденіемъ законодательнымъ. (Аплодисменты).

Джапаридзе (Тифлисская губ.). Соображеніе г. предсѣдателя ни на чемъ не основано. Мы болѣе чѣмъ увѣрены, что Государственная Дума...

Предсѣдатель. Прошу заявленія предсѣдателя критикѣ не подвергать, особенно въ такой формѣ. (Аплодисменты).

Джапаридзе (Тифлисская губ.). Итакъ, господа, я думаю, что если дѣйствительно намъ дороги интересы Россіи, которая пробуждается къ новой жизни, если мы дѣйствительно дорожимъ преобразованіемъ Россіи на новыхъ демократическихъ началахъ, то мы должны возвысить свой авторитетный голосъ въ пользу тѣхъ, которые въ рядахъ освобожденія совершали больше, чѣмъ кто бы то ни было. Вы должны знать, господа, что рабочій классъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой классъ, на своихъ плечахъ вынесъ всю кровавую тяжесть революціи, всю кровавую тяжесть реакціи. И въ благодарность мы должны поднять свой голосъ въ защиту безработныхъ. (Аплодисменты слѣва).

3. Предложеніе, внесенное въ Гос. Думу с.-д. фракціей по вопросамъ о безработицѣ и продовольственному 7 марта 1907 г.

Соціалдемократическая фракція предлагаетъ Г. Д. образовать продовольственную комиссію при Г. Д., которой поручить: 1) подвергнуть тщательному разсмотрѣнію дѣйствія правительства по оказанію помощи голодающимъ за 1905—1907 года и разслѣдовать расходованіе имъ денежныхъ средствъ, при чемъ это разслѣдованіе произвести не только путемъ разсмотрѣнія отчетности, но и провѣркою на мѣстахъ; 2) сосредоточить всѣ свѣдѣнія о голодѣ, безработицѣ, повышеніи цѣнъ на жизненные припасы для доставленія Г. Д. всѣхъ матеріаловъ, нужныхъ для сужденія о наилучшей формѣ оказанія помощи голоднымъ и безработнымъ. Собираніе этихъ свѣдѣній производить не только путемъ использованія имѣющихся печатныхъ источниковъ, но и путемъ разслѣдованія на мѣстахъ.

4. Формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная с.-д. фракціей 11 мая 1907 г.

„Констатируя, что:

1) правительство не представило до сихъ поръ продовольственной комиссіи полнаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ по продовольствію голодающаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, запретивъ мѣстнымъ учрежденіямъ давать комиссіи свѣдѣнія о положеніи продовольственнаго дѣла и не допуская въ засѣданія комиссіи свѣдущихъ лицъ, правительство лишило комиссію Государственной Думы возможности подвергнуть дѣйствительному контролю продовольственную дѣятельность правительства,

2) что представленныя правительствомъ отрывочныя свѣдѣнія не имѣютъ за собой достаточныхъ оправдательныхъ документовъ, а выяснившіяся уже обстоятельства веденія правительствомъ продовольственнаго дѣла указываютъ, кромѣ общей безхозяйственности и безпорядка, еще и на злоупотребленія народными деньгами.

Государственная Дума, не имѣя увѣренности, что народныя деньги, ассигнуемыя правительству, идутъ дѣйствительно на удовлетвореніе народной нужды,—отказываетъ правительству въ просимомъ кредитѣ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

IV) Двѣ рѣчи деп. Церетели по аграрному вопросу 19 марта и 26 мая 1907 г.

1. Церетели (Кутаисская губ.). Граждане, народные представители! При обсужденіи аграрнаго вопроса всѣ мы сознаемъ, что стоимъ передъ центральнымъ вопросомъ современной русской жизни.

Пока не будетъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, пока стомилліонному изстрадавшемуся крестьянству не будутъ даны человѣческія условія существованія, до тѣхъ поръ нельзя и думать о возрожденіи страны къ той новой жизни, къ тому могучему росту, которые ей предстоятъ. Я не буду вамъ рисовать потрясающей картины крестьянскаго обнищанія, которое день ото-дня принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Это явленіе во всей своей ужасающей наготѣ стоитъ передъ всѣми. На это народное бѣдствіе не смѣютъ закрывать глаза даже и тѣ, кто является непосредственными виновниками его. Вы слышали, господа, что и справа раздавалось требованіе— поставить аграрный вопросъ, какъ неотложный, на первую очередь. Но стоитъ приступить къ разрѣшенію этого вопроса, и пропасть, отдѣляющая старую и новую Россію, раскрывается съ такой ясностью, съ какой не раскрывается она ни въ одномъ изъ прочихъ вопросовъ. Когда прошлая Дума, въ своемъ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, излагая мѣры для коренного переустройства Россіи, выставила принципъ принудительнаго отчужденія земель, правительство категорически отвергло этотъ принципъ: „государственная власть не допуститъ отрицанія права частной собственности на землю“,—такъ было заявлено въ деклараціи. Мы знаемъ, что и нынѣшнее правительство стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. И вотъ я спрашиваю, господа народные представители, на чемъ основанъ этотъ принципъ, это право помѣщичьей собственности, во имя котораго стомилліонному народу закрываютъ выходъ изъ той бездны нищеты и голода, въ которую онъ погружается все глубже и глубже? Всегда ли, по отношенію ли ко всѣмъ государственная власть обнаруживала эту суровую непреклонность? Достаточно вспомнить какимъ путемъ перешла эта собственность въ руки помѣщиковъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Вѣдь земельная собственность давалась государственной властью служилому дворянству, какъ служивому сословію, и когда грамотой Петра III обязательство государственной службы было снято съ дворянъ, земли, данныя имъ подъ условіемъ государственной службы, тѣмъ не менѣе были имъ оставлены въ вѣчную собственность. Но и помимо того на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ государственная власть раздавала въ частную собственность земли, принадлежавшія всему государству, земли, составлявшія собственность всего народа. Не стѣсняясь правомъ народной собственности, государственная власть принудительно отчуждала эти земли въ пользу помѣщиковъ, раздаривала ихъ кучкѣ фаворитовъ, кучкѣ привилегированныхъ, и такимъ путемъ закладывалось основаніе того священнаго права, во имя котораго теперь сотни милліоновъ обрекаются на голодную смерть. (Аплодисменты слѣва). У меня въ рукахъ есть данныя, взятыя изъ изслѣдованій профессора Семевскаго; данныя эти тщательно провѣрены по перво-

источникамъ и относятся къ двумъ историческимъ періодамъ — къ царствованію императрицы Екатерины II и Павла I. Только въ эти два царствованія были розданы въ частную собственность имѣнія, населенныя 1,500,000 крѣпостныхъ душъ обоего пола. Если принять во вниманіе, что на душу, въ среднемъ, приходилось не менѣе 10 десятинъ земли, то мы получимъ громадную земельную площадь, размѣромъ не менѣе 10,000,000 десятинъ. Нужно имѣть въ виду еще, господа народные представители, что населенныхъ имѣній не хватало для раздачи, такъ какъ и въ предшествовавшія царствованія имѣнія эти раздавались такъ же щедро. Имѣнія эти брались изъ казенныхъ земель, изъ земель, конфискованныхъ казной, даже изъ купленныхъ спеціально для этого на счетъ казны. Съ собственностью государства, съ собственностью народа государственная власть не церемонилась совершенно. Отъ временъ Екатерины II сохранилась переписка князя Румянцева съ Рѣпнинымъ. Румянцевъ проситъ присоединить къ пожалованному ему имѣнію лѣсничество Бѣловѣжское на томъ только основаніи, что тамъ водятся „дикія коровы“, за которыми онъ хотѣлъ бы поохотиться; и хотя Рѣпнинъ съ изумленіемъ указывалъ въ отвѣтъ на это, что лѣсничество Бѣловѣжское никому для пожалованія не предназначалось и даже не соприкасается съ назначеннымъ имѣніемъ, тѣмъ не менѣе Румянцевъ настаиваетъ на своемъ и 9 тысячъ десятинъ лѣса со стражниками и съ приписанными крестьянами крѣпостными, а также съ населявшими его всѣми дикими коровами переходятъ въ священную собственность вельможи. (Аплодисменты центра и лѣвой). Давались эти земли то въ воздаяніе за службу, которая и безъ того оплачивалась роскошно, то безъ всякихъ мотивовъ. Давались, наконецъ, по простому мотиву: въ нѣкоторыхъ указахъ говорится „дается такому то по его прошенію“. Эти земли давались, конечно, правящей знати и лицамъ, заслужившимъ ихъ милость. При императорѣ Павлѣ, напримѣръ, списокъ лицъ, которымъ надлежало жаловать имѣнія, составлялся княземъ Куракинымъ. Вотъ нѣкоторыя цифры: Григорій Орловъ съ братьями получилъ имѣніе, населенное 45 тысячами душъ обоего пола, Потемкинъ получилъ имѣніе, населенное болѣе 40 тысячами душъ обоего пола, графъ Бобринскій получилъ имѣніе съ 25 тысячами душъ обоего пола, и такъ далѣе идетъ списокъ лицъ, преимущественно дворянскихъ фамилій, бывшихъ, какъ говорилось въ XVIII вѣкѣ, „въ случаѣ“: князья Куракины, Мусины-Пушкины, графы Остенъ-Сакены, Ланскіе и другіе. Такъ создавалась и крѣпла связь нашей правящей знати съ помѣщичьимъ землевладѣніемъ. Вы знаете, господа, что почти вся наша чиновная знать есть и земельная знать. Вотъ опять нѣсколько любопытныхъ цифръ. Я не буду загромождать, конечно, этимъ матеріаломъ свою рѣчь. Князь Голицынъ, шталмейстеръ Двора,

имѣетъ земель 1.067.000 десятинъ въ 7 губерніяхъ, тайный совѣтникъ Рукавишниковъ, состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ—843,000 десятинъ, Балашевъ, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ—325,000 десятинъ земли, членъ государственнаго совѣта Шереметевъ имѣетъ помѣстья въ 10 губерніяхъ, да еще 16,330 десятинъ душевыхъ надѣловъ въ 7 губерніяхъ и т. д. и т. д. Изъ этой то земли, пріобрѣтенной такимъ путемъ помѣщиками, давались крестьянамъ, при такъ называемомъ освобожденіи крестьянъ, нищенскіе надѣлы по утроенной цѣнѣ. Вѣдь, на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, за поступившія имъ въ надѣлы земли, числилось 897,000,000 р. долгу, сумма, превосходившая самую высокую продажную оцѣнку по тогдашнимъ цѣнамъ на одну треть. Для расплаты съ этимъ долгомъ крестьяне за 45 лѣтъ внесли 1.544.000.189 р., т. е. полтора милліарда. И вотъ теперь, когда доведенное всѣми этими поборами до отчаянія, до нищеты, крестьянство требуетъ себѣ всей помѣщичьей земли, правительство выступаетъ противъ крестьянства, выступаетъ, конечно, не съ тѣми аргументами, съ какими выступалъ сегодня князь Святополкъ-Мирскій, ибо несостоятельность этихъ аргументовъ настолько очевидна, что даже правительство не пользуется ими въ защиту помѣщичьихъ правъ. Нужно по истинѣ имѣть смѣлость князя Святополкъ-Мирскаго, для того, чтобы утверждать, что государству будетъ нанесенъ вредъ, если безземельнымъ, умирающимъ отъ голода крестьянамъ, дать помѣщичьи земли. Нужно имѣть смѣлость князя Святополкъ-Мирскаго для того, чтобы утверждать, что производительность земледѣльческаго труда падетъ, если помѣщичьи земли передать крестьянамъ, ибо всякій знаетъ, что именно на помѣщичьихъ земляхъ господствуетъ обработочная система, система дореформенная. Развитіе земельной культуры, конечно, необходимо вмѣстѣ съ надѣленіемъ крестьянъ землей, но это развитіе возможно только тогда, когда разовьется сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ, когда индустрія и вся промышленность, получивъ толчокъ отъ надѣленія крестьянъ землей, отъ образованія внутренняго рынка, въ свою очередь дастъ сбытъ земледѣльческимъ товарамъ, дастъ толчекъ развитію производительности труда въ земледѣліи. Это, конечно, не могутъ понять и не хотятъ понять господа справа. Правительство выступаетъ противъ требованій со стороны крестьянъ помѣщичьей земли во имя неотъемлемости и неприкосновенности частной собственности. Но щадило ли оно этотъ принципъ неотъемлемости, когда рѣчь шла о томъ, чтобы раздавать народныя земли помѣщикамъ? Щадитъ ли этотъ принципъ частной собственности государственная власть въ настоящій моментъ? Щадили ли принципъ частной собственности карательныя экспедиціи по всей Россіи и Прибалтійскому краю? Щадилъ ли частную собственность генералъ Али-

хановъ, который прошелъ черезъ всю Имеретію, огнемъ и мечемъ опустошая ее (аплодисменты слѣва), предавая сожженію дома и имущество не только тѣхъ, кого онъ подозрѣвалъ въ политической неблагонадежности, но и ихъ родственниковъ и близкихъ? Щадила ли собственность Сѣдлецкая власть при разгромѣ Сѣдлеца, послѣ того, какъ она сама же заставила дать провокаторскій выстрѣлъ? (Аплодисменты слѣва). За огражденіе ли частной собственности полковникъ Думбадзе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (аплодисменты слѣва), тотъ полковникъ Думбадзе, который приказалъ сжечь домъ, изъ котораго въ него стрѣляли? Я знаю какой отвѣтъ имѣется на это у правительства. Мы слышали этотъ отвѣтъ изъ устъ предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Онъ говорилъ: „ударяя по революціи, мы не могли не задѣвать частныхъ интересовъ". Онъ говорилъ: „бываютъ роковыя минуты въ жизни государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права". О, да, именно такую минуту переживаетъ теперь Россія. Но почему же государственная власть возвышается надъ правомъ лишь тогда, когда дѣло идетъ о раздачѣ народныхъ земель помѣщикамъ или о томъ, чтобы давить живыя силы страны, рвущіяся къ свободѣ, и отказывается стать выше права тогда, когда рѣчь идетъ о защитѣ такого сомнительнаго права, какъ право помѣщиковъ на землю. (Аплодисменты слѣва).

Развѣ пожаръ народнаго бѣдствія, охватившій Россію со всѣхъ сторонъ, не создаетъ государственной необходимости уничтоженія права помѣщиковъ на землю, права, мѣшающаго народному благоденствію? Но дѣло именно въ томъ, что подъ государственностью правительство понимаетъ не народные интересы, а интересы той кучки помѣщиковъ, съ которой она, эта государственность, довела всю Россію до истощенія, плодомъ этой государственности явился хроническій голодъ народа, то бѣдствіе, съ которымъ незнакомо ни одно изъ современныхъ культурныхъ государствъ Европы. Эта государственность довела Россію до Мукдена и Цусимы. (Аплодисменты).

Келеповскій (Херсонская губ.). И до армянъ въ русскомъ парламентѣ.

Предсѣдатель. Прошу съ мѣста не говорить.

Церетели (Кутаисская губ.). Тутъ маленькое недоразумѣніе. Вы меня считаете армяниномъ, но, къ сожалѣнію, вы въ этомъ ошибаетесь такъ же, какъ и во многомъ другомъ. (Оглушительные аплодисменты слѣва). И вотъ, вся задача настоящаго момента заключается именно въ томъ, чтобы разрушить эту государственность съ ея помѣщичьи-бюрократической основой и на развалинахъ этой государственности создать государственность современную на новыхъ, культурныхъ началахъ. Во имя этой высокой задачи, во имя этой новой

государственности должно быть разрушено священное право помѣщиковъ, должно быть принесено въ жертву помѣщичье землевладѣніе. Этого требуетъ благо всей Россіи, этого требуетъ благо умирающаго отъ голода стомилліоннаго крестьянства, и это будетъ совершено силами народа. (Аплодисменты слѣва). Соціалъ-демократическая фракція считаетъ необходимымъ немедленное образованіе комиссіи для разработки аграрнаго вопроса. Въ эту комиссію, въ качествѣ матеріала, соціалъ - демократическая фракція передаетъ слѣдующее заявленіе (читаетъ):

„Мы, члены Государственной Думы, принадлежащіе къ соціалъ-демократической фракціи, находимъ необходимымъ для облегченія положенія земледѣльческаго населенія въ Россіи, для уничтоженія кабалы въ деревнѣ, измѣненіе существующихъ земельныхъ отношеній въ Россіи на слѣдующихъ началахъ:

1. Уничтоженіе всякихъ стѣсненій крестьянъ въ распоряженіи ихъ земельной собственностью, поскольку эти стѣсненія вытекали изъ сословной обособленности крестьянства. Такъ какъ кромѣ крестьянской мелкой собственности останутся и другія формы землевладѣнія (городскія земли, усадебныя мѣста горожанъ и сельчанъ и т. д.), то ограниченія въ распоряженіи крестьянскими землями могутъ быть лишь одинаковыя съ ограниченіями другихъ собственниковъ и ихъ товариществъ и лишь въ общественныхъ интересахъ.

2. Отчужденіе безъ выкупа церковныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель и передача ихъ, а равно и казенныхъ земель крупнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія. Такъ какъ значительная часть удѣльныхъ, кабинетскихъ и государственныхъ земель еще не населены и не могутъ составить земельный фондъ для переселенцевъ, то незанятыя мѣстнымъ населеніемъ земли, а также лѣса и воды, имѣющіе общегосударственное значеніе, должны быть оставлены во владѣніи демократическаго государства.

3. На такомъ же началѣ, т. е. безъ выкупа, должны быть отчуждены частновладѣльческія земли (кромѣ мелкаго землевладѣнія и надѣльныхъ земель) и переданы демократическому мѣстному самоуправленію. При этомъ депутаты отъ всего населенія, избранные въ органы мѣстнаго самоуправленія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, должны рѣшить и вопросъ о томъ, выше какихъ размѣровъ земельные участки въ каждой области должны подлежать конфискаціи.

4. Тѣ же органы мѣстнаго самоуправленія должны рѣшить и вопросъ о томъ, какъ населеніе будетъ пользоваться землями, перешедшими въ общественное распоряженіе.

5. Уравненіе въ правахъ всѣхъ гражданъ, уничтоженіе сословій и приписокъ къ нимъ тѣмъ самымъ даетъ право каждому гражда

ниву поселяться въ каждой мѣстности, принимать участіе въ дѣлахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, а слѣдовательно и въ распоряженіи принадлежащими самоуправленію замлями и въ опредѣленіи условій пользованія ими.

Представляя изложенныя начала, какъ основы аграрной реформы, соціалъ-демократическая фракція Государственной Думы находитъ необходимымъ предварительное обсужденіе земельнаго вопроса населеніемъ на мѣстахъ при посредствѣ избранныхъ всѣмъ населеніемъ мѣстныхъ комитетовъ".

2. Церетели (Кутаисская губ.). Господа народные представители. Въ своемъ заключительномъ словѣ я остановлюсь на тѣхъ основныхъ аргументахъ и соображеніяхъ, которые были выставлены здѣсь въ продолженіе долгихъ преній по занимающему насъ вопросу въ противовѣсъ принципамъ, положеннымъ въ основу нашего предложенія по аграрному вопросу. Всѣ эти соображенія распадаются на три главныя группы: 1) соображенія, идущія справа, направленныя въ защиту помѣщичьей собственности, противъ всякаго принудительнаго отчужденія; 2) соображенія, идущія изъ центра, въ защиту принудительнаго отчужденія съ выкупомъ по справедливой оцѣнкѣ, и 3) соображенія, идущія отъ народническихъ фракцій, изъ которыхъ одни (трудовики) допускаютъ принудительное отчужденіе по оцѣнкѣ, болѣе умѣренной, чѣмъ та справедливая оцѣнка, которую предлагаютъ кадеты. Другіе же (соціалъ-революціонеры), подобно намъ, предлагаютъ принудительное отчужденіе безъ всякаго выкупа, но всѣ считаютъ необходимымъ введеніе законодательныхъ нормъ, регулирующихъ землепользованіе во всемъ государствѣ.

Я начну справа. Прежде всего, я долженъ указать на то, что признаніе незыблемости помѣщичьей собственности, фактически устраняетъ возможность всякаго дѣйствительнаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія. И въ высшей степени замѣчательно то, что предсѣдатель Совѣта Министровъ, принципіально занимающій ту же позицію, на которой стоятъ правые, излагая тѣ мѣры, съ помощью которыхъ онъ предлагаетъ разрѣшить современный аграрный кризисъ, не потрудился даже опровергнуть ту критику, которая была направлена именно противъ этихъ мѣръ въ такомъ обиліи, тѣ доводы, которые самъ онъ назвалъ вѣскими. Онъ ничего не сказалъ противъ того, что дѣятельность крестьянскаго банка, къ расширенію которой сводятся тѣ мѣропріятія, которыя теперь имъ предлагаются, что эта дѣятельность искусственно вздуваетъ цѣны на помѣщичьи земли и закабаляетъ и безъ того разоренное крестьянство банку. Онъ ничего не сказалъ противъ того, что вслѣдствіе дѣятельности этого банка, несмотря на заминку послѣдняго времени, несмотря на аграрные безпорядки, увеличившіе предложеніе помѣщичьихъ земель, цѣна этихъ

земель возросла за 20 лѣтъ на 120%. Вѣдь, если предположить, что эта цѣна дальше не будетъ вздуваться,—а это есть самое невѣроятное предположеніе,—то даже по цѣнѣ 1906 г. за 57,000,000 д. необходимыхъ для донадѣленія крестьянъ, придется уплатить около 6.500.000.000 р., при чемъ на долю бѣднѣйшихъ крестьянъ, на долю хозяйствъ, имѣющихъ не свыше 5 дес. приходится 2.500.000.000 р. Такая мѣра, конечно, хороша для того, чтобы укрѣпить и обогатить помѣщичье сословіе, она хороша для того, чтобы закабалить и безъ того закабаленное крестьянство, но вмѣсто разрѣшенія аграрнаго кризиса она конечно, еще болѣе усугубить этотъ кризисъ и еще болѣе увеличитъ крестьянскую нищету. И повидимому господа справа прекрасно сознаютъ, что, стоя на почвѣ помѣщичьей незыблемости собственности, нельзя и думать о дѣйствительномъ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. Тотъ единственный аргументъ, по внѣшности по крайней мѣрѣ претендующій на серьезность, тотъ аргументъ, который повторялся рѣшительно во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ справа, направленъ именно на то, чтобы устранить при разрѣшеніи аграрнаго вопроса необходимость расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Переживаемый Россіей кризисъ, говорилось въ этихъ рѣчахъ, коренится вовсе не въ крестьянскомъ малоземельѣ. Главная причина этого кризиса—низкій уровень крестьянской культуры; надо поднять эту культуру, говорили они, и аграрный кризисъ будетъ разрѣшенъ этой мѣрой. Но развѣ мыслимо поднять культуру на площади, не способной прокормить земледѣльца? Развѣ тотъ фактъ, что признаки улучшенія земледѣльческой культуры крестьянскаго хозяйства появляются лишь въ той мѣрѣ, въ которой увеличиваются размѣры крестьянскаго землепользованія, развѣ этотъ фактъ не говоритъ о томъ, что именно для поднятія крестьянской культуры необходимо предварительное увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія? Вотъ, напримѣръ, данныя, приводимыя Щербиной о хозяйствѣ воронежскихъ крестьянъ. По этимъ даннымъ можно прослѣдить, какая неразрывная связь существуетъ между крестьянской хозяйственной культурой и размѣрами крестьянскаго землевладѣнія. По этимъ даннымъ въ безземельныхъ хозяйствахъ расходы на личныя потребности составляютъ 33 р. 78 к., расходъ на хозяйственныя нужды 20 р., на имущество, имѣющее производительное назначеніе, 11 р. 80 к. Въ хозяйствахъ, имѣющихъ до 5 дес. на дворъ, расходуютъ на личныя потребности 32 р. 89 к., на хозяйственныя нужды 21 р. 38 к. и на имущества, имѣющія производительныя назначенія 26 р. 98 к. и т. д. Съ увеличеніемъ площади землевладѣнія увеличивается и расходъ на производительныя потребности, на скотъ, на инвентарь. То же самое говорятъ данныя относительно всего Западнаго края. Въ Прибалтійскомъ краѣ, Царствѣ Польскомъ, въ Волынской, Ко-

венской, Смоленской и другихъ западныхъ губерніяхъ крестьянство, обладающее среднимъ земельнымъ достаткомъ, разселяется на отрубные участки для перехода отъ трехполья къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства и для улучшенія скотоводства. Этому стремленію противятся малоземельные крестьяне, ибо трехъ—четырехъ десятинъ не хватаетъ при разселеніи ни на выпасъ скота, ни на посѣвъ. Малоземельное крестьянство вынуждено цѣпляться за старую систему, и говорить объ уничтоженіи общины, какъ это сдѣлалъ предсѣдатель Совѣта Министровъ, безъ предварительнаго фактическаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія, значить обрекать громадное количество безземельныхъ крестьянъ на голодную смерть. (Аплодисменты слѣва). Нужно ли приводить еще данныя, свидѣтельствующія о связи размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія съ культурой крестьянскаго хозяйства? Въ Московской губерніи, гдѣ уже теперь наблюдается переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, на дворъ съ травосѣяніемъ приходится въ среднемъ отъ 8,7 дес. до 9,8; на дворъ безъ травосѣянія—отъ 7,2 до 8,5. При этомъ, чѣмъ ближе рынокъ сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, тѣмъ меньше становится минимумъ, необходимый для введенія улучшеній. Въ Московскомъ уѣздѣ, напримѣръ, къ травосѣянію перешли дворы съ 7,2 д. въ среднемъ. Итакъ, для интенсификаціи крестьянскаго хозяйства нужно прежде всего расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. На душу земледѣльческаго населенія въ Россіи, въ среднемъ, приходится меньше чѣмъ въ государствахъ, ввозящихъ хлѣбъ; даже въ Даніи и Соединенномъ королевствѣ—въ государствахъ, ввозящихъ хлѣбъ,— въ среднемъ на душу приходится: въ Даніи 2,7 дес., въ Соединенномъ королевствѣ 2,82 дес., а въ Россіи всего 2,59 дес. Нужно принять въ соображеніе, что если эти цифры даютъ приблизительно вѣрное представленіе о дѣйствительномъ распредѣленіи земли въ Европейскихъ государствахъ, то по отношенію Россіи нужно учесть крайнюю неравномѣрность распредѣленія земли, въ виду обширности ея площади. Мы знаемъ, что, напримѣръ, въ Кіевской губерніи приходится 0,65 дес. на душу; въ той губерніи, откуда я являюсь представителемъ, Кутаисской, приходится всего $^1/_3$ дес. И такъ, если для разрѣшенія аграрнаго кризиса необходимо улучшеніе крестьянской культуры, то первымъ шагомъ должно быть расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Съ другой стороны, дальнѣйшая интенсификація крестьянскаго хозяйства находится въ прямой зависимости отъ того, насколько будетъ выгодна эта интенсификація, т. е. насколько расширится рынокъ для сбыта сельскохозяйственныхъ товаровъ, о расширеніи котораго нельзя и думать при господствѣ крѣпостнической финансовой политики, разоряющей широкія трудящіяся массы. По дать крестьянамъ землю—это и значить дать помѣщичью землю, ибо

удѣльныя и казенныя земли составляютъ только каплю въ морѣ для удовлетворенія потребностей малоземельныхъ крестьянъ, да ихъ меньше всего тамъ, гдѣ это малоземелье наиболѣе острое. Уничтожить разорительную финансовую политику—это и значитъ уничтожить помѣщичій бюрократическій строй, т. е. подрубить тотъ сукъ, за который цѣпляются правые. И господа справа, представляющіе, въ противовѣсъ требованію принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель, требованіе поднятія крестьянской культуры, вынуждены закрывать глаза на то, что именно для поднятія крестьянской культуры необходимо полное уничтоженіе помѣщичьихъ землевладѣній и полная ликвидація помѣщичьяго бюрократическаго режима. Мудрено ли, что, находясь въ такомъ положеніи, не имѣя за душой ни одного аргумента, кромѣ этого единственнаго, направляющагося противъ нихъ же самихъ, господа справа выливаютъ всю свою безсильную злобу въ рядѣ недостойныхъ выходокъ, въ родѣ той, которою обезславилъ себя депутатъ Шульгинъ на этой трибунѣ, представивъ въ формѣ законопроекта...

Предсѣдатель. Прошу не касаться отдѣльныхъ депутатовъ.

Церетели. (Кутаисская губ.) ...въ родѣ той, которую позволилъ себѣ депутатъ Шульгинъ на этой трибунѣ...

Предсѣдатель. Прошу васъ не говорить объ отдѣльныхъ депутатахъ, а говорить по данному вопросу.

Церетели (Кутаисская губ.). Я не буду касаться этихъ выходокъ, онѣ уже по достоинству были оцѣнены и здѣсь и въ странѣ.

Я перехожу къ выясненію нашихъ разногласій съ представителями центра. Принципъ принудительнаго отчужденія земли есть объективно принципъ освободительнаго движенія, но не всѣ, стоящіе за этотъ принципъ, сознаютъ или хотятъ признать всѣ тѣ выводы, къ которымъ обязываетъ этотъ принципъ. Докладчикъ конституціонно-демократической фракціи депутатъ Кутлеръ, возражая противъ нашего требованія принудительнаго отчужденія земли безъ выкупа, указалъ на то, что не только помѣщичья, но и многая другая собственность пріобрѣтена несправедливыми путями, и онъ заключилъ отсюда, что идти на уничтоженіе собственности одного какого-нибудь вида является неосновательнымъ, несправедливымъ и нелогичнымъ. И разъ—говорилъ онъ—никто не предлагаетъ уничтожить собственность вообще, то надо признать сохраненіе помѣщичьей собственности во всей ея силѣ. Итакъ, депутатъ Кутлеръ, признавая несправедливость собственности вообще, протестуетъ противъ частичнаго нарушенія этой несправедливости и требуетъ сохраненія этой несправедливости во всемъ ея объемѣ. Это конечно своеобразный способъ пониманія справедливости, но фракція народной свободы, идетъ дальше и уже сама измѣняетъ собственному принципу, пред-

лагая принудительное отчужденіе съ выкупомъ только помѣщичьихъ земель. Развѣ принудительное отчужденіе, хотя бы и съ выкупомъ, есть то признаніе помѣщичьей собственности во всей ея силѣ, о которомъ говорилъ депутатъ Кутлеръ? Зачѣмъ же понадобилась эта путаница, всѣ эти ссылки на принципъ, на который фракція народной свободы и не думала опираться? Мнѣ кажется это понадобилось для того, чтобы затемнить то обстоятельство, что взгляды партіи народной свободы являются лишь недоведенными до конца выводами изъ того принципа, который диктуется самою жизнью. И такъ какъ вопросъ, дѣйствительно, оказался затемненнымъ, такъ какъ можетъ показаться неясно, почему мы, не находя возможнымъ уничтоженіе въ настоящій моментъ всей собственности, считаемъ тѣмъ не менѣе необходимымъ уничтоженіе помѣщичьей собственности, и такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ громадное значеніе для насъ, то я вынужденъ пояснить, на чемъ основано это наше требованіе, и въ чемъ залогъ его осуществимости. Съ выясненіемъ этого вопроса станетъ ясно и то, кто болѣе послѣдователенъ и логиченъ, мы ли, требующіе принудительнаго отчужденія безъ выкупа, или конституціонно-демократическая фракція, требующая принудительнаго отчужденія съ выкупомъ по справедливой оцѣнкѣ. Въ своей первой рѣчи я указывалъ уже, что историческое оправданіе помѣщичьяго землевладѣнія исчезло еще въ XVIII вѣкѣ, когда экономическое развитіе страны сдѣлало необходимымъ преобразованіе дѣла обороны страны на новыхъ началахъ, когда помѣщики перестали нести государственную службу и, тѣмъ не менѣе, земля, дававшаяся имъ раньше въ личное пожизненное владѣніе, въ уплату этой службы, была закрѣплена за ними въ потомственное владѣніе. Уже тогда этотъ фактъ отразился въ сознаніи крестьянства, какъ величайшая историческая несправедливость, но въ то время не назрѣли еще условія для паденія этого режима. Только съ развитіемъ капитализма выяснилась не только несправедливость помѣщичьяго землевладѣнія, но и несовмѣстимость его съ дальнѣйшимъ развитіемъ страны. Впервые это выразилось въ Крымскомъ разгромѣ, который вынудилъ правительство къ реформѣ, называемой освобожденіемъ крестьянъ. Но освобожденіе крестьянъ было лишь частичнымъ разрушеніемъ стараго уклада; противорѣчіе между развитіемъ страны и помѣщичьимъ землевладѣніемъ продолжало обостряться все болѣе и болѣе. Здѣсь, господа справа указывали на культурное значеніе помѣщичьяго землевладѣнія. Но вѣдь извѣстно, какой ничтожный процентъ составляютъ культурныя имѣнія въ общемъ количествѣ помѣщичьяго землевладѣнія. По даннымъ министерства земледѣлія, которое собирало ихъ по свѣдѣніямъ „Новаго Времени“, съ 1895 г. оно насчитало въ 50 русскихъ губерніяхъ всего 1.840 культурныхъ

имѣній, съ общей площадью 7.047.574 десятинъ земли изъ общаго числа 38.685.000 дес., эксплоатируемыхъ помѣщиками. На остальныхъ 30 съ лишнимъ милліонахъ десятинъ земли помѣщики въ громадномъ числѣ случаевъ или получаютъ хищническую продовольственную ренту отъ сдачи земель въ аренду, или же обрабатываютъ ее чужимъ инвентаремъ, путемъ кабальной отработочной системы. Вотъ этимъ то помѣщикамъ крестьянство остается фактически закрѣпощеннымъ съ 1861 г., ибо при освобожденіи ихъ даже съ тѣхъ земель, которыя давались имъ раньше въ такомъ количествѣ, которое они могли обработать въ три дня, свободные отъ обязательной работы на помѣщиковъ, даже съ этихъ земель было урѣзано у нихъ 2%; и если къ этому прибавить тѣ громадные выкупные платежи, которые были возложены на крестьянъ, если къ этому прибавить, что колоссальный бюджетъ Россійскаго государства всей своей тяжестью ложится на трудящіяся массы вслѣдствіе косвеннаго обложенія, то мудрено ли, что развился голодный спросъ на землю, голодная аренда, не останавливающая, а усиливающая крестьянское разореніе. Съ другой стороны, господство крѣпостническихъ формъ землевладѣнія и государственнаго крѣпостничества привело къ тому, что, несмотря на систематическое покровительство промышленникамъ, развитіе промышленности уперлось въ стѣну вслѣдствіе отсутствія внутренняго рынка, вслѣдствіе разоренія крестьянства. И такъ, неумолимый ходъ капиталистическаго развитія натолкнулся на препятствія во всѣхъ сохранившихся формахъ хищничества и крѣпостничества, находящихъ свое яркое выраженіе въ помѣщичьемъ землевладѣніи и въ той роли, которую бюрократическое дворянство и дворянская бюрократія играетъ во всемъ укладѣ страны. Вопросъ о ликвидаціи, объ уничтоженіи этого строя является вопросомъ жизни страны. И въ высшей степени замѣчательно то, что крестьянскіе бунты продолжались въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, но съ того времени, какъ началось развитіе капитализма и связанное съ нимъ движеніе пролетаріата и складывающейся городской буржуазной демократіи, эти бунты превратились въ революцію. Въ настоящій моментъ, крестьянское движеніе является откликомъ на движеніе городовъ. Оно получаетъ толчокъ отъ экономически болѣе развитыхъ элементовъ городского населенія. Вспомните, что волна аграрнаго движенія прокатилась по всей Россіи послѣ 9 января, вспомните, что волна аграрнаго движенія съ зимы 1906 г. была опять таки откликомъ на великую октябрьскую забастовку рабочихъ. (Аплодисменты слѣва). Вотъ эти факты показываютъ намъ, что мы переживаемъ не эпоху крестьянскихъ бунтовъ, которые искони подавлялись, а эпоху великой буржуазной революціи, и что требованіе принудительнаго отчужденія земли сдѣлалось требованіемъ, связаннымъ съ дальнѣй-

шимъ развитіемъ страны. Ясно теперь, насколько правы тѣ, которые упрекали насъ въ непослѣдовательности, говоря, что мы должны были бы требовать конфискаціи фабрикъ и заводовъ, разъ мы требуемъ конфискаціи помѣщичьяго землевладѣнія. Это придетъ еще, когда назрѣютъ условія для соціальной революціи. (Аплодисменты слѣва). Но этихъ условій еще нѣтъ и для ихъ созданія нужно прежде всего покончить со старымъ, крѣпостническимъ режимомъ, уже осужденнымъ историческимъ развитіемъ. (Аплодисменты слѣва). Эта необходимость настолько диктуется жизнью, что сами кадеты были вынуждены признать принципъ принудительнаго отчужденія земли, хотя стараются всѣми силами ослабить его примѣненіе. Другой представитель партіи народной свободы,—если не ошибаюсь,—депутатъ Шингаревъ, говорилъ съ ужасомъ о насиліи въ организованномъ государствѣ; онъ говорилъ, что Франція, совершившая конфискацію, заплатила за это столѣтіемъ потрясеній. Онъ забылъ, что именно послѣ конфискаціи и вслѣдствіе конфискаціи земель помѣщиковъ Франція возродилась къ новой могучей жизни. Онъ забылъ, что тѣ потрясенія, которыя ею переживаются съ тѣхъ поръ, имѣютъ другой корень—соціальную борьбу классовъ и что именно вслѣдствіе конфискаціи новый порядокъ пріобрѣлъ прочную опору въ борьбѣ со старымъ порядкомъ, въ борьбѣ съ реставраціей, пытавшейся сокрушить этотъ новый порядокъ и повернуть вспять развитіе исторіи. А главное, онъ забылъ, что принудительное отчужденіе земли съ выкупомъ, предлагаемымъ кадетской партіей, есть тоже насиліе въ организованномъ государствѣ. Вѣдь добровольно помѣщики не соглашаются отдать свои земли, хотя бы и за тотъ выкупъ, который предлагаютъ господа представители партіи народной свободы. Вѣдь и тутъ приходится прибѣгать къ насилію, принужденію. Какой же смыслъ, какое же оправданіе имѣетъ при этихъ условіяхъ выкупъ, предлагаемый конституціонно-демократической фракціей? Вѣдь этой мѣрой они не могутъ избѣжать того, чего хотятъ избѣгнуть. Вѣдь частную собственность помѣщиковъ имъ все таки приходится нарушить. И чтобы скрыть это обстоятельство, они и предлагаютъ откупиться отъ помѣщиковъ новыми милліардами народныхъ денегъ. Половину этихъ денегъ они предлагаютъ выплачивать крестьянамъ въ прямой формѣ, другую же половину—черезъ государство, путемъ новаго государственнаго обложенія. Я не буду касаться принципа справедливой оцѣнки, я не буду касаться того,—насколько справедлива оцѣнка помѣщичьихъ земель по капитализированной рентѣ, при условіи веденія капиталистическаго хозяйства, т. е. при условіи безпощадной эксплоатаціи батрацкаго труда. Укажу только на то, что выкупъ, предлагаемый кадетами, есть новая петля, надѣваемая на шею обнищавшаго крестьянства, есть новые выкупные

платежи, которые въ нѣсколько милліардовъ превосходятъ тѣ платежи, которые были наложены въ 1861 году, ибо земли приходится выкупать гораздо больше. Съ другой стороны, государство ввергается въ новые долги, и къ 9 милліардамъ государственнаго долга прибавляются новые милліарды, которые всей своей тяжестью лягутъ опять таки на плечи трудового населенія, опять таки на плечи того же крестьянства. Если представители фракціи народной свободы не хотятъ думать о томъ гнетѣ, который ляжетъ на обнищавшее крестьянство, то пусть подумаютъ о томъ, сколько потеряютъ при этой операціи держатели русскихъ государственныхъ бумагъ какъ заграничные, такъ и русскіе, которые уже потеряли болѣе $2^1/_2$ милліардовъ, вслѣдствіе общаго пониженія цѣны государственныхъ долговыхъ обязательствъ. Вопросъ стоитъ ясно и прямо. Принудительное отчужденіе помѣщичьей земли, исправленіе вѣковой необходимости, сдѣлалось въ настоящій моментъ не только возможнымъ, но и необходимымъ въ интересахъ жизни страны. Стремленіе вознаградить помѣщиковъ за этотъ выкупъ на счетъ народа не выдерживаетъ критики ни съ точки зрѣнія интересовъ народа, которые требуютъ радикальнаго измѣненія распредѣленія землевладѣнія, требуютъ радикальныхъ мѣръ для борьбы съ острымъ крестьянскимъ малоземельемъ,—ни съ точки зрѣнія справедливости, на которую пытались было опереться представители кадетской фракціи. И потому вмѣсто несмѣлаго, не доведеннаго до конца шага, предполагаемаго кадетской фракціей, вмѣсто принудительнаго отчужденія съ выкупомъ по справедливой оцѣнкѣ, Государственная Дума обязана сдѣлать смѣлый и рѣшительный шагъ, обязана принять принудительное отчужденіе безъ выкупа въ пользу крестьянства. (Аплодисменты слѣва). Только въ этомъ случаѣ сумѣетъ она выполнить свою историческую миссію.

Перехожу къ соображеніямъ, представленнымъ народническими фракціями. Прежде всего я долженъ оговориться, что если въ вопросѣ о способахъ отчужденія земли мы къ этимъ фракціямъ стоимъ гораздо ближе, чѣмъ къ фракціи народной свободы, то въ вопросѣ о формахъ землепользованія, мы отъ нихъ стоимъ дальше. Мы не считаемъ необходимымъ—во первыхъ отчужденіе надѣльныхъ земель, мы думаемъ, что для уничтоженія кабалы, для освобожденія крестьянъ—мелкихъ собственниковъ, необходимо уничтоженіе крупной и средней помѣщичьей собственности, но не уничтоженіе собственности этихъ же самыхъ крестьянъ; и всякая попытка провести въ жизнь эту мѣру, можетъ вызвать страшное контръ-революціонное движеніе, можетъ вызвать братоубійственную войну среди крестьянъ, войну всѣхъ противъ всѣхъ, можетъ вооружить многоземельныхъ крестьянъ противъ малоземельныхъ и тѣмъ самымъ сдѣлать совер-

шенно невозможнымъ окончательное рѣшеніе аграрнаго вопроса. Принципъ трудовой нормы, которую предлагаетъ положить въ основаніе будущаго землепользованія, какъ фракція трудовиковъ, такъ и фракція соціалъ-революціонеровъ, по нашему мнѣнію является плодомъ нашей отсталости, плодомъ нашей нищеты, плодомъ уравненія крестьянства въ нищетѣ, а не въ богатствѣ. Вѣдь стоитъ только предположить накопленіе капитала у мелкихъ землевладѣльцевъ, стоитъ только предположить приложеніе этого капитала къ землѣ, а безъ этого невозможенъ никакой прогрессъ земледѣлія, чтобы стало ясно, какъ различны размѣры той земли, которая можетъ быть обрабатываема одной и той же семьей при различныхъ размѣрахъ капиталистическаго обезпеченія. Само уравнительное землепользованіе, по нашему мнѣнію, является утопіей неосуществимой, является мѣрой, которая способна только ухудшить положеніе бѣднѣйшихъ слоевъ крестьянскаго населенія и деревенскаго пролетаріата и затормозить весь ходъ экономическаго развитія. Вѣдь надѣляя всѣхъ землей въ равной мѣрѣ, представители народническихъ фракцій не считаютъ въ настоящій моментъ возможнымъ надѣлить ихъ всѣхъ, этихъ крестьянъ, соотвѣтствующимъ количествомъ инвентаря. И если это такъ, если останется все таки широкій слой крестьянъ, не имѣющихъ собственныхъ хозяйствъ, если останется широкій слой деревенскаго пролетаріата и полупролетарскихъ элементовъ, крестьянской бѣдноты, то какая польза будетъ имъ отъ того, что имъ будетъ дана по трудовой нормѣ земля, которую имъ нельзя будетъ ни сдавать въ аренду, ни продавать? Если даже предположить, что, при разрѣшеніи аграрнаго вопроса, окажется возможнымъ надѣленіе всѣхъ неимущихъ инвентаремъ, то капиталистическій строй,—строй, основанный на соперничествѣ, на конкурренціи отдѣльныхъ хозяйствъ, строй, дѣлающій этихъ хозяевъ зависимыми отъ рынка, сдѣлаетъ неизбѣжнымъ новое возникновеніе неравенства среди крестьянъ. Хозяйства, ближе расположенныя къ рынку, хозяйства, лучше умѣющія учесть состояніе этого рынка будутъ богатѣть на счетъ своихъ сосѣдей, которые постепенно будутъ терять свою самостоятельность и при этихъ условіяхъ, при неизбѣжномъ сохраненіи неравенства, запрещеніе сдачи земли въ аренду, запрещеніе продажи этой земли, запрещеніе примѣненія наемнаго труда всей своей тяжестью ляжетъ именно на неимущій слой крестьянскаго населенія, ибо если закономъ будетъ запрещено совершеніе этихъ сдѣлокъ, а жизнь съ неумолимостью будетъ ихъ диктовать, онѣ будутъ совершаться вопреки закону; а мы знаемъ изъ примѣра общиннаго строя, мы знаемъ изъ примѣровъ Западной Европы, что совершаемыя въ обходъ закона сдѣлки пріобрѣтутъ кабальный характеръ, характеръ невыгодный именно для слабѣйшей стороны. Кромѣ того, уравни-

тельное землепользованіе, стремясь закрѣпить мелкую форму хозяйства, тѣмъ самымъ создаетъ преграды для развитія производительныхъ силъ, создаетъ преграды для дальнѣйшаго развитія страны и тѣмъ самымъ отдаляетъ моментъ, когда падутъ оковы классоваго угнетенія и исчезнетъ вполнѣ классовое неравенство. (Аплодисменты слѣва). Не давая по существу того, что она обѣщаетъ, не уничтожая въ деревнѣ неравенства и классовой борьбы, эта мѣра способна лишь затемнить сознаніе деревенскаго пролетаріата, который бы поддался этой иллюзіи и стремился бы, считалъ бы возможнымъ въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя достигнуть осуществленія равенства и тѣмъ самымъ ослабилъ бы энергію борьбы за будущій строй, который единственно способенъ дать ему полное освобожденіе. (Аплодисменты слѣва). Предсѣдатель Совѣта Министровъ огульно указалъ на то, что лѣвыя фракціи признаютъ необходимость національзаціи земель. Я отъ имени соціалъ-демократической фракціи рѣшительно долженъ заявить, что идея національзаціи земель вполнѣ чужда этой фракціи. Мы не считаемъ возможнымъ передавать земельный фондъ въ руки государства, ибо для управленія этимъ фондомъ, для распоряженія этими землями, государство будетъ вынуждено создать цѣлую армію бюрократіи, цѣлую армію чиновничества, которая не въ состояніи будетъ примѣняться къ разнообразнымъ особенностямъ мѣстностей и, будучи оторванной отъ населенія, не сумѣетъ использовать свои права въ выгодахъ этого самаго населенія. Съ другой стороны, объявленіе всего земельнаго фонда достояніемъ центральнаго правительства явилось бы величайшею несправедливостью по отношенію къ мелкимъ національностямъ, входящимъ въ составъ россійскаго государства, которыя ни въ коемъ случаѣ не примирились бы съ этимъ положеніемъ вещей. И наконецъ, мы не хотимъ давать въ руки государства эту страшную силу, эту экономическую власть надъ всѣмъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ реставраціи, въ случаѣ захвата въ той или иной формѣ государственной власти представителями стараго порядка, мы этимъ самымъ дали бы въ руки врага народа, стремящагося отнять у него всѣ завоеванія свободъ, оружіе для побѣдъ надъ этимъ народомъ. (Аплодисменты слѣва). Въ противовѣсъ всѣмъ другимъ предложеніямъ мы выставляемъ требованіе принудительнаго отчужденія всѣхъ частновладѣльческихъ, казенныхъ, удѣльныхъ и другихъ земель и передачи ихъ въ распоряженіе широкихъ самоуправленій, избранныхъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Въ этихъ самоуправленіяхъ мы будемъ отстаивать то, чтобы отчужденная земля была закрѣплена за крупными демократическими органами мѣстныхъ самоуправленій. Конечно, этой мѣрой мы не обѣщаемъ уничтоженія неравенства, мы

не обѣщаемъ уравненія всѣхъ въ довольствѣ. При существующемъ капиталистическомъ строѣ, какъ я уже указалъ, неравенство будетъ во всякомъ случаѣ, и его обойти невозможно, не уничтоживъ капиталистическихъ основъ. Крупное хозяйство будутъ вести тѣ, у кого будутъ орудія производства для обработки достаточно широкой площади, но будутъ обработывать землю, снимая ее въ аренду у муниципалитетовъ, но разница отъ нынѣшняго состоянія будетъ та, что тотъ доходъ, который теперь получаетъ землевладѣлецъ въ видѣ аренды, въ видѣ доходовъ, проистекающихъ изъ монопольнаго владѣнія землей съ одной стороны и отъ лучшаго качества этой земли съ другой, этотъ доходъ будетъ отбираться общественными самоуправленіями и потребляться на общественныя нужды, и такъ какъ эти самоуправленія будутъ въ рукахъ широкихъ слоевъ населенія, бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, то, конечно, дѣйствительное употребленіе этихъ средствъ на народныя нужды будетъ обезпечено. Муниципалитеты будутъ стремиться улучшить положеніе безработныхъ, организовать общественныя работы, опи будто строить дороги, проводить пути сообщенія, проведеніе которыхъ въ интересахъ всего населенія, затѣмъ заводить школы, больницы и другія учрежденія—вотъ на что будутъ употребляться эти средства, которыя теперь идутъ въ карманы паразитическихъ слоевъ населенія. При муниципализаціи земли уничтожается необходимость раздробленія крупныхъ хозяйствъ, гдѣ сохранились образцовыя формы веденія землевладѣнія. Муниципалитеты сами могутъ завладѣть этими хозяйствами и организовать образцовыя хозяйства, гдѣ будутъ обезпечены человѣческія условія существованія рабочимъ, будетъ обезпечено ихъ право на сокращеніе труда, и эти муниципалитеты будутъ подвергать строгому контролю хозяйства, которыя будутъ вестись на арендуемыхъ у нихъ участкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, въ моментъ переворота, въ моментъ аграрнаго кризиса, муниципалитеты всюду, гдѣ это окажется возможнымъ, будутъ отдавать безземельнымъ, неимущимъ крестьянамъ землю въ аренду даромъ, поскольку это окажется возможнымъ, снабжая ихъ необходимымъ инвентаремъ. Въ заключеніе я долженъ указать на то, что муниципалитеты, сплачивая широкіе слои деревенскаго населенія въ широкія демократическія организаціи, сплачивая ихъ вокругъ такихъ насущныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о распредѣленіи земли, интересующій крестьянъ, сближая крестьянство съ болѣе прогрессивными слоями городского населенія и прежде всего съ пролетаріатомъ, создаютъ тѣмъ самымъ могучій оплотъ демократизма, оплотъ, который будетъ въ состояніи противостоять всякимъ попыткамъ реставраціи къ уничтоженію новаго общественнаго строя, къ замѣнѣ его старымъ порядкомъ. (Аплодисменты слѣва). Наши разногласія съ представителями народническихъ фракцій глубоки, и закры-

вать глаза на эти разногласія, конечно, не приходится. Но эти разногласія не являются вопросомъ сегодняшняго дня. Мы убѣждены, что съ развитіемъ освободительнаго движенія, по мѣрѣ того, какъ развяжутся руки страны, окованной военно-полевымъ режимомъ, сама жизнь покажетъ правильность и жизненность нашихъ идей. На очереди дня стоитъ борьба съ этимъ военно-полевымъ режимомъ, борьба за уничтоженіе старой крѣпостнической государственности. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, возвышаясь на государственную точку зрѣнія, заявилъ, что предложеніе наше сводится къ коренному перевороту въ Россіи. „Имъ нужны", говорилъ онъ, „великія потрясенія, намъ нужна великая Россія". Въ противовѣсъ этому я привожу слова другого государственнаго дѣятеля, не какого-нибудь крамольнаго агитатора, а слова прусскаго канцлера Гарденберга, который въ своемъ докладѣ отъ 12 сентября 1807 г. писалъ королю: „та мысль, что избѣгнуть революціи возможно путемъ защиты стараго строя, путемъ упрямаго отстаиванія его основы, привела лишь къ развитію и укрѣпленію революціи. Могущество идей революціи такъ велико, онѣ такъ распространены и общепризнаны, что государство, отказывающееся принять ихъ, должно рухнуть, или же его заставятъ примѣнять ихъ". Она не рухнетъ, конечно, молодая, великая, мощная Россія; она не задохнется въ тискахъ обветшалаго режима. То великое, всенародное пробужденіе, которое уже совершилось, та великая всенародная борьба, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ все шире и шире разливается по лицу земли русской, есть несомнѣнный залогъ того, что она своимъ могучимъ напоромъ сумѣетъ прорвать преграды, поставленныя ей на пути, и, возродившись къ новой жизни смѣлыми шагами пойдетъ къ той обѣтованной землѣ, къ томъ завѣтному будущему, къ которому стремится все культурное человѣчество Европы подъ великимъ знаменемъ борющагося пролетаріата. (Аплодисменты слѣва).

Въ заключеніе, отъ имени соціалъ демократической фракціи предлагаю слѣдующій переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Признавая, что въ интересахъ облегченія положенія земледѣльческаго населенія, находящагося въ крайней степени обнищанія и для уничтоженія кабальной зависимости крестьянъ, необходимо:

1) Полная отмѣна всякихъ стѣсненій крестьянъ въ распоряженіи ихъ своей земельной собственностью, стѣсненій, вытекающихъ изъ сословной обособленности крестьянъ.

2) Принудительное отчужденіе безъ выкупа земель церковныхъ, кабинетскихъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ, за исключеніемъ мелкаго землевладѣнія и надѣльныхъ, и передачи этихъ земель въ распоряженіе крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, избранныхъ отъ всего населенія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Государственная Дума поручаетъ избранной ею комиссіи скорѣйшую разработку аграрнаго законопроекта на основѣ вышеизложенныхъ положеній; признавая далѣе, что:

а) дѣятельность крестьянскаго банка и изданные правительствомъ въ порядкѣ статьи 87 законы, касающіеся аграрнаго вопроса, коренпымъ образомъ идутъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянскаго населенія и рѣзко ухудшаютъ условія правильнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, и что

б) въ виду серьезности и сложности вопроса онъ предварительно долженъ быть обсужденъ на мѣстахъ для наилучшаго соотвѣтствія и согласованія вырабатываемаго законопроекта съ интересами мѣстнаго населенія,

Государственная Дума, считая необходимымъ:

1) немедленно пріостановить дѣятельность крестьянскаго банка,

2) отмѣнить законы, изданные правительствомъ въ порядкѣ 87 статьи, касающіеся аграрнаго вопроса,

3) образовать на мѣстахъ для предварительнаго обсужденія земельные комитеты, избранные отъ всего населенія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.

V) Рѣчи деп. Сѣрова 2 апрѣля и деп. Аникина 5 апрѣля 1907 г. по аграрному вопросу.

1. Сѣровъ (Саратовская губ.). Граждане, народные представители! По земельному вопросу, какъ и по многимъ другимъ вопросамъ, Государственная Дума отражаетъ взгляды и настроенія, существующія въ различныхъ слояхъ населенія нашей обширной родины. Мы слышали здѣсь представителей крѣпостническаго дворянства, представителей капитала, взгляды которыхъ отражаетъ партія народной свободы. Выступали передъ нами и представители широкихъ слоевъ населенія—крестьянства и рабочаго класса. Борьба мнѣній въ Думѣ выражаетъ ту дѣйствительную борьбу, которая совершается тамъ, за стѣнами Думы. Здѣсь уже подробно указывалось, какія права имѣютъ помѣщики-крѣпостники на ту землю, которая у нихъ оспаривается. Указывалось на всѣ историческія несправедливости дворянскаго землевладѣнія, указывалось на самое варварское, хищническое веденіе хозяйства крѣпостниками-дворянами, веденіе хозяйства, допускающее самый дореформенный видъ кабалы, испольщины, высокую несправедливую аренду и т. п. перлы крѣпостническаго господства. Помѣщики-крѣпостники, вмѣстѣ съ правительствомъ, одинаково справедливыми признаютъ какъ наслѣдственныя, такъ и благопріобрѣтенныя права и всѣ вытекающіе изъ нихъ доходы, каковы бы ни были

ихъ источники, каковы бы ни были создающія ихъ хозяйственныя отношенія. Для нихъ справедливы только такія сдѣлки, которыя оставляютъ въ полной неприкосновенности ихъ доходы, хотя бы они достигались большимъ или меньшимъ закрѣпленіемъ и закабаленіемъ крестьянъ. Справедливую оцѣнку этихъ доходовъ, справедливую капитализацію могутъ произвести только они, правые помѣщики, поэтому они такъ настойчиво добиваются того, чтобы въ аграрную комиссію попало какъ можно больше помѣщиковъ. Они твердо стоятъ за реформу крестьянскихъ отношеній, особенно за добровольное соглашеніе между крестьянами и помѣщиками, соглашеніе черезъ крестьянскій банкъ, черезъ землеустроительныя комиссіи и т. д. Они противъ всякаго принужденія, противъ государственнаго вмѣшательства въ отношенія между крестьянами и помѣщиками. Они признаютъ, что только при добровольномъ соглашеніи они представляютъ ту силу, передъ которой голодъ и нищета заставятъ преклониться крестьянъ. Принудительное отчужденіе для нихъ, даже въ той постановкѣ, какъ его признаетъ партія народной свободы, является грубѣйшей, вопіющей несправедливостью, словомъ помѣщики-крѣпостники защищаютъ принципъ свободы обнищанія для крестьянства, принципъ свободы закрѣпощенія для себя. Для представителей капиталистическаго землевладѣнія, какими являются здѣсь члены партіи народной свободы, справедлива лишь капиталистическая эксплоатація, основанная на вольнонаемномъ трудѣ безъ примѣси кабальной зависимости, напоминающей старыя крѣпостническія времена. Справедлива всякая реформа, которая отсѣкаетъ кабальные элементы, и несправедливо все то, что посягаетъ на капиталъ и на доходы, вытекающіе изъ чисто капиталистической эксплоатаціи. Этотъ доходъ можетъ даже не существовать, потому что почти всѣ помѣщичьи земли обрабатываются крестьянскимъ инвентаремъ на кабальныхъ началахъ, и лишь сравнительно небольшая ихъ доля воздѣлывается капиталистически. Я говорю, что этотъ доходъ можетъ и не существовать, но это дѣла нисколько не мѣняетъ. Рѣчь идетъ о доходахъ, возможныхъ лишь въ теоріи, о доходахъ вслѣдствіе возможнаго капиталистическаго использованія собственности. Въ самомъ дѣлѣ, граждане народные представители, разберемъ подробнѣе тотъ пунктъ программы партіи народной свободы, который касается оцѣнки отчуждаемыхъ земель. Тамъ сказано: „цѣна земли опредѣляется по нормальной для данной мѣстности доходности, при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныя цѣны, созданныя земельной нуждой“. Допустимъ, помѣщикъ ведетъ свое хозяйство на старыхъ крѣпостническихъ началахъ и получаетъ при кабальной арендѣ 11—15 р. съ десятины доходу. Это будетъ ненормально. Нормально и справедливо лишь то, что вытекаетъ изъ чисто капиталистическихъ отношеній, не усложненныхъ ка-

бальными элементами и придатками. Партія народной свободы, конечно, отвергнетъ такую оцѣнку. Допустимъ далѣе, что этотъ помѣщикъ ведетъ хозяйство на капиталистическихъ началахъ своимъ инвентаремъ при помощи вольнонаемнаго труда и получаетъ 10 р. съ десятины дохода. Капитализируя этотъ доходъ изъ 6%, мы получимъ выкупную сумму свыше 160 р. за десятину. Эту сумму помѣщикъ получилъ бы за голую фикцію, если бы онъ только организовалъ хозяйство капиталистическимъ способомъ, но мы знаемъ, что большинство хозяйствъ такъ не организовано. И выкупъ даже съ капиталистической точки зрѣнія явился бы въ данномъ случаѣ простой преміей за лѣность и неумѣніе вести хозяйство. Но вѣдь могутъ еще сказать, что теперь время ненормальное, время промышленныхъ кризисовъ; капиталъ въ цѣнѣ, и поэтому отдается такъ высоко—по 6%. До русско-японской войны капиталъ ссужался по 4%, что и слѣдуетъ считать нормальнымъ. Логика требуетъ, чтобы мы исходили изъ нормальной доходности съ капитала, иначе всякая справедливая оцѣнка обратится въ грабежъ. Такимъ образомъ, капитализируя доходъ въ 10 р. изъ 4%, мы получимъ уже другую оцѣнку, а именно 250 р. Депутатъ Кутлеръ, когда развивалъ программу партіи народной свободы, указывалъ на оцѣнку въ 80 р. Конечно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, смотря по доходности, будетъ и такая оцѣнка, но въ общемъ принципъ справедливой оцѣнки есть не что иное, какъ резиновый принципъ, и его можно растягивать и гнуть по сторонамъ по произволу, и легче всего онъ растягивается въ сторону капиталистическихъ интересовъ. Нѣтъ, господа, подальше отъ такой оцѣнки, подальше отъ такой справедливости. Крестьянство хорошо помнитъ подобный же выкупъ по справедливости въ 1861 г. Ему продали тогда искони принадлежащую ему землю, политую потомъ и кровью многихъ поколѣній крестьянъ, продали на ростовщическихъ началахъ. Правительство, не разсчитывая получить выкупные платежи съ крестьянъ, прикрѣпило ихъ вновь къ землѣ и связало круговой порукой. Не говоря уже о высшей справедливости, которая требовала отъ помѣщиковъ даровой передачи земли крестьянамъ за трудъ многочисленныхъ поколѣній крестьянъ, не говоря уже объ этомъ, но даже и съ точки зрѣнія выкупной справедливости,—здѣсь произошло явное обираніе. Выкупъ долга опредѣленъ былъ въ 897.000.000 р. Изъ этой суммы лишь 2/3 были возложены хоть сколько-нибудь справедливо, а остальная 1/3 является платой помѣщикамъ за выкупъ крѣпостныхъ душъ. На-дняхъ здѣсь графъ Бобринскій говорилъ о заслугахъ дворянства предъ родиной въ 1861 г.,—дворянство будто бы принесло громадную жертву на алтарь отечества. Это несправедливо; въ 1861 г. дворянство получило за выкупъ крестьянскихъ душъ до 219.000.000 р. Это ли жертва, принесенная

дворянствомъ? Ясно, что такая жертва не прибавитъ ни одной свѣтлой страницы къ исторіи дворянскаго землевладѣнія. Оцѣнка земли, переданной крестьянамъ, производилась крайне несправедливо: въ нечерноземной полосѣ на 90% свыше рыночной цѣны, въ черноземной на 20%. Самая операція крестьянамъ обошлась слишкомъ дорого, а правительству вся эта операція стоила $4^1/_{15}$%, на крестьянъ она была переведена съ платежами въ 6%. Расходъ по выкупной операціи правительству стоитъ $^1/_{15}$%, а крестьяне платили $^1/_2$% т. е. въ 7—8 разъ больше. До 1 января 1906 года помѣщичьи крестьяне внесли по выкупу свыше 1.500.000.000 р. вмѣсто 897.000.000 р. Правительство спекулировало на выкупной системѣ, выжимая изъ крестьянъ послѣднюю копѣйку. Въ 1903 г. министръ земледѣлія Кутлеръ заявлялъ, что выкупная операція давала государству до сихъ поръ большой доходъ. Это вѣрно, потому что правительство забывало погашать займы по выкупной операціи крестьянскими платежами, и они поступали въ казну. Въ отмѣнѣ платежей, несмотря на то, что крестьяне заплатили втрое больше, правительство до сихъ поръ видитъ какую то милость крестьянамъ и считаетъ, что крестьяне должны уплатить этотъ долгъ къ 1931 г. Да и теперь еще, если разсматривать смѣту министерства финансовъ по департаменту окладныхъ сборовъ, можно видѣть, что за крестьянами еще числится 52.000.000 р. недоимки по выкупнымъ платежамъ. Въ настоящій 1907 г. изъ числа этихъ недоимокъ назначено было взыскать 2.500.000 р.; такимъ образомъ вы видите, что еще многіе годы правительство обѣщаетъ взимать съ крестьянъ эти выкупные платежи, несмотря на то, что они уплачены втрое, если не болѣе. Вотъ каковы были условія выкупа. Кто намъ поручится, что теперь не повторится нѣчто подобное. Гдѣ гарантія? Мнѣ кажется, что крестьянство можетъ и должно бояться, какъ огня, выкупа и попасть изъ одной петли въ другую, тѣмъ болѣе, что эта петля будетъ горше, потому что она опредѣляется не въ 897.000.000 р., а по самой низкой оцѣнкѣ въ 4.000.000.000 р.—5.000.000.000 р., конечно крестьянство не захочетъ попасть въ нее. Членъ партіи народной свободы, депутатъ Кутлеръ, говорилъ, полемизируя съ товарищемъ Церетели, что несправедливо предлагать конфискацію частновладѣльческихъ земель, оставляя въ неприкосновенности всѣ виды собственности на капиталъ. Вѣдь земля въ сущности является такимъ же капиталомъ, такъ же доставляетъ доходы, какъ и другіе виды капитала—фабрики и заводы. Для насъ соціалъ-демократовъ, какъ реалистовъ въ политикѣ, вовсе не существуетъ такихъ аргументовъ, которые здѣсь приводятъ обыкновенно, говоря о справедливости и несправедливости. Мы говоримъ, что дѣло должно рѣшиться здѣсь вопросомъ цѣлесообразности, вѣроятнымъ соотношеніемъ обществен-

ныхъ силъ. Мы вовсе не приводимъ тѣхъ аргументовъ, что земля ничья, что земля не есть созданіе человѣческихъ рукъ. Въ движеніи современнаго общества всѣ измѣненія въ немъ обусловливаются какъ разъ соотношеніемъ силъ. Только оно и превращаетъ тѣ или другія соціально-политическія требованія въ достижимыя, осуществимыя и справедливыя мѣры, только оно и является причиной безконечнаго ряда конфискацій, неизмѣнно сопровождающихъ каждый шагъ развитія буржуазнаго общества. Намъ здѣсь хотятъ сказать, что какъ будто бы въ рамкахъ капиталистическаго общества невозможна конфискація. Я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ подобной конфискаціи. Развитіе механическихъ ткацкихъ фабрикъ въ 6—7 лѣтъ убило совершенно ручную мануфактуру въ Богородицкомъ и Московскомъ уѣздахъ, Московской губерніи, погибли старыя мануфактуры съ ручнымъ трудомъ, капиталъ, вложенный въ зданія и станки погибъ, погибло искусство ручныхъ ткачей, сдѣлавшееся совершенно ненужнымъ, много ткачей было выброшено на улицу и никто ихъ не вознаградилъ за это. Проведеніе Сибирской желѣзной дороги убило извощичій промыселъ. О его размѣрахъ можно судить, познакомившись съ извощичьимъ инвентаремъ, гніющимъ на дворахъ трактовыхъ деревень. Никто ямщиковъ не вознаградилъ за это. Проведеніе трамвая въ какомъ-нибудь городѣ обезцѣниваетъ совершенно извощичій инвентарь, стоящій десятки, тысячи рублей, и никто за него ихъ не вознаграждаетъ. Можетъ быть, мнѣ скажутъ, что это примѣры чисто хозяйственной жизни, что это не есть результатъ законодательныхъ актовъ, но мы можемъ припомнить такіе примѣры экспропріаціи чисто законодательнаго характера. Въ тотъ годъ, когда введена была винная монополія, крестьянство лишилось, по вычисленію статистики, до 30.000.000 р. дохода; несмотря на ходатайства сельскихъ обществъ о вознагражденіи ихъ за это, министерство отказало. Кто же вознаградитъ крестьянъ за подобную конфискацію? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ изданъ законъ, воспрещающій производство сѣрныхъ спичекъ. Все оборудованіе, всѣ машины утратили свою цѣну, поскольку онѣ не могли приспособиться къ фабрикаціи шведскихъ спичекъ, и опять не было никакого вознагражденія. Здѣсь же намъ предстоитъ вопросъ болѣе широкій и важный не только для всего крестьянства, но для всѣхъ различныхъ слоевъ населенія, поэтому можемъ ли мы остановиться передъ вопросомъ о конфискаціи? Смыслъ всего преобразованія для насъ заключается въ освобожденіи земли отъ истощающихъ ее платежей, въ предоставленіи крестьянамъ средствъ для поднятія производительности труда; поэтому никакой выкупъ не можетъ имѣть мѣста. Обязать крестьянъ выкупомъ, это значитъ вновь на десятки лѣтъ отдать доходъ тѣмъ же крѣпостникамъ, но не въ формѣ аренды, а въ видѣ выкупныхъ платежей.

Не могутъ согласиться соціалъ-демократы на предложеніе партіи народной свободы, чтобы за выкупъ заплатило государство. Вѣдь государство должно заключить для этого громадный заемъ и платить цѣлыя сотни милліоновъ процентовъ; эти проценты погашенія придется платить тѣмъ же широкимъ слоямъ населенія—крестьянству и рабочему классу. Кто признаетъ задачей момента—такъ измѣнить существующія отношенія, чтобы у земледѣльца были бы средства для наибольшаго поднятія производительности труда,—тотъ долженъ высказаться противъ выкупа. Вопросъ о томъ, безплатно или за выкупъ получатъ крестьяне землю, рѣшится, по нашему мнѣнію, соотношеніемъ силъ различныхъ общественныхъ классовъ. Въ этомъ случаѣ рабочій классъ всегда будетъ стоять на сторонѣ крестьянства. По вычисленію статистиковъ, при конфискаціи земли въ руки народа перейдетъ до 500.000.000 р. нетрудового дохода помѣщиковъ. Этотъ доходъ крестьянство употребитъ конечно на улучшеніе своего хозяйства, на расширеніе производства, на увеличеніе своихъ потребностей. Съ увеличеніемъ же потребностей тѣсно связано расширеніе внутренняго рынка; поэтому даже торговопромышленной буржуазіей рѣшеніе аграрнаго вопроса въ смыслѣ конфискаціи, хотя оно и колеблетъ незыблимыя основы собственности, въ концѣ концовъ, будетъ принято, и она должна будетъ съ нимъ согласиться. Пролетаріатъ, представителемъ котораго является здѣсь партія соціалъ-демократовъ, достигнувъ самосознанія, одинаково отвергаетъ всякую эксплоатацію, какъ феодальную, такъ и буржуазную. Для него, пролетаріата, не существуетъ вопроса какой изъ этихъ двухъ видовъ эксплоатаціи справедливѣе; для него вопросъ постоянно сводится къ тому, назрѣли ли историческія условія для освобожденія отъ эксплоатаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что для освобожденія крестьянства отъ земельной кабалы назрѣли необходимыя условія, что крестьянскій вопросъ можетъ разрѣшиться даровой передачей въ пользованіе народа черезъ мѣстныя самоуправленія помѣщичьей земли. Иначе крестьянство впадетъ въ новое рабство, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Вся Россія, несмотря на страшныя репрессіи, бьется теперь двумя сердцами; одно сердце—сердце бюрократа и крѣпостника помѣщика, разсылающее по всему тѣлу народа ядовитые соки звѣрской злобы, безграмотной, безсмысленной ненависти; другое сердце—сердце пролетарія и крестьянина, изнемогающее подъ бременемъ голода и безправія, рвущееся на вольный просторъ и увлекающее людей величіемъ своей цѣли и беззавѣтностью своей борьбы. Пусть это сердце давятъ тяжестью преслѣдованій, пусть стараются задержать его біеніе путами обмана, пусть чернятъ его грязной клеветой: оно бьется слишкомъ сильно, чтобы умереть; и развѣ можетъ бюрократія уничтожить милліоны людей, соединенныхъ нуждой и добивающихся избавленія? (Аплодисменты слѣва).

2. Аникинъ (Саратовская губ.). Господа народные представители, прежде чѣмъ перейти къ изложенію собственныхъ мыслей, я считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько возраженій депутату Пуришкевичу. Прежде всего я напомнилъ бы ему, человѣку религіозному, начавшему свою рѣчь съ молитвы, третью заповѣдь синайскаго законодательства, которая запрещаетъ имя Божіе произносить всуе. Христосъ о молитвѣ говорилъ: „не уподобляйся фарисеямъ, которые молятся на улицахъ и площадяхъ; а если хочешь молиться, войди въ свою комнату, затвори дверь и молись тайно“. Мы, соціалъ-демократы, религіозными предразсудками не заражены, но мы уважаемъ религіозное чувство другихъ, если оно искренно, а смѣемся надъ религіознымъ фарисействомъ. Если Пуришкевичъ имѣлъ въ виду укрѣпить себя молитвой для предстоящаго выступленія, то что ему мѣшало это сдѣлать тайно при себя? Но это было бы не эффектно: гораздо эффектнѣе молиться съ каѳедры Государственной Думы, чтобы вся Россія видѣла, какъ молится истинно русскій фарисей. (Аплодисменты слѣва). Затѣмъ я скажу, что фарисейская молитва до Бога не доходитъ...

Предсѣдатель. Нельзя ли прекратить объ этомъ говорить? Это дѣла не касается.

Аникинъ (Саратовская губ.). Слѣдующее возраженіе будетъ иного характера. Я хотѣлъ бы сказать Пуришкевичу, что когда онъ характеризовалъ аграрныя программы лѣвыхъ партій, то все время смѣшивалъ анархизмъ съ соціализмомъ. Кажется, разница слишкомъ общеизвѣстна, чтобы объ этомъ говорить. Чтобы знать разницу, не надо быть ученымъ спеціалистомъ, эти свѣдѣнія можно почерпнуть и изъ брошюръ, и изъ отрывного календаря. Переходя теперь къ изложенію собственныхъ мыслей, я остановлю вниманіе ваше, господа депутаты, на томъ небезынтересномъ фактѣ, что представители правыхъ партій всѣми силами старались возможно скорѣе поставить на обсужденіе вопросъ о землѣ. Что значитъ эта поспѣшность? Какъ объяснить эти законодательные порывы? Мнѣ дѣло представляется яснымъ. Достаточно только обратить вниманіе на то, въ какой политической обстановкѣ приходится намъ разрѣшать важнѣйшую нашу политическую задачу, чтобы законодательные порывы правой стороны Думы стали понятными. Эта обстановка полнаго политическаго безправія, эта обстановка ежовыхъ рукавицъ Россійской самодержавно-полицейской конституціи. Вполнѣ возможно, что для представителей старой крѣпостнической Россіи, какъ оффиціальныхъ, такъ и неоффиціальныхъ, настоящій политическій моментъ представляется самымъ удобнымъ для мирной законодательной работы. Но извѣстно ли правымъ представителямъ Думы, что крестьяне нуждаются въ землѣ не со вчерашняго дня и не съ прошлаго года? Они не могли не знать

гигантскаго роста крестьянской нужды. Но были свои рецепты, были доморощенные способы врачеванія общественныхъ болѣзней. Достаточно было убѣдиться, что аграрный вопросъ у насъ созданъ искуственно, стараніями агитаторовъ, какъ въ этомъ убѣжденъ, повидимому, депутатъ Пуришкевичъ,—и аграрная задача упрощается. Рецептъ можно написать въ 2 минуты: агитаторовъ выслать, а крестьянъ посѣчь. Вспомните, господа монархисты, что крестьяне начали свою аграрную кампанію вполнѣ мирно. Они собирались, толковали, писали общественные приговоры и посылали ходоковъ искать правды. Результаты извѣстны: правды нигдѣ не оказывалось; ходоки какъ по указкѣ, шли въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, а оттуда въ одинъ голосъ увѣдомляли, что до правды высоко, до Царя далеко. Не найдя правды ни въ жизни, ни въ писанномъ законѣ, крестьяне поставили аграрный вопросъ въ другую плоскость. Они еще не жгли, не уничтожали священной собственности помѣщиковъ, но собравшись на сходъ и рѣшивъ всѣмъ міромъ, что земля по Божьи должна принадлежать имъ, они выѣзжали пахать эту свою, по ихъ мнѣнію, землю. Вотъ съ этихъ поръ правительство безповоротно становится на путь рѣшенія аграрнаго вопроса помощью массовыхъ экзекуцій. Въ 1900 г. надъ крестьянами Самарской губерніи добросовѣстными врачами былъ произведенъ первый опытъ леченія и жертвой этого опыта былъ, между прочимъ, бывшій членъ Государственной Думы, крестьянинъ Старковъ, на спинѣ котораго до сихъ поръ замѣтны слѣды казенной хирургической операціи. (Аплодисменты слѣва). То же самое было повторено черезъ два года въ южныхъ губерніяхъ. Наконецъ въ дни конституціонныхъ свободъ казенная хирургія достигаетъ пышнаго расцвѣта. Многое множество маленькихъ и большихъ Тамерлановъ побѣдоносно прошли всю крестьянскую Русь и всему міру показали, какъ въ Россіи рѣшается аграрный вопросъ. Фактовъ кровавой расправы съ крестьянами я приводить не стану. Если бы эти факты написать на бумажной лентѣ, то ею можно было бы весь земной шаръ обернуть нѣсколько разъ. Пуришкевичъ указываетъ на хищничество крестьянъ, что подъ давленіемъ безысходной нужды они вырубаютъ лѣса, но онъ не указалъ на тѣхъ хищниковъ, которые вырубали населеніе. Онъ забылъ, что рядомъ съ обмелѣвшими рѣками текутъ уже по поводу аграрнаго вопроса бурные потоки человѣческой крови. Для насъ несомнѣнно, что если представители старой крѣпостнической Россіи и хотятъ перейти къ новымъ способамъ врачеванія общественной болѣзни, то все-таки старыхъ способовъ они оставить и забыть не смогутъ и не пожелаютъ. „Какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старымъ“? спросилъ резонно Никодимъ Христа. Какъ можетъ крѣпостникъ стараго уклада возродиться къ новой свободной жизни? Для нихъ, господа, конституція

безъ экзекуціи немыслима. Они, находясь здѣсь въ этомъ высокомъ зданіи и произнося фарисейскіе слова молитвы, быть можетъ, не безъ злорадства вспоминаютъ, что за этими конституціонными стѣнами находятся наготовѣ старыя средства борьбы, начиная съ нагаекъ и кончая висѣлицами. Мы не такъ давно присутствовали при трогательномъ единеніи истинно-русскихъ „врачей“ съ „истинно-русскими людьми“ по поводу отстаиванія военно-полевыхъ судовъ. То же мы встрѣтимъ при всякой нашей попыткѣ раскрѣпостить Россію, но мы не перестанемъ думать, что только при свободѣ, при полной свободѣ возможна законодательная работа вообще и переустройство аграрныхъ отношеній въ особенности. Мы знаемъ, что отъ отмѣны военно-полевыхъ судовъ крестьяне сыты не будутъ. Мы знаемъ, что свободой слова полей не обсѣменишь, отъ свободы собраній не будешь богаче сразу, но все же мы утверждаемъ, что наравнѣ съ аграрнымъ вопросомъ мы признаемъ совершенно неотложными и другіе, не экономическіе вопросы, тѣ вопросы, которые можно обнять двумя словами: политическое раскрѣпощеніе. Безъ сомнѣнія при рѣшеніи аграрнаго вопроса мы должны считаться съ голосомъ крестьянъ. А какъ мы его услышимъ безъ свободы слова? Какъ крестьяне будутъ собираться для обсужденія своихъ земельныхъ нуждъ, если ихъ во всякое время можетъ разогнать урядникъ и по закону, и по своему усмотрѣнію? Кто крестьянамъ скажетъ правдивое слово, если за таковое, такъ называемаго, агитатора приказано арестовывать, кто бы онъ ни былъ? Есть истины, которыхъ, несмотря на общеизвѣстность, не повторять нельзя. Одна изъ нихъ гласитъ, что аграрный вопросъ въ Россіи не только экономическій, но и политическій. На пути земельнаго переустройства крестьяне встрѣчаютъ не только помѣщика-землевладѣльца, котораго аграрная реформа касается непосредственно, касается его матеріальныхъ интересовъ, но и другого, не менѣе сильнаго противника—государственную власть, для которой вопросъ земельный есть также вопросъ жизни и смерти. Поэтому не совсѣмъ правильно будетъ сказать, что бюрократія поддерживаетъ землевладѣніе или наоборотъ; гораздо правильнѣе сказать: высшая бюрократія и крупное землевладѣніе—это одно нераздѣльное существо. „Никто же плоть свою возненавидитъ, но питаетъ и грѣетъ ее“, какъ то въ древности сказалъ апостолъ. Старая, но великая истина! Кто же въ самомъ дѣлѣ, въ состояніи возненавидѣть свою плоть, въ особенности барскую, изнѣженную? Не будемъ поэтому удивляться, что двуединое существо, бюрократія и землевладѣніе, встаетъ на пути аграрнаго переустройства, какъ встанетъ оно на пути политическаго освобожденія; оно встанетъ со знаменемъ политической „борьбы съ крамолой“, какъ бы въ цѣляхъ огражденія законности и государственности. Такъ сплетаются интересы землевладѣнія съ интере-

сами бюрократіи. Итакъ, всякая борьба съ общественнымъ зломъ роковымъ образомъ упирается въ бюрократическо-самодержавный строй. Депутатъ Пуришкевичъ взывалъ о томъ, что не одно малоземелье служитъ причиной крестьянскаго обѣднѣнія. Съ этимъ отчасти можно согласиться; нельзя только съ нимъ согласиться въ томъ, какія причины, кромѣ малоземелья, эту нищету вызываютъ. Я спрошу: почему крестьяне первобытно ведутъ хозяйство? почему они хищнически вырубаютъ лѣса? почему они празднуютъ и на Онуфрія, и на Антона, вмѣсто того, чтобы работать? Увы, мы должны сказать, что отъ своего невѣжества. Но кто отвѣтственъ за это невѣжество? Не тотъ ли самый политическій общественный строй, который больше всего боялся народнаго образованія, который духовно жаждущему народу давалъ вмѣсто хлѣба камень, на знамени котораго было двѣ надписи: одна—на лицевой сторонѣ—„да будетъ свѣтъ", это, говоря бюрократическимъ языкомъ, для свѣдѣнія, а на другой сторонѣ: „да будетъ мракъ"—это для руководства. Потому я повторяю, не только свобода безъ земли, но и земля безъ свободы не въ состояніи устранить крестьянской бѣдноты. Опустошительная налоговая система, народное невѣжество, тщательно культивируемое правительствомъ при помощи побѣдоносцевской и шемякинской науки, уродливое мѣстное самоуправленіе, полная зависимость крестьянина отъ полицейскаго участка и отъ крѣпостнической опеки земскаго начальника,—все это парализовало бы дѣйствіе аграрной реформы, если бы и возможно было провести ее внѣ связи съ политическимъ освобожденіемъ. Нѣтъ, земля не должна затемнять отъ насъ свободы. Свободу и землю раздѣлять нельзя, свободу и землю можно добывать не по отдѣльности, а только сразу. (Аплодисменты слѣва).

IV. Рѣчь деп. Зурабова по вопросу о недопущеніи поднадзорныхъ въ армію 21 мая 1907 г.

Зурабовъ (г. Тифлисъ). Господа народные представители, выступленіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ значительно облегчило мою задачу. Въ первоначальной фомулировкѣ этотъ вопросъ передъ нами стоялъ такъ: необходимо восполнить тотъ пробѣлъ, который существуетъ въ законѣ объ отбываніи воинской повинности. Въ концѣ своей рѣчи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ категорически и довольно громко объявилъ намъ, что это дѣлается для того, чтобы революціонные элементы не вторглись въ армію. Въ такомъ случаѣ я спрошу: къ чему же тогда было говорить о пробѣлахъ? можно было прямо обозначить цѣль, и мы въ этой плоскости вели бы свои сужденія и въ комиссіи. Господа, всякій разъ, когда какой-либо законъ не служитъ или перестаетъ служить интере-

самъ правительства, оно старается растолковать, восполнить пробѣлы или, какъ въ послѣднее время принято выражаться, „разъяснить" его. Разъясняли избирательный законъ, какъ вамъ извѣстно,—восполняли тамъ пробѣлы. То же самое мы видимъ и въ этомъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, основной принципъ закона объ отбыванiи воинской повинности формулируется, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: священной обязанностью каждаго гражданина является защита государства. Это, какъ правильно выразился и докладчикъ Аджемовъ, съ точки зрѣнiя законодателя именуется высокою честью. Разъ это такъ, то слѣдовательно, каждый гражданинъ, считая это за высокую честь, вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ и за свое право. Разъ гражданинъ имѣетъ такое право, то онъ можетъ и предъявлять его къ нашему правительству. И если только вопросъ идетъ о лишенiи этого права, то его можетъ лишить только судебная инстанцiя. Во всѣхъ статьяхъ закона объ отбыванiи воинской повинности вы увидите, что этотъ принципъ проходитъ красною нитью. Ограниченiя существуютъ для тѣхъ лицъ, которыя находятся или подъ судомъ, или слѣдствiемъ, или же опорочены судомъ и отбываютъ наказанiе. Ясно, что въ этомъ случаѣ законодатель имѣлъ въ виду, что существуетъ одно исключительное вѣдомство, это вѣдомство судебное (конечно, вѣдомство независимое), которое компетентно разсматривать проступки и преступленiя гражданина и лишать его нѣкоторыхъ правъ. Въ данномъ случаѣ, намъ предлагаютъ восполнить пробѣлъ въ этомъ законѣ, предлагаютъ, чтобы привлекаемые по 1035 статьѣ къ жандармскому дознанiю, а также находящiеся подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ лишены были этого права. Но, спрашивается, кто же лишитъ этого права гражданина? Разумѣется, не судебная инстанцiя и не высшее административное учрежденiе, а квартальный надзиратель и агентъ охраннаго отдѣленiя. (Аплодисменты слѣва). Если это, господа, есть высокая честь, если это есть высокiй долгъ гражданина, то какимъ образомъ вы разрѣшите, чтобы простой агентъ охраннаго отдѣленiя, въ нравственномъ мiрѣ котораго мы имѣемъ полное право сомнѣваться, лишалъ того или другого гражданина этой высокой чести. (Аплодисменты). Если принять во вниманiе, что почти вся Россiя на военномъ положенiи, на положенiи чрезвычайной и усиленной охраны, что за каждый проступокъ по пустому доносу генералъ-губернаторы высылаютъ гражданъ въ сѣверныя губернiи и прикрѣпляютъ ихъ къ мѣсту жительства до 5 лѣтъ, то спрашивается, за этимъ искусственнымъ подборомъ кто же остается въ армiи? Въ армiи, здѣсь сказано, не будетъ революцiонныхъ элементовъ. Не буду я объ этомъ спорить, но вѣдь наше законодательство, наше правительство преслѣдуетъ не только революцiонныя партiи, оно преслѣдуетъ всякiя политическiя партiи, которыя идутъ

въ разрѣзъ съ его видами и взглядами. Передо мной сидитъ центръ—конституціонно-демократическая партія,—партія не революціонная,—она является нелегализованной партіей, она подлежитъ тѣмъ же статьямъ уголовн. улож.—126 и т. д., какимъ подлежатъ и революціонныя партіи. Наше общество дифференцируется съ поразительной быстротой; политическія партіи появляются и укрѣпляются, и если только предложить администраціи, чтобы она разсматривала и обсуждала, кто изъ гражданъ имѣетъ право отбывать воинскую повинность, и кто нѣтъ, то можно сказать, что, дѣйствительно, армія будетъ пополнена только тѣми элементами, которые въ лучшемъ случаѣ не принадлежатъ ни къ какой политической партіи, не исповѣдуютъ никакой политической религіи,—являются безсознательными, въ худшемъ же случаѣ—принадлежатъ къ „союзу русскаго народа". (Аплодисменты слѣва). Намъ говорятъ, что армія должна быть внѣ политики. Это выраженіе, господа, старое, шаблонное, оно довольно избитое. Не буду объ этомъ спорить; предположимъ, что это такъ. Но я въ такомъ случаѣ спрошу: а правительство, какъ правильно сказалъ докладчикъ Аджемовъ, употребляетъ ли всѣ свои усилія къ тому, чтобы въ армію политика не проникала? Я вамъ укажу на такой примѣръ, какъ Думбадзе, укажу на примѣръ Каульбарса въ Одессѣ, который открыто заявляетъ, что онъ принадлежитъ къ „союзу русскаго народа"; я вамъ укажу на то, что въ Тифлисѣ Грязновъ, если вѣрить „Русскому Знамени", вмѣстѣ съ офицерами, въ ноябрѣ 1905 г. совершили coup d'etat, взяли въ свои руки власть и въ теченіи трехъ дней усмиряли городъ. Господа, что это такое, какъ не политика? Такой составъ будетъ только угоденъ правительству. (Смѣхъ справа). Вамъ очень смѣшно? (Голоса справа: смѣшно, смѣшно). Армія должна быть тѣсно связана съ народомъ, связана тѣсными нитями Народность арміи—это есть единственный залогъ ея успѣха, ея удачъ, и поэтому всякое стремленіе правительства—въ данномъ случаѣ составъ арміи приспособить къ своимъ цѣлямъ, къ своимъ групповымъ интересамъ—должно встрѣтить отпоръ Государственной Думы. (Аплодисменты). Дума, какъ одинъ человѣкъ, должна сказать правительству: „Этому не бывать". (Аплодисменты слѣва).

VII. Открытое письмо деп. Зурабова въ ред. газеты „Товарищъ".

По поводу моего „инцидента".

М. г., г. Редакторъ!

Не откажите помѣстить на столбцахъ вашей газеты нижеслѣдующія строки, съ которыми я считаю себя вынужденнымъ выступить, въ виду того, что послѣ закрытаго и такъ нашумѣвшаго за-

сѣданія 16 апрѣля, вокругъ моей личности не умолкаютъ до сихъ поръ всякіе толки и слухи. Создалась, можно сказать, цѣлая литература, въ которой дѣйствительность и истина тѣсно сплетаются съ ложью, злостной клеветой и разными инсинуаціями, касающимися какъ лично меня, такъ даже, какъ это ни дико, той національности, къ которой я принадлежу.

„Освѣдомительное Бюро", по требованію г. военнаго министра, сдѣлало извлеченіе изъ засѣданія 17 апрѣля (а не 16). Въ этомъ извлеченіи все, кромѣ изложенія рѣчи г. Головина, сказанной, какъ теперь всѣмъ извѣстно, по настоянію правительства, является тенденціознымъ извращеніемъ фактовъ, способнымъ лишь ввести въ еще большее заблужденіе широкіе общественные слои.

Мнѣ приходится глубоко сожалѣть, что законъ не даетъ возможности опубликовать въ печати ни всей стенограммы моей рѣчи, длившейся болѣе часа, ни той „цитаты" или, вѣрнѣе, послѣдней части ея, которая и подала поводъ къ обвиненіямъ меня въ „оскорбленіи арміи". Едва ли нужно доказывать, что лучшимъ средствомъ удовлетворенія того, весьма естественнаго интереса, который возбудилъ мой „инцидентъ" въ широкихъ кругахъ населенія, было бы опубликованіе стенограммы моей рѣчи. Но я считаю необходимымъ категорически заявить, что моя рѣчь не только не заключала „оскорбленія арміи", но она была защитой арміи отъ той эксплоатаціи, которой она подвергается высшей военной бюрократіей и, вообще, правительствомъ.

Въ первой части своей рѣчи я излагалъ взглядъ соціалъ-демократіи на роль и значеніе арміи въ современномъ классовомъ государствѣ.

Во второй же части, касающейся нашей арміи, я горячо протестовалъ противъ той политики правительства, которая, приспособляя армію къ защитѣ групповыхъ интересовъ въ ущербъ ея прямымъ задачамъ, тѣмъ самымъ вливаетъ въ нее ядъ деморализаціи.

И, указавъ на пораженія на Дальнемъ Востокѣ, какъ на результатъ политики правительства, я констатировалъ, что нынѣшняя политика его не только не измѣнилась, но есть прямое продолженіе прежней, доведенной до своего высшаго развитія. Если армія употреблялась нашей правящей бюрократіей до войны въ своихъ групповыхъ интересахъ не очень часто, то въ настоящее время она почти исключительно эксплоатируется въ цѣляхъ гражданской войны.

Эта прямолинейная и послѣдовательная политика правительства направлена къ тому, чтобъ приспособить армію къ внутренней политикѣ, а не внѣшней оборонѣ.

И я это доказывалъ послѣдовательно, иллюстрируя фактами, мнѣ извѣстными.

Словомъ, вся моя рѣчь была сплошнымъ, можетъ быть и рѣзкимъ обвинительнымъ актомъ, противъ правящей бюракратіи въ сферѣ ея отношенія къ арміи.

Теперь, — какое отношеніе къ моей рѣчи проявили различныя парламентскія группы, предсѣдатель думы и правительство, въ лицѣ г. Редигера?

Какъ уже извѣстно изъ печати, всѣ лѣвыя группы, а именно: с.-д—ты, с—ры, народн. соціалисты, трудовики, и, кромѣ того, польское коло, т.-е. большинство думы никакого „оскорбленія арміи“ въ моихъ словахъ не видѣли и съ бурнымъ протестомъ противъ такого толкованія моихъ словъ покинули залъ засѣданія [1]).

Однако, г. военный мин., исходя, очевидно, изъ весьма благихъ намѣреній „успокоить“ взволнованное общественное мнѣніе, рѣшается опубликовать часть того, что произошло на засѣданіи. Казалось бы, что разъ г. военный министръ взялъ на себя задачу успокоенія, то лучшимъ средствомъ было бы опубликовать всю стенограмму моей рѣчи и сказать, такимъ образомъ, странѣ: „Вотъ, убѣдитесь сами, какъ оскорбилъ нашу армію депутатъ Зурабовъ,—этотъ армянинъ и соціалъ-демократъ“ (цѣлыхъ два природныхъ грѣха!).

Но... г. Редигеръ предпочелъ другой путь, который можетъ удовлетворить его и правительство, но, во всякомъ случаѣ, не отвѣтить на жгучій и вполнѣ естественный интересъ широкихъ слоевъ населенія къ этому „инциденту“.

Онъ опубликовалъ черезъ „Освѣд. Бюро“ только ту микроскопическую часть засѣданія, которая была въ интересахъ правительства, и, такимъ образомъ, скрылъ истину отъ страны.

Но этого мало. „Освѣд. Бюро“ частью извратило, а частью и умолчало о тѣхъ фактахъ, которые имѣли мѣсто. Такъ, напр., я выше отмѣтилъ, какое отношеніе проявило большинство Думы къ моей рѣчи. А „Освѣд. Бюро“ постаралось представить дѣло такъ, что будто бы я остался одинокимъ, и вся Дума выразила мнѣ порицаніе; далеко не точно также было передано то, что произошло въ Думѣ, послѣ рѣчи Головина, какъ отнеслись отдѣльныя партіи къ ней. Далѣе, правительству нужно было „убѣдить“, во всякомъ случаѣ, всѣхъ, что я „оскорбилъ армію“, и на другой день „инцидента“ въ „Н. Вр.“ появляется якобы выдержка изъ моей рѣчи, въ которой и должно заключаться, по увѣреніямъ газеты, злосчастное „оскорбленіе арміи“, а черезъ день даже цѣлыхъ 5 статей одна за другой, посвященныхъ исключительно мнѣ.

То обстоятельство, что эта выдержка поставлена въ кавычки,

[1]) Польское коло вовсе отказалось присутствовать въ это время въ залѣ засѣданія.

такъ что можно подумать, что это и есть мои истинныя слова, слова, которыя можно было узнать только изъ стенограммы не иначе, какъ по распоряженію г. военнаго министра, на точномъ основаніи ст. 46,— еще болѣе подчеркиваетъ оффиціозный характеръ этого тенденціознаго сообщенія.

Между тѣмъ, я считаю своимъ долгомъ заявить, что приведенная выдержка изъ моей рѣчи „Н. Вр." не содержитъ моихъ словъ и она вымышлена и составлена въ Эртелевомъ пер.

Желаніе правительства распространить въ населеніи убѣжденіе, что я „оскорбилъ армію", было настолько сильно, что оно, зная объ искаженіи моихъ словъ, имѣя подъ рукой всю стенограмму моей рѣчи, тѣмъ не менѣе не возстановило истины, хотя бы черезъ то же „Освѣд. Бюро".

Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности привести это самое мѣсто изъ моей стенограммы, но я долженъ замѣтить, что по отдѣльнымъ выдержкамъ, нельзя судить о тонѣ и содержаніи рѣчей; для этого нужна вся стенограмма рѣчи.

Такимъ образомъ, я позволю себѣ сказать, что военная бюрократія въ лицѣ г. Редигера, сдѣлавъ видъ, что вступается за якобы оскорбленную честь арміи, просто уклонилась отъ отвѣтственности за свои собственные грѣхи, получивъ отъ меня направленный противъ нея обвинительный актъ, придала ему форму оскорбленія и отбросила перчатку въ сторону арміи. Это—весьма старый пріемъ нашей бюрократіи для уклоненія отъ всякой отвѣтственности. Благо засѣданіе закрытое, и есть цѣлый штатъ наемныхъ агентовъ и писакъ, готовыхъ въ угоду правительству отдать и совѣсть и честь и перо!..

Перехожу къ отношенію г. Головина и кадетской фракціи къ моему „инциденту".

Приходится сожалѣть, что поведеніе предсѣдателя Думы, такъ равно и кадетской фракціи, позволило г. Редигеру и К°. использовать мою рѣчь для провокаціонной агитаціи правыхъ и для дальнѣйшей агитаціи противъ народнаго представительства.

Печать уже отмѣтила, что г. Головинъ до перерыва ничего предосудительнаго не замѣтилъ въ моей рѣчи, но уже послѣ перерыва онъ заявилъ, что ознакомившись подробно со стенограммой, нашелъ, что въ моей рѣчи были „обидныя для арміи выраженія".

Считаю своимъ долгомъ сказать, что это заявленіе г. Головина, сдѣланное послѣ перерыва на засѣданіи 16 апрѣля и повторенное съ нѣкоторыми измѣненіями въ концѣ закрытаго засѣданія 17-го числа грѣшитъ неточностями. Дѣло въ томъ, что г. Головинъ, послѣ перерыва, имѣлъ со мной бесѣду въ присутствіи депутатовъ Тесленко, Тахтамирова и Джапаридзе. Первый его вопросъ былъ,—согласенъ ли я взять обратно свои слова, на что онъ получилъ категорическій

отказъ. Тогда онъ сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: „Въ такомъ случаѣ, я васъ лишу слова“.

Г. Головинъ поразилъ меня такимъ заявленіемъ. Когда же я недоумѣвающе сказалъ ему, что пресса въ еще болѣе рѣзкой формѣ критиковала военную бюрократію, на это г. Головинъ отвѣтилъ: „Мало-ли что пресса писала? То пресса, а это дума. Не все что позволено въ первой, дозволяется во второй“.

Послѣ этой краткой бесѣды, мы всѣ отправились въ помѣщеніе кадетской фракціи на засѣданіе имформаціоннаго бюро, но приступить къ немедленному обсужденію „инцидента“ мы не могли, такъ какъ не было подъ рукой стенограммы конца рѣчи. Здѣсь-же было объявлено, что стенограмма еще не расшифрована и что придется подождать. Спустя 5—10 минутъ мы получили стенограмму.

Такимъ образомъ, г. Головинъ рѣшилъ примѣнить ко мнѣ кару (лишеніе слова) еще до ознакомленія съ моей стенограммой; а поэтому я позволю себѣ замѣтить, что заявленіе, сдѣланное г. Головинымъ въ концѣ засѣданія 16 апрѣля, въ его мотивировкѣ, не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Спрашивается, чѣмъ-же объяснить и оправдать такую быструю перемѣну въ отношеніи г. Головина?

Чтобъ найти ключъ къ этой загадкѣ, вспомнимъ, что, какъ это было отмѣчено въ печати, господа кадетскіе лидеры вступили въ это время въ переговоры съ правыми и заявили, что г. Головинъ, ознакомившись съ стенограммой (?) нашелъ въ ней „оскорбленіе“ и что они, правые, получатъ удовлетвореніе. Это было сказано тотчасъ же послѣ ультиматума правыхъ, въ которомъ они угрожали гг. кадетамъ своимъ уходомъ, что безусловно отразилось бы на результатѣ баллотировки по вопросу о контингентѣ новобранцевъ.

Но этого мало. Г. І. Гессенъ и др., пригласивъ представителей лѣвыхъ на информаціонное засѣданіе, не дали возможности обсудить вопросъ, послѣ ознакомленія съ стенограммой, мотивируя это тѣмъ, что въ этомъ помѣщеніи должна собраться кадетская фракція для обсужденія „инцидента“. Казалось бы, что именно для этой цѣли гг. кадетскіе лидеры должны были сперва обсудить вопросъ въ информац. бюро, а потомъ съ этимъ рѣшеніемъ войти на засѣданіе своей фракціи. Но они, очевидно, думали на этотъ счетъ иначе и, несмотря на горячіе протесты другихъ членовъ бюро, настояли на своемъ.

Сорвавъ, такимъ образомъ, информаціонное собраніе съ лѣвыми, гг. кадетскіе лидеры вступили въ информацію съ представителями союза русскаго народа и, придя съ ними къ опредѣленному рѣшенію, осуществили его черезъ г. Головина.

Вотъ гдѣ я вижу ключъ для объясненія измѣненія въ отношеніи г. Головина къ моей рѣчи.

Далѣе я считаю себя въ правѣ утверждать, что гг. кадеты, очевидно, сами не вѣрили въ то, что мною допущено „оскорбленіе арміи“. Это видно, между прочимъ, изъ того, что они даже не пытались убѣждать лѣвыхъ путемъ логическихъ доводовъ со стенограммой въ рукахъ относительно правильности поведенія правыхъ и правительства, а употребили другой пріемъ, именно, пустивъ слухъ о разгонѣ думы.

И это обстоятельство, въ свою очередь, указываетъ на то, что весь мой „инцидентъ“ обсуждался не по существу, а къ нему заранѣе была приложена оцѣнка, уже сдѣланная правыми и правительствомъ.

Оно говоритъ также о томъ, что, при всемъ желаніи, не за что было уцѣпиться въ моей рѣчи.

Вспомнимъ также, что писала пресса о засѣданіи кадетской фракціи вечеромъ того-же дня. На этомъ, отселѣ историческомъ засѣданіи гг. кадеты рѣшили принести еще одну жертву.

Нужно принести еще одну жертву! Спрашивается за чей счетъ и по чьему полномочію гг. кадеты рѣшались принести эту жертву?!

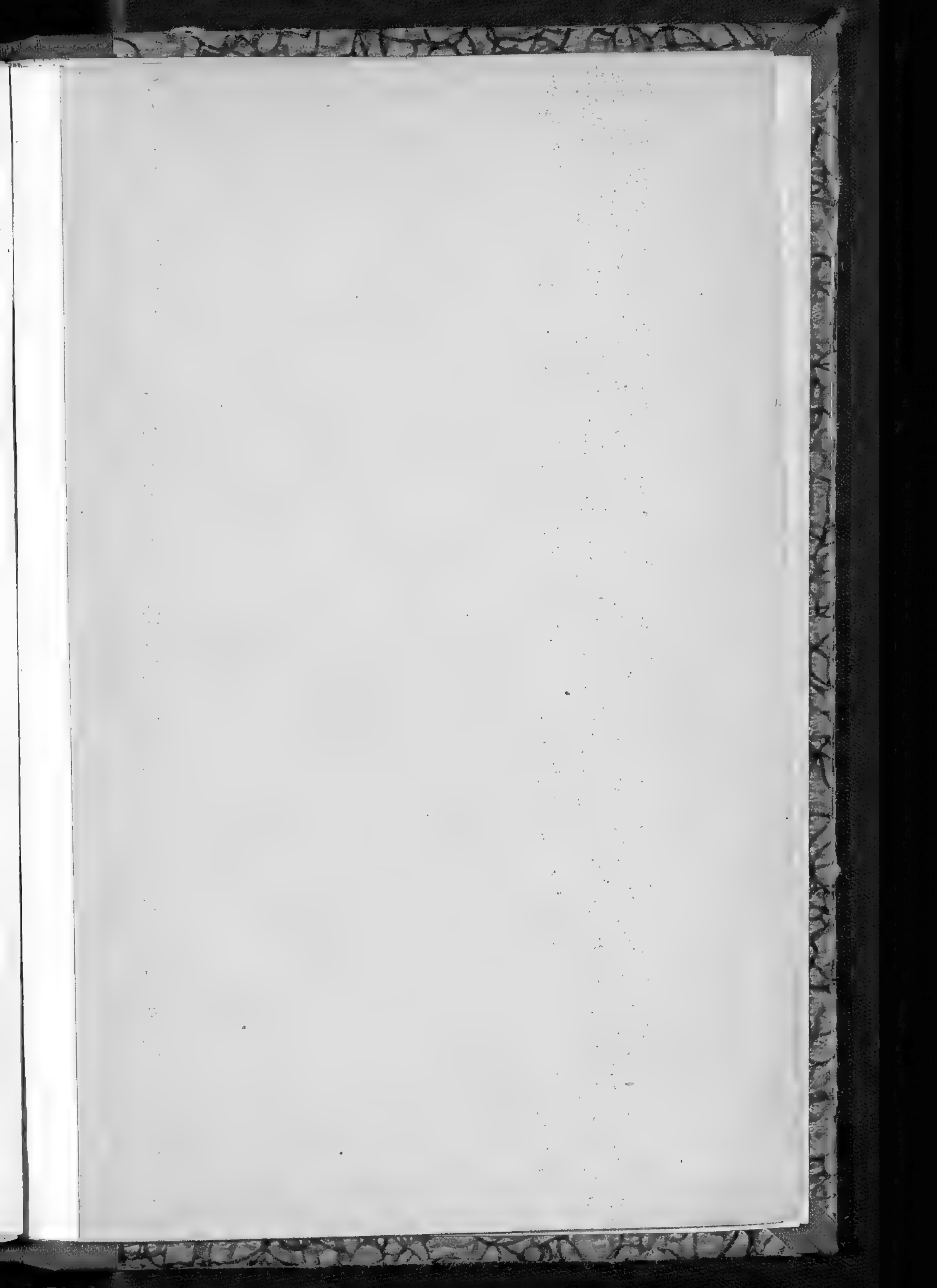
Эти жертвы приносятся за счетъ всего населенія цѣной приниженія чести и достоинства того представительнаго учрежденія, которое добыто вѣковой упорной борьбой, путемъ нечеловѣческихъ усилій и страданій. Чувствовали ли к.-д. это, когда посылали г. Головина къ г. Редигеру?!.. Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать дѣйствительную безотвѣтственность и передъ страной и передъ своей совѣстью!

Членъ государственной думы, **А. Зурабовъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложенія:

Цѣна 75 коп.

